

**РОСТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (РИНХ)**

**ИНСТИТУТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И ГЛОКАЛИЗАЦИИ РГЭУ (РИНХ)**

СЕТЕВАЯ КАФЕДРА ЮНЕСКО

А.М. СТАРОСТИН

**НОВАЯ ФИЛОСОФИЯ
ГЛОБАЛЬНОГО МИРА:
ПРОБЛЕМНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ**

Монография

Ростов-на-Дону
2021

ББК 87.0
С77

Рецензенты:

Саямов Ю.Н., д-р полит. наук, профессор, зав. кафедрой ЮНЕСКО факультета глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова;
Голобородько А.Ю., д-р полит. наук, профессор, директор Таганрогского института им. А.П. Чехова — филиала РГЭУ (РИНХ);
Узнарядов И.М., д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой мировой политики и глобализации РГЭУ (РИНХ)

В оформлении обложки использована
репродукция картины М. Эшер «Развитие». 1937 г.

Старостин А.М.

С77 Новая философия глобального мира: проблемная репрезентация: монография. — ООО «Мини Тайп», 2021. — 234 с.

ISBN 978-5-98615-479-4

В монографии на базе инструментария исследовательской философии (философской инноватики) изучаются на междисциплинарной основе современные глобальные процессы и их проекции на региональный уровень. Вводится ряд новых понятий и концептов: альтернативные модели глобализации; волны глобализации; социально-эволюционная диатропика; глобальный кватернион; волны государствообразования; глобальная субсидиарность; глобально-ролевой подход; стратегии глобального развития; глобальное управление; философия международных отношений; междисциплинарный фрейминг; ордерная модель социально-политического управления; глобальная коннектография; глобальная философия рисков и безопасности.

Представляя результаты своих исследований и размышлений, автор вступает в диалог с авторами и основателями Римского клуба, призвавшими в своем юбилейном докладе (2018) к разработке нового философского подхода к пониманию глобализации.

Адресуется научно-педагогическим работникам, аспирантам, магистрантам, студентам, всем, интересующимся проблемами современной глобалистики.

ISBN 978-5-98615-479-4

ББК 87.0

© Старостин А.М., 2021
© ООО «Мини Тайп», 2021

ВВЕДЕНИЕ

Обращаясь к названию нашей работы, невольно фиксируешь внимание на некоторой ее претенциозности: «Новая философия глобального мира»! Однако такой подход заложен в проблемно-тематической структуре юбилейного доклада Римскому клубу (2018)¹, где имеется раздел «Новая философия». Естественно, что исследователи, занимающиеся происходящими на их глазах процессами «перезагрузки» глобальной динамики, так или иначе отвечают и на вопрос, поставленный основателями Римского клуба, ибо их полувековой исследовательский опыт вольно или невольно смещает акценты с естественнонаучной методологии к более широкому исследовательскому и мировоззренческому контексту.

Обращаясь прежде всего к этому философскому сюжету, как метасюжету современной глобалистики, обратим внимание на нетрадиционное понимание философии и философского подхода и авторов из Римского клуба и в значительной мере тех, кто идет по их колее или оппонировать им.

В традиционном понимании философия представляет систему общих идей, взглядов прежде всего мировоззренческого характера, помогающих собрать воедино ключевые факты и разноплановые теоретические подходы к значимому феномену и наполнить неким объединяющим смыслом, создать общую картину изучаемого разными группами исследователей и экспертов процесса. Если в нашем случае такой феномен, процесс, то формируется философия глобальных процессов.

Однако уже здесь заложено по меньшей мере два нюанса.

Во-первых, обычно философия «не разменивается» на осмысление отдельных, даже крупных феноменов, а предпочитает вписать их в уже имеющуюся картину действительности. В ином случае приходится говорить, например, о прикладной философии, несколько смещая акценты в интерпретации классическо-

¹ *Anders Wijkman and Ernst von Weizsäcker. Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. New York, Springer, 2018. 220 p.*

го философского знания и понимания мира. Например, как это реализуется в науке, где выделяется фундаментальная, прикладная части и разработки. В таком случае философия понимается как интегрированная система мировоззренческих знаний и общих методов, позволяющих вести изучение и осмысление крупных (макро-, мега-, микро-) процессов в разной степени их конкретизации и применимости в дальнейшей теоретической и практической деятельности.

Таким базовым феноменом может выступать, например, глобализация (или точнее, социальная глобализация). В современной методологической практике уже сложилось несколько вариантов или моделей такого рода прикладной философии и достаточно объемные системы философско-прикладных знаний, таких как «философия жизни», «философия искусства», «философия религии». Или более конкретных: «философия физики», «философия языка», «философия глобализации» и т.п. заметим, что дальнейший ход познания и острая потребность в междисциплинарном, трансдисциплинарном знании запускает все более дробящийся интегративный процесс, сопровождающий традиционный для науки (и не только для науки, но и многих других видов деятельности) аналитический процесс его не менее важным систематическим дополнением.

Автор в течение более чем 10 лет разрабатывает концепцию современной прикладной философии как философской инноватики¹, придя в итоге к выводу о правомерности понятия «исследовательской философии»². Именно последняя включает в себя разные версии фундаментальной философии и ее приложений.

Данные процессы «прикладывания» идут как в стихийном формате, так сказать «самотеком», так и в отрефлексированном виде. В стихийном виде процесс философского осмысления в

¹ См.: *Старостин А.М.* Философские инновации: концепция и основные сферы проявлений. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2009; Его же. Прикладная философия как философская инноватика. Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015.

² *Старостин А.М.* Исследовательская философия. Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018.

чистом виде осуществляется, как правило, крупными учеными, имеющими опыт и знания междисциплинарных подходов в рамках своей проблематики (А. Эйнштейн, В. Гейзенберг, В. Вернадский, Н. Моисеев и др.).

Второй момент, который тоже нужно обозначить, в том числе и применительно к глобализации и глобалистике как теоретической области осмысления глобальных процессов, касается процессуальности и многоэтапности в формировании той или иной области философско-прикладных исследований.

В случае глобалистики по мере развертывания самого базового процесса глобализации на протяжении последних 50–70 лет наблюдается несколько волн «приливов» и «отливов» в этой области. Общая тенденция и вектор ее изменений могут быть выражены так: «от философии глобальных проблем» — к «философии глобализации» (или философии глобалистики). И если по поводу «философии глобальных проблем» за несколько десятилетий был наработан огромный исследовательский материал, значительную часть которого составили обобщения, прогнозы, международные регулятивы и опыт их реализации, базирующиеся на платформе почти полусотни известных докладов «Римского клуба», то касательно «философии глобалистики» или «философии глобального мира», где делаются шаги по сведению в фокус истоков и последствий мощной агрегативной системы глобальных проблем, сделаны лишь первые шаги. И сделаны они в том числе в юбилейном докладе Римскому клубу.

Авторы-руководители клуба — Э. Вайцеккер и А. Вийкман — при участии других его членов обращают внимание не только на современный глобальный контекст, вводя понятие «полного мира», но и на когнитивные «пределы роста» не только в попытках его понимания, но и в бесперспективности предлагаемых стратегий, ведущих к релевантным результатам — стабилизации планетарного сообщества в существовании на планете Земля и перспективном развитии¹.

¹ *Anders Wijkman and Ernst von Weizsäcker. Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. New York, Springer, 2018. 220 p.*

Авторы обращают внимание на необходимость формирования новой философии глобального мира, поскольку прежняя философия, лежащая в основе, в том числе нескольких десятков прежних докладов Римского клуба, является редукционистской, построенной на базе механического агрегирования различных (хотя и весьма сложных) фрагментов знания. Речь же идет об иной основе — холистском, органически-системном мышлении и выражающей его философии. Авторы идут и далее, полагая формирование целой субкультуры «нового Просвещения», которая позволит не только мыслить иначе, но и скоординированно действовать иначе на планетарном уровне.

По поводу такого подхода к проблеме существуют и позитивные, и критические суждения¹.

Высказывая наши авторские позиции и подходы к данной проблеме, которые будут развернуты в тексте монографии, подчеркнем, что речь пока не идет о решении ее, а скорее о репрезентации, осмыслении, в том числе и альтернативных подходов. А также структурировании составляющих столь масштабной проблематики.

Прежде всего обратим внимание на основные коллизии, связанные с подходами к постановке проблемы, или с проблемным контекстом.

Во-первых, следует отметить, что процесс социальной глобализации — это не только процесс, требующий междисциплинарного взгляда и последующего проектного подхода, но и межпарадигмальный, где в основе лежат натуроцентрическая и культуроцентрическая парадигмы, репрезентирующие этот процесс. И, соответственно, два комплекса дисциплин: естественнонаучные и гуманитарные. Поэтому речь идет о многоплановой междисциплинарности. До сего времени доклады Римского клуба были сконцентрированы по-преимуществу на подходах натуроцентрического плана.

¹ Назаретян А.П. XXI век и «устаревшая философия» (по поводу Юбилейного доклада Римскому клубу) // *Общественные науки и современность*. 2018. № 4; Старостин А.М. Новая философия глобального полицентричного мира // *Век глобализации*. 2020. № 1.

Юбилейный доклад активно задействует и пласт гуманитарных знаний, относящихся к культуроцентрической парадигме. Не всегда это выглядит корректно. Впрочем большого опыта такого рода кросс-научных интегративных изысканий пока не накоплено. Хотя в отечественной традиции непревзойденными образцами и по сей день выступают работы В.И. Вернадского «Несколько слов о ноосфере» и «Научная мысль как планетное явление»¹.

Во-вторых, обращает на себя внимание необходимость состыковки хронотопических ситуаций, процессов, объектов разной метрики, что требует рефлексии не только применительно к онтологическому геоцентризму и макроцентризму, но и касательно калейдоскопичности и соизмеримости методов фрейминга онтологически разных объектов².

В-третьих, требуется соотнесение прежде всего в рамках культуроцентрической парадигмы разных и даже разнонаправленных социально-дискурсивных подходов к социально-глобальному развитию.

На наш взгляд, в отечественной литературе уже появились варианты обоснованных ответов на поставленные вопросы и призывы их решать по-новому. Прежде всего этому соответствует новое фундаментальное исследование в области современной глобалистики А.Н. Чумакова «Глобальный мир: столкновение интересов» (М.: Проспект, 2018) вкупе с его работой «Глобализация: контур целостного мира» (М.: Проспект, 2020. 3-е изд., доп.), где автор пристально изучает локально-цивилизационные интересы и возможности их согласования и балансирования: «В современном мире явно выделяются четыре вектора силы (глобальных тренда), которые в наибольшей степени воздействуют на развитие мировых процессов и имеют реальные возможности кардинально повлиять на облик глобального человечества в будущем — это Запад, Китай, Исламский мир и Россия. Каждая из этих культурно-цивилизационных систем столь

¹ *Вернадский В.И.* Пережитое и передуманное. М.: Вагриус, 2007. С. 282–304.

² *Бранский В.П.* Философские основания проблемы синтеза релятивистских и квантовых принципов. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1973.

самодостаточна и независима, что принципиальная интеграция с любой из них возможна только на платформах и условиях каждой из них»¹.

Следует также подчеркнуть, что несколько лет назад была высказана рекомендация методологического характера касательно развития одного из наиболее перспективных направлений исследований эволюции современной системы международных отношений, которая должна быть органично вписана в глобальную динамику.

В монографии «Российская наука международных отношений: новые направления» подчеркивалось: «...направлением интеллектуальной адаптации к условиям глобализации могло бы стать развитие российской наукой МО исследований и теорий культурно-исторических типов. Без осознания своей культурно-цивилизационной специфики Россия не сможет полноценно встроиться в глобальный мир и поэтому должна переосмыслить традицию своего культурологического мышления. У этой традиции богатые корни, связанные с “цветущей сложностью” К. Леонтьева, славянством Н. Данилевского, евразийством Н. Трубецкого, Л. Гумилева и других»².

Ныне данная рекомендация реализуется в полноценном формате факультетом глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова и рядом центров глобальных исследований, ориентированных не только на стратегию российских национальных интересов, но и на углубленное исследование современной глобальной динамики. Существенные изменения и подвижки следует отметить именно на этом уровне. В последнее время не только обозначился отход от западнцентристских глобальных процессов, но выдвигание новых концепций глобальной динамики³.

¹ Чумаков А.Н. Глобальный мир: столкновение интересов: монография / Институт философии РАН. М.: Проспект, 2018. С. 476.

² Российская наука международных отношений: новые направления / под ред. А.П. Цыганкова, П.А. Цыганкова. М.: Пер Сэ, 2005. С. 400.

³ См., например: Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России. М.: Международные отношения, 2018; Современная политическая наука. Методология. М.: Аспект пресс, 2019 (гл. 25).

Обстоятельные обзоры научных подходов и достижений в области, которую принято относить к глобалистике, даны в статьях монументального международного энциклопедического словаря «Глобалистика» под ред. И.И. Мазура и А.Н. Чумакова¹. В статьях И. Мазура, А. Чумакова, М.А. Чешкова, А.И. Кости́на, А.И. Уткина, И.А. Василенко и др.², где дан анализ генезиса, этапов развития, современного состояния глобалистики в мире и в современной России. Примерно в этом же ключе анализируется феномен глобалистики в монографии А.Н. Чумакова «Глобализация. Контуры целостного мира» (М.: Проспект, 2020).

Вполне определенно можно сказать, что в рамках отечественной науки высказан еще в первой половине XX в. ряд оригинальных фундаментальных идей и подходов как в естественнонаучном, так и в гуманитарном ключе. Они связаны с именами Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского, А.Л. Чижевского, В.И. Вернадского, Н.Н. Моисеева, В.С. Степина, А.Д. Урсула, П.Л. Капицы и др., которые мы разделяем.

Нельзя не отметить, что наряду с процессуальной глобально-эволюционной составляющей в глобализации и, соответственно, в глобалистике, всегда присутствовал, постулировался тот образ социальной целостности, который фиксировался на уровне представлений о «глобальной цивилизации».

На этот образ накладывались не только социально-мировоззренческие, но и идеологические предпочтения авторов. К их числу следует отнести такие концепты, которые доминировали в последние 50–70 лет, с которыми связывали глобальное будущее, глобальный этап развития человечества, как «коммунизм», «постиндустриальное общество», «информационное общество», «общество риска», «инновационное общество», «общество массового потребления» и др.

Идеологизация данных концептов, в смысловое русло которых пытались включить основные симптомы реальной глобализации, показала вместе с тем и смысловые, контекстуальные принципы, которые сдерживали развитие глобалистики как

¹ См.: Глобалистика. М.–СПб.–Н.-Й.: Елима, Питер, 2006.

² Глобалистика... С. 187–199, 695.

фундаментально-научной модели глобализации. Это зафиксировано в работах начала XXI в.

Так, в книге Бринка Линдси «Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма» (М.: ИРИСЭН, 2008) предлагается волнообразно-циклический подход к феномену глобализации, в рамках которого проводится оригинальная идея о сдерживающем характере политико-экономических и идеологических начал в глобальной эволюции, которые «запускают» реальную глобализацию по второму и третьему кругу, но она не может реализовать свой потенциал из-за данных «пределов роста». Возможен вследствие этого переход на саморазрушительную траекторию.

В чем-то перекликаются с этим взглядом идеи польского экономиста Гжегожа Колодко¹, который в заключение своего труда настаивает на необходимости опоры на междисциплинарную методологию в современной глобалистике. Однако не предлагает таковой.

Уже состоявшийся экономический и социально-политический опыт глобализации в критическом ключе переосмысливает Гемавит Пенкадж². По-существу он переформатирует тот список глобальных проблем, разрешение которых, казалось, откроет «шлюзы» подлинной глобализации, и которые были выдвинуты в 70–90-е гг. XX в. (Мир 1.0 и Мир 2.0). Он уповает на радикальный поворот к иному ценностно-гуманистическому контексту, который основан на солидарных началах, стремлении к глобальному сотрудничеству и преодолению барьеров, этому препятствующих.

К сожалению, как и у Г. Колодко, конструктивная программа здесь только названа, но не развернута, не обозначен инструментарий ее реализации.

Определенным шагом вперед стало фундаментальное исследование: Параг Ханна «Коннектография. Будущее глобальной цивилизации» (М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019), в котором

¹ См.: *Колодко Г.В.* Глобализация, трансформация, кризис – что дальше? М.: Магистр, 2015.

² См.: *Гемавит П.* Мир 3.0: Глобальная интеграция без барьеров. М.: Альпина Паблишер, 2013.

автор репрезентирует с информационно-сетевых позиций контуры мира новой волны глобализации.

В отечественной глобалистике в последние годы последовательно реализуется программа ИМЭМО РАН под руководством академиков А.А. Дынкина и Н.И. Ивановой. В фундаментальной работе «Глобальная перестройка» под их редакцией (см.: Глобальная перестройка. М.: Весь Мир, 2014) и ряде других¹ также репрезентируется новый формат глобальных проблем, сведенных в несколько кластеров («Экономика», «Социально-политические процессы», «Политика и безопасность»).

Исследования в этой и ряде других работ² способствуют обозначению путей переосмысления современных проявлений глобализации. Однако и здесь недостает конструктива — новых образов глобализации, основанных на междисциплинарном подходе.

Выше уже отмечалась значимость публикаций и разработок, осуществляемых на факультете глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова.

Выделенные в обзоре отечественные и зарубежные работы не исчерпывают многообразие поисков в сфере современной глобалистики. Но они фиксируют вполне определенные когнитивные пределы, связанные и с мировоззренческими, и с методологическими «пределами роста», а также указывают на необходимость репрезентации новых направлений научного поиска, о чем и пойдет речь в данной монографии.

¹ *Холодковский К.Г.* Глобализация VS национальное государство — попятное движение? // МЭиМО. 2019. Т. 63. № 2; *Гаджиев К.С.* О фрагментации миропорядка в эпоху глобализации // МЭиМО. 2019. Т. 63. № 8; *Байков А.А., Дундич А.С.* Большие тренды мирового развития: экспертный взгляд через двадцатилетие // МЭиМО. Т. 62. № 5.

² *Хейфец Б.А.* Глобализация не кончается, она становится другой // Контурные глобальных трансформаций. 2018. Т. 11. № 1; *Следзевский Н.В.* Цивилизационное измерение современного мирового развития: проблемы и подходы // МЭиМО. 2020. Т. 64. № 1; *Лебедева М.М.* Современные мегатренды мировой политики // МЭиМО. Т. 63. № 9.

Глава 1

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ И АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА АНАЛИЗА ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИНСТРУМЕНТАРИЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ФРЕЙМИНГА В ГЛОБАЛИСТИКЕ

Характеризуя процесс развития современной философии, нельзя не отметить то обстоятельство, что ее развитие в целом опирается на несколько потоков: академический (фундаментальный) дискурс, диатрибический дискурс и исследовательский дискурс. Последний для нас выступает синонимом прикладных исследований и разработок, ибо по совершенно справедливому замечанию К. Поппера, истинно философские проблемы всегда коренятся в других проблемах, лежащих за пределами философии, и философия умрет, если лишится этих корней.

Конечно, исследовательский момент содержит и академическая (фундаментальная) философия. Но он очень специфичен, поскольку в фундаментальной части весьма медленно чувствуется продвижение к новому, и, конечно, в существенной мере зависит от того опыта, который обозначен в прикладных философских исследованиях и разработках, которые, в свою очередь, поддерживают общественное внимание и запрос на философию.

Как совершенно правильно отмечает известный норвежский философ Ларс Свендсен, характеризуя развитие академической философии: «В современной философии важную роль играет поиск решений и новых точек зрения на проблемы, которые интересуют исключительно философов, и именно таким путем можно сделать академическую карьеру и получить признание. Актуальность философии для окружающего мира при этом совершенно не важна. Превращение философии в профессию улучшило ее техническое качество, но также сделало ее более скучной и безжизненной»¹.

¹ Свендсен Л. Философия философии. М.: Прогресс-Традиция, 2018. С. 180–181.

Есть еще один ракурс рассмотрения исследовательского и новаторского моментов, содержащихся в академической и прикладной сферах философии, на который указал в свое время Б. Рассел в «Истории Западной философии». Показательно, что данные суждения Б. Рассел сделал в начале главы под названием «Философский либерализм»: «Нужно остерегаться двух противоположных, но одинаково общераспространенных ошибок. С одной стороны, люди, которые больше знают книги, чем жизнь, склонны переоценивать влияние философов... И, наоборот, реакция против старой ошибки вызвала новую, заключающуюся в том, что теоретиков рассматривают как почти пассивный продукт обстоятельств, считают, что они вообще едва ли оказывают какое-либо влияние на ход событий... Со своей стороны, я полагаю, что истина — между этими двумя крайностями»¹. Мы же, со своей стороны, вновь подчеркнем, что и первый аспект (теоретический) и второй (жизненно-практический) оказываются во взаимодействии, взаимосвязи через посредство системы философской инноватики — философских приложений и разработок. Если это посредствующее звено выстроено институционально и технологически, то взаимодействие эффективно, о чем говорят шесть этапов истории прикладной философии, описанные нами ранее². Стихийный подход, экспромты, зачастую и приводят к тем крайностям, о которых пишет Б. Рассел.

Что касается отмеченной в начале главы диатрибической традиции, то речь идет о формировании субкультурного философского контекста, который обеспечивает как вхождение и первые шаги по ниве освоения академической философии (философскую пропедевтику в профессионализации), так и, в большей мере, создание смыслового и содержательного поля для понимания философии, «потребления философии» специалистами из других областей знания. Обратимся для более точных трактовок к классику разработки проблемы диатрибики в

¹ Рассел Б. История западной философии. М.: МИФ, 1993. С. 113.

² См.: Старостин А.М. Исследовательская философия. Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018. С 17–20.

философии проф. А.В. Потемкину, введшему этот термин в наш философский лексикон еще в 70-е гг. прошлого века: «Слово “диатриба” у древних греков и римлян означало беседу учителя с учеником, студенческий конспект, а также проселочную дорогу, истоптанную в пыль ослиами. Впоследствии, в течение веков, это слово у европейцев обросло множеством значений»¹. Проще говоря — это традиция школярская, включающая элементарные (допрофессиональные) знания. «Будем впредь называть все, что относится к школьно-учебной метаморфозе философии: персоналии, учебники, справочники, методические приемы, логические схемы, основные провозглашаемые положения — словом “диатрибика”, а складывающуюся на этом уровне традицию в толковании специфики философии — «диатрибической традицией»².

Диатрибическая традиция эволюционирует, в особенности в наше время. В академическом аспекте в конце 80-х — начале 90-х гг. в нашей учебной литературе реализовался постепенный отход от философии марксизма: вначале осуществлялась такая идеологическая чистка от оценочных интерпретаций социальных, экономических, политических трактовок. А затем, благодаря новым нормам и стандартам в учебный оборот были включены многие фрагменты немарксистских философских учений, включая и традиционную русскую философию. Данные изменения затронули всю «вертикаль» философского образования: от среднего специального и вузовского — до аспирантского. Впоследствии в аспирантские курсы вообще были включены в качестве основы курсов по философии и истории науки оригинальные тексты и их интерпретации из позитивистских и постпозитивистских концепций. Похожие процессы затронули подготовку паспортов научных специальностей по социально-гуманитарным наукам.

В настоящее время диатрибическая традиция эволюционирует в сторону прикладных философских концепций («Философия

¹ Потемкин А.В. Метафилософские диатрибы на берегах Кизитеринки. Ростов н/Д: Ростиздат, 2003. С. 9.

² Там же. С. 201.

политики», «Философия образования», «Философия техники», «Философия информатики», «Философия управления», «Философия медицины» и т.п.)¹, что помогает сблизить философское обучение со специальной профессиональной подготовкой, расширив представления о различных сферах жизни общества, методологическом и мировоззренческом контексте деятельности специалиста, молодого ученого, конструктора, управленца.

Вместе с тем в рамках данного процесса подспудно или целенаправленно формируется представление о многоверсионной фундаментально-философской базе для осуществления философских приложений (философия науки, философия жизни и экзистенциализм, герменевтика и феноменология). Однако данные тенденции, также как и обучение методологии философских разработок, пока только зарождаются.

Диатрибическая традиция выполняет функцию в чем-то аналогичную коммуникативно-посреднической деятельности универсального языка общения (как английский язык) или создает возможности паритетного обмена, как это делает международно признанная валюта (доллар). Тенденции диатрибизации хорошо просматриваются как на академическом уровне, так и на прикладном. При этом печать схематизма, упрощения, даже известной примитивизации здесь присутствует.

В нашей философской и идеологической культуре, пока еще тесно связанной с философией марксизма, это хорошо просматривается. Марксистская диатрибика опирается на упрощенное понимание марксизма, сводит его к простым однозначным схемам. Прежде всего за такую монополию шла борьба. Она представлена нам в такой транскрипции как большевистская версия (действие идеологического фактора). Далее, нужно отметить процесс адаптации марксизма и его «составных частей» к уровню образования и культуры России начала XX в. В этом процессе существенно упрощались и прикладные функции марксизма, который претендовал на представительство сложных форм

¹ См., например, *Ивин А.А.* Философия истории. М.: Гардарики, 2000; *Ивин А.А.* Философские исследования науки. М.: Проспект, 2016; *Губин В.Д.* Философия. М.: Проспект, 2014; *Практическая философия.* М.: Проспект, 2017.

приложения гегелевской диалектики к воздействию на развитие разных предметных областей (экономика, политика, наука) и практики, которые и имели наиболее резонансные последствия.

В 50–60-е гг. XX в. началась интенсивная работа по реконструкции аутентичного марксизма по трем основным азимутам: деидеологизации; воссозданию сложного культурного и научного контекста творчества К. Маркса; попыток создания философски-прикладных творческих аналогов-концептов в логике, экономике, педагогике и др., сопоставимых по уровню творческим произведениям К. Маркса, которые как раз и характерны творческим сплавом диалектического метода и конкретной отрасли знания (политика, экономика, религия, история, даже математика).

Мы остановились на диатрибической традиции в философии, включая ее прикладные сегменты, имея в виду и то, что в истории естествознания (физика, химия, биология, астрономия) и гуманитарных наук достаточно много примеров (кейсов) обращения крупных ученых (А. Эйнштейн, Н. Бор, В. Гейзенберг, В. Амбарцумян, Б. Кедров, В.И. Вернадский, В.С. Выготский, А.И. Пригожин, Е. Вигнер, А.Б. Мигдал) к анализу своих научно-дисциплинарных областей, которыми они владели в совершенстве, с философско-методологических позиций, которые были реконструированы в том числе и по диатрибическим источникам. Известный отечественный физик академик А.Б. Мигдал по этому поводу опубликовал даже большую статью в журнале «Вопросы философии»¹.

Естественно, что и в этой статье, и в трудах упомянутых выше крупных ученых, связанных с востребованностью философских идей и методов, не содержится новых фундаментальных философских прорывов. Но содержится постановка стыковых, прикладных, прежде всего, философских проблем, решение которых способно привести к таким прорывам.

В современных диатропических образцах явно просматривается мотив к созданию конвергентной философской концепции, которая как бы впитала в себя и отразила наиболее важные

¹ Мигдал А.Б. Физика и философия // Вопросы философии. 1990. № 1.

идеи, принципы, проблемы, которые характерны для основных философских систем. Так сказать создать философско-мировоззренческую картину, базирующуюся на ансамбле философских универсалий. Автор сам приложил к этому немалые усилия, стремясь создать такую сводку для будущих специалистов и молодых ученых, обеспечив для них дорогу и к прикладной диатрибике («философия науки», «философия образования», «философия управления», «философия политики» и т.д.).

Анализируя развитие философии в исследовательском аспекте, мы обращаем прежде всего внимание на обогащение ее содержания, состава ее знаний новыми положениями, которые далеко не всегда удается вписать в сложившуюся картину миропонимания. Исследовательские признаки проявляются тем ярче, чем более парадоксальными выступают новые положения, которые могут даже противоречить устоявшимся взглядам. В этом плане можно обозначить по меньшей мере три траектории инновационного развития философии: 1) философская диатропика; 2) философская альтернативистика; 3) философская инноватика. Вкратце об этом:

1. Появление новых фундаментальных философских систем, позволяющих раскрыть традиционные философские проблемы с принципиально иных позиций, что в особенности стало заметно в неклассический период, когда появились системы, опирающиеся не только на исследования мышления, его границ и возможностей, но и обозначившие такие направления, как философия жизни, феноменология, философский прагматизм, герменевтика, религиозная философия, философия языка, философия подсознательных процессов и марксизм.

Все это укладывается в нелинейно развивающееся многообразие философских систем, которые эволюционируют по принципу гомологических рядов, образуя *диатропический мир философии*¹.

¹ Диатропика – учение о разнообразии и его закономерностях. См.: Чайковский Ю.В. Познавательные модели, плюрализм и выживание // Путь. Международный философский журнал. 1992. № 1.

Отражению этого мира в диатропическом и инновационном ракурсе посвящен значительный массив литературы, освещающий панораму развития современной философии.

Мы не будем останавливаться подробно на этой теме. Подчеркнем лишь то, что здесь есть известные пересечения с философской инноватикой в той ее части, которая затрагивает взаимодействие фундаментального и прикладного знания в принципиально разных философских системах. Значимой выступает проблема формирования кросс-философских образов, мировоззренческих картин, инструментальных подходов к миру и человеку.

2. *Философская альтернативистика* может быть понята по аналогии с математическими, физико-теоретическими и космологическими конструктами, исходящими из разной аксиоматики. Например, аналогом семейства неевклидовых геометрий могут выступать негеоцентрические онтологии, разработка которых началась с началом физического и космологического познания микро- и мегаобъектов в XX в.

Новый бытийный опыт потребовал и исследований в области *альтернативной онтологии*, включающей онтологические миры с иными, нежели макроземной, атрибутивными характеристиками: неевклидовым пространством, неньютоновским временем, нелейбницевской структурой (целое, включающее части и наоборот), неархимедовским количеством и т.п.¹

В связи с развитием исследований в области искусственно-го интеллекта, интеллектуальных проявлений в жизнедеятельности животных, а также разработкой проблемы SETI и SETI (внеземные цивилизации, внеземной разум и контакты с ним) на базе такой междисциплинарной области, как когнитология, включающей и философию, формируется новое направление — *альтернативная когнитология*, что также находится в русле фи-

¹ См.: *Бранский В.П.* Философские основания проблемы синтеза релятивистских и квантовых принципов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1973; *Кулаков Ю.И., Владимиров Ю.С., Карнаухов А.В.* Введение в теорию физических структур и бинарную геометрофизику. М.: Архимед, 1992; *Метафизика. Век XXI. Альманах. Вып. 2.* М.: Бинум. Лаборатория знаний, 2007; *Югай Г.А.* Голография Вселенной и новая универсальная философия. Возрождение метафизики и новая революция в философии. М.: Крафт+, 2007.

лософской альтернативистики как исследовательской философии.

Нужно подчеркнуть, что в последние годы по мере дистанцирования от монопольных притязаний социальной философии марксизма в отечественной версии стали быстро набирать темпы развития *альтернативные социальная философия и философия истории*¹.

Не вторгаясь в область альтернативной онтологии, которая последовательно разворачивается в учениях современных метафизиков², коснемся нескольких сюжетов из области *альтернативной аксиологии и альтернативной когнитологии*, по которым нами накоплен материал при разработке ряда прикладных философских кейсов³.

3. Расширение поля философских приложений и разработок, которые, в основном, включают в состав философской проблематики и новых знаний, источники которых находятся за пределами сложившейся системы фундаментальной философии. Это известный постулат К. Поппера, на который мы уже ссылались. Тем самым *философская инноватика* — наиболее динамичная часть системы исследовательской философии, она быстро наращивает новые области философского опыта, обобщение которых позволяет выйти на новые рубежи фундаментальных философских знаний и представлений.

Приложения философии и разработки, сделанные с помощью философского инструментария, направлены на повышение эффективности научного поиска в той его части, где тре-

¹ См.: Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000; История и синергетика. Методология исследования. М.: Либроком, 2009; Турчин П.В. Историческая динамика. На пути к теоретической истории. М.: Изд-во ЛКИ, 2007; Переслегин С. Скрытая история Второй мировой. Новый взгляд на Войну между Реальностями. М.: Эксмо, 2012.

² Лапкин А.И. Основания физики. Взгляд из теоретической физики. М.: URSS, 2014; Бранский В.П. Философия физики XX в. СПб., 2003; Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному. Новая онтология XX века. М.: Республика, 1997.

³ См. подробнее: Старостин А.М. Исследовательская философия в системном и инструментальном измерении: монография. Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018. А также рецензия на нее: Золотухина-Аболина Е.В. Поиск систем философских знаний (размышление над книгой А.М. Старостина «Исследовательская философия») // Экономические науки современной России. 2019. № 3. С. 152–157.

буется усиленная теоретико-рефлексивная работа. Речь также идет о таких направлениях философской деятельности, которые концентрируются на выявлении оснований предметно-научных и междисциплинарных областей, анализе смены отраслевых научных парадигм, частнонаучных и общенаучных картин мира и других исследовательских направлениях, где сама наука или область рационально осмысленного практического опыта не имеют достаточно серьезного и отрефлектированного инструментария теоретического синтеза.

Об этих ситуациях очень хорошо сказал В.И. Вернадский: «Дело в том, что философский анализ отвлеченных понятий, во множестве зарождающихся в новой науке, в ее новых проблемах и научных дисциплинах, необходим для научного охвата новых областей... Поскольку анализ основных научных понятий совершается философской работой, натуралист может и должен (конечно относясь критически) им пользоваться для своих заключений. Ему некогда самому его добывать»¹.

Следует подчеркнуть, что ситуации с приложениями философского инструментария к новым областям человеческой мысли и новому опыту случались и ранее. Вначале философия сама была в силах дать и общерациональную и отчасти научно-дисциплинарную репрезентацию реального бытия и мышления. Затем, став «служанкой науки», она в лице выдающихся мыслителей и ученых сформировала неплохо оснащенный методологический инструментарий.

Однако уже в XX в., в особенности в неклассический и постнеклассический период, когда происходит, по выражению В.И. Вернадского, «взрыв научного творчества»² и формируется Большая наука, сформировался острый запрос на анализ методологии науки, и когда сама наука становится сложно организованной системой по горизонтали (множество частных наук), вертикали (сложная иерархия уровней точного знания и методов) и опытно-научному инструментарию, субъектной организации научной деятельности. Здесь-то и становится остро

¹ Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. С. 104–105.

² Там же. С. 80–83.

необходима специализация и новая осмысленная организация самого философского знания и познания, что выразилось прежде всего в формировании множества частнофилософских или прикладных философских областей в виде философии науки, философии культуры, философии менеджмента, философии права, философии математики, философии химии, философии истории и других, порой более дробных областей философского познания, концентрирующих в себе сферу философских разработок на рубеже фундаментальных наук и других отраслей познания и практики. В итоге такого взаимодействия произошло взаимное обогащение философии и науки и формируется по образному выражению А. Койре, «философская субструктура»¹. Эта тенденция сейчас осознана как на уровне методологии науки, так и в самой философии.

Приведем на сей счет весьма характерное суждение одного очень известного отечественного физика, академика А.Б. Мигдала: «Анализ главных событий физики XX в. убедительно показывает необходимость прикладной философии, философии физики. Под прикладной философией понимается качественная сторона исследований, обобщающая опыт решенных конкретных задач, опирающаяся на хорошо установленные экспериментальные факты и способы их включения в теоретические знания. Иными словами, это осознанная и систематизированная научная интуиция.

Ни одно серьезное теоретическое исследование, как в его начале, когда необходимо найти правильное направление, так и перед завершением, когда возникает необходимость интерпретации и анализа полученных результатов не обходилась без прикладной философии»².

Такого рода суждения встречаются в творчестве А. Эйнштейна, В. Гейзенберга, Н. Бора и других известных ученых.

Формирование философской инноватики как сферы, концентрирующей различные приложения философии к науке и другим областям духовности и практики позволяет запустить

¹ Койре А. Очерки истории философской мысли. М.: Изд-во УРСС, 2004. С. 12.

² Мигдал А.Б. Физика и философия // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 29.

отлаженный «философский конвейер», массовидно востребуемый в указанных областях в качестве своеобразного метанаучного инструментария.

Что касается философской инноватики, разработки ее инструментария и применения к основным областям прикладного философского исследования, то «круглые столы» по проблемам философской инноватики проводятся в г. Ростове-на-Дону с 2009 г. Всего за последние годы на них было представлено около 600 докладов и сообщений, выпущено в свет девять монографий и 18 сборников научных трудов¹. Соответствующий «круглый стол» дебютировал на VI Российском философском конгрессе в 2012 г. в г. Нижний Новгород² и продолжился на VII конгрессе. В качестве основных «кейс-стади» выступали такие области, как: философия науки, философия образования, философия социально-гуманитарного познания, философия управления, философия конфликтологии, философия геополитики, философия космизма, философия глобалистики, философия субъектности³.

Мы придерживаемся концепции возможности операционализации философии с фундаментального ее уровня на прикладной, называя эту концепцию *«философской инноватикой»*. В ее рамках разрабатывается системно-компаративная репрезентация философской деятельности.

¹ Старостин А.М. Философские инновации в когнитивном и праксеологическом контексте: монография. М.: URSS, 2012.

² Новое понимание субъектности и проблемы философской инноватики. Материалы круглого стола. М. – Ростов н/Д – Нижний Новгород, 2012.

³ В последнее время автор получил государственное регистрационное свидетельство в Роспатенте на авторство данного направления (*Старостин А.М.* Современная прикладная философия как философская инноватика. Свидетельство Роспатента № 2016620386 от 28 марта 2016 г.). Оно репрезентируется следующим образом: «Философской инноватикой следует называть сферу интеллектуальных и практических разработок междисциплинарного вида, осуществляемых с помощью инструментария философской рефлексии. Потребность обозначения этой области деятельности термином «философская инноватика» связана с необходимостью более точной квалификации данной деятельности – это не сфера фундаментальной философии, и даже не всегда ее прикладная часть в виде «философии науки», «философии политики» или «философии религии», а решение, возможно, даже еще более конкретных и остро актуальных междисциплинарных задач. С другой стороны, это и не собственно философская деятельность, а интеллектуальная деятельность, осуществляемая с помощью философских средств.

Инструментарий философской инноватики ориентирован на решение сложносистемных, междисциплинарных проблем, где совершенно недостаточен монодисциплинарный инструментарий и необходимо решать задачи выявления оснований науки, осуществления синтеза различных дисциплинарных отраслей, разработки проектов сложносистемной деятельности, направленной на большую перспективу, решение социально-практических задач, сопряженных с деятельностью субъектов с разнонаправленными стратегиями и т.п.»¹.

Представим в виде схемы выделенные характеристики прикладной философии и определим ее место в общей системе философской деятельности (см. схему 1).

Что касается способов перехода от различных фундаментальных философских парадигм к прикладным философским их версиям, то это крайне непростая процедура. Она более или менее прояснена в современных концепциях диффузии инноваций². В нашем представлении обобщенно-схематически данные процедуры «прикладывания» выглядят применительно к философии следующим образом (см. схему 2).

Выделяя отмеченные схемы операционализации фундаментальной философии, мы исходили не только из теории и реалий инновационных процессов современного общества, но имели в виду и обобщали исторический опыт. Ибо для интеллектуального сообщества во все времена была очень важна мировоззренческая и методологическая позиция философии, то, на что она ориентирует практический разум. И это было важнее ее внутренних штудий, фундаментально-философских поисков. Поэтому и на периодизации развития философской деятельности это существенно сказывалось — прежде всего на периодизации, связанной с появлением новых этапов, новых образцов прикладной философии, которые конечно связаны и с новыми образцами философского дискурса.

¹ Старостин А.М. Прикладная философия как философская инноватика. Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015. С. 7.

² См., например: Сунгуров А.Ю. Как возникают политические инновации. Фабрики мысли и другие институты-медиаторы. М.: РОССПЭН, 2015. С. 45–50.

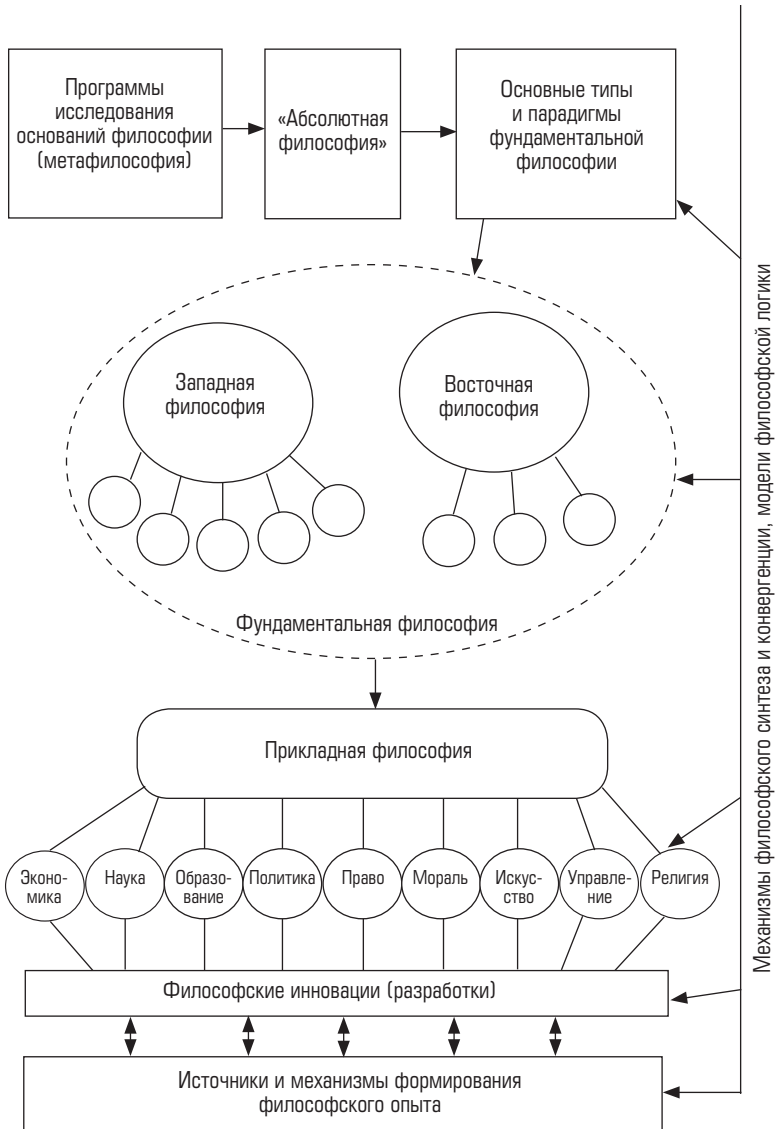

Схема 1. Место философской инноватики в системе философской деятельности и ее дифференциация в зависимости от кластеров, образуемых различными типами фундаментальной философии и различных механизмов их операционализации

Способы операционализации различных парадигм фундаментальной философии

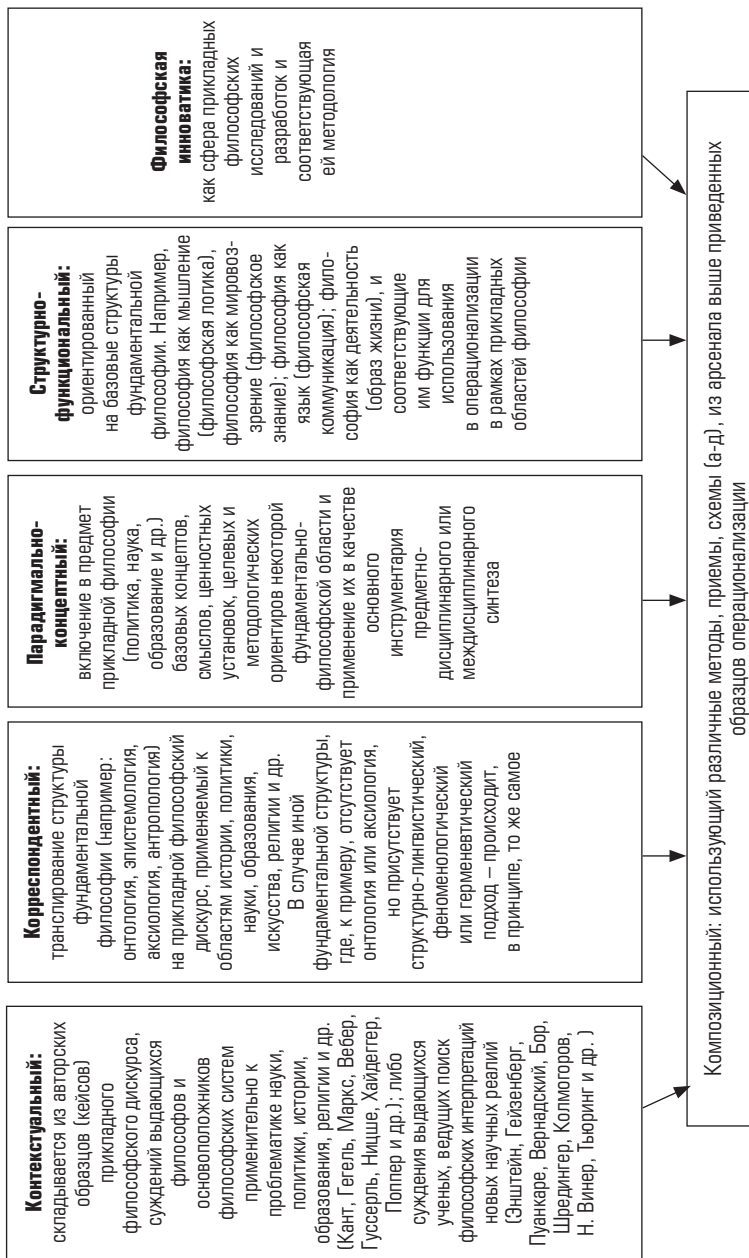

Схема 2

Схематично можно показать это в виде основных этапов, основных революций в философии, где ее прикладные интенции проявлялись все отчетливее:

1-й этап. Философия как инструментарий метафизики. Начало философии, становление ее как отвлеченной формы теоретического мышления и одновременно начало поисков его приложений к политике, логике и дисциплине мышления, регулированию человеческих отношений, учению о природе. Обозначение этики в качестве прикладной философии Аристотелем. Аналогичные шаги на Востоке. Только вектор приложений другой — не мышление, а поведение и внутренняя регуляция, самоорганизация. Можно сказать, что этот модус философии совпадает с ее генезисом — Первой философской революцией. Практически все «прикладники» — сами философы. И в названии «метафизика» — упоение мощью приложений философского мышления к конкретно-теоретическим учениям.

2-й этап. Философия как теория богословия. Этап может быть назван схоластической революцией в богословии, который связан с созданием самого теоретического богословия на базе философской теории. Кстати говоря, прошло 750 лет со времени написания Фомой Аквинским труда «Сумма философии» (*Summa Philosophiae* — 1259–1264 гг.), в котором предприняты титанические усилия по разработке надконфессиональной мировоззренческой позиции. Эти усилия мотивированы происходившим интенсивным интеллектуальным обменом между христианами, мусульманскими и иудейскими мыслителями.

Говоря современным языком, активизировались конвергентные мировоззренческие процессы на путях схождения разных цивилизационных культур. И философия становится «служанкой богословия», поскольку обладает колоссальным опытом и потенциалом синтеза различных теоретических и мировоззренческих дискурсов. Как совершенно справедливо подчеркивает известный отечественный философ и мыслитель Ю.А. Шрейдер: «В эпохи кризисов веры религия нуждается в философии особенно остро: так появляются св. Августин, св.

Фома, Паскаль, Лейбниц, Беркли, Вл. Соловьев, П. Флоренский и др. Великие каппадокийцы — Отцы Церкви были выдающимися философами... В присутствии Бога философия не нужна и даже невозможна, но в поисках Его даже любой из апостолов становится философом»¹.

3-й этап. Философия как логика и методология научного познания. Третья революция в философии, обозначившая классический ее этап. Начало «отпочковывания» и суверенизации науки и других конкретных сфер мышления от философии. Философия, стараясь сохранить свой патронаж над бывшими «колониями», позиционирует себя как универсальный метод и методология, обеспечивающие условия правильного мышления и поведения. Идет поиск «логики открытия», универсальной содержательной логики. Приложения философии — дело уже не только философов, но и крупнейших ученых, мыслителей, представляющих конкретно-теоретические области (Ф. Бэкон, Р. Декарт, Г. Лейбниц, И. Ньютон, И. Кант).

4-й этап. Четвертая революция в философии, проявившаяся в парадигмальной дифференциации самой философии, начиная со второй половины XIX в.

Появление «разных» философий: воли; деятельности; науки; сознания и подсознания; эмоционально-мотивационной сферы; языка. Это и начало становления разных парадигмальных моделей прикладной философии. Идет объединение усилий ученых-предметников, художников и писателей, педагогов, политиков в движении к прикладной философии. Здесь особо выделяются основоположники и представители марксизма, позитивизма, прагматизма, философии жизни, которые сами также выступают в качестве выдающихся представителей науки.

5-й этап. Философия как инструментарий формирования глобальных идеологий, что проявилось на уровне не только их формирования и активного включения в социально-политическую практику, начиная с конца XIX в. — начала XX в. (коммунистическая, либеральная, национал-социалистическая, консерва-

¹ Шрейдер Ю.А. Загадочная притягательность философии (субъективные заметки) // Как это было: воспоминания и размышления. М.: РОССПЭН, 2010. С. 574–575.

тивная идеологии), но и их острой конкуренции и кризисов в процессе апробации и массовой реализации.

6-й этап. *Философия как инструментарий когнитивной коммуникации и диффузии инноваций*. Шестая революция в философии: постмодерн и постнеклассика, конвергентные течения, постсовременность. Обозначена интенция отхода от традиционных стереотипов в философско-прикладных поисках, сводящихся к методологическим и аксиологическим (мировоззренческим) проекциям фундаментальной философии. Показывается выход к объемным, разносторонним, системным ее проекциям в различных прикладных сферах деятельности. Обозначение в начале XXI в. течения «философской инноватики», объединяющего многовекторные искания в области прикладной философии и философских разработок.

Предпосылки этого — в отечественной философии, закладывавшиеся в 50–70-е гг. XX в. в инновационных поисках, ведущихся совместно творческими философами, педагогами и психологами, учеными-естествоиспытателями, дизайнерами, конструкторами: Э. Ильенковым и А. Зиновьевым, Г. Щедровицким и М. Мамардашвили, В. Давыдовым и П. Гальпериним, системщиками, космистами, синергетиками, глобальными экологами, философией естествознания, наукой о человеке, что завершается большими научно-проектными комплексами междисциплинарного характера, активно внедряемыми в практику. И здесь существенно важно отразить алгоритмы инновационных процессов, которые затрагивают и философию.

Анализируя не только историко-эволюционные и общесистемные характеристики современной прикладной философии, важно показать и использовать ее инструментальный потенциал. Он проявляется прежде всего, как было подчеркнуто выше, в наших исходных определениях, в особых алгоритмах постановки и решения современных междисциплинарных проблем. Здесь необходимо сделать несколько пояснений по этому поводу.

На первый взгляд, современная прикладная философия как философская инноватика, следуя общей схеме научного поис-

ка, должна укладываться в его логику, проходить необходимые здесь этапы и использовать общепринятый научный инструментарий. Например, согласно схеме: «проблема — гипотеза и способы ее апробации — теория — новая проблема». Все это прекрасно было описано, например, в монографии проф. Е.Я. Режабека «Научный поиск и его этапы» (Ростов н/Д: РГУ, 1972). Однако, как позже показал сам Е.Я. Режабек, при исследовании сложных органических систем данный инструментарий серьезно усложняется. Появляются целые методологические комплексы, диктуемые особенностями объекта и условий его существования, такие как: поиск исходных начал, «клеточек» и восхождение от абстрактного к конкретному; инструментарий сложносистемного анализа и междисциплинарного синтеза, поскольку органические системы — это сложные образования, объекты, формирующиеся на стыке не только нескольких «начал», но и серьезно взаимодействующие со средой и включающие плотные информационные потоки по принципу обратной связи.

Еще позже, занимаясь гуманитарной когнитологией, Е.Я. Режабек показал, что и сам когнитивный образ, базирующийся на стыке субъект-объектных взаимодействий, это сложная подсистема познаваемого объекта, и она «вмонтируется» и в последующем органично включается в исследуемый объект, образуя с ним природно-культурную систему, вне которой дальнейшее развитие когнитивного образа не происходит. В результате меняется и сам инструментарий создания образа.

Когда мы говорим об инструментарии современной прикладной философии, то должны указывать на те предпосылки, которые его формируют как характеристиками объекта и условиями его существования, так и параметрами и сложностями субъекта и условий познания. Эти особенности новой когнитивной матрицы нами освещались в исследовательском кейсе «Философия когнитологии»¹.

¹ Старостин А.М. Прикладная философия как философская инноватика. Научно-учебное издание. Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015. Параграф 4.10. Философия когнитологии: гуманитарная проекция.

В рамках современной прикладной философии как философской инноватики прописан также новый усложненный алгоритм, апробированный в общих чертах в научно-инновационной практике (различные кейсы) междисциплинарного синтеза. В самых общих чертах эта поэтапная алгоритмическая схема выглядит следующим образом:

1. Вычленение системы познавательной ситуации и ее конкретизация применительно к условиям познания междисциплинарного предмета.
2. Исследование опыта и как когнитивного источника, и как особой части компонента когнитивного и практического процесса с прямыми и обратными связями, ведущими к управляющему процессом субъекту.
3. Исследование операций обобщения опыта на научно-дисциплинарном и междисциплинарном уровне.
4. Анализ логического инструментария и выделение областей оптимальной применимости разных логик: логики тождественных отношений, логики противоречия, логики подобия (толерантных отношений), диатропической логики.
5. Исследование условий диффузии, транзита когнитивных продуктов, их практического закрепления и апробации, а также тиражирование, изучение последствий этого и определение оптимальных условий их дальнейшего использования.

Это самая приближительная операционная схема. Но, как видно, она исходит уже из системного характера познавательной ситуации, сложных и динамично изменяющихся сопряженных отношений субъекта и объекта. Здесь по ходу развития этих отношений органично не просто включение рефлексии на том или ином этапе, а их непрерывное рефлексивное сопровождение. Вот что характеризует инструментарий современной прикладной философии как важного механизма междисциплинарного синтеза. А этот синтез особо необходим в процессе изучения сложных социально-органических систем. Ибо только

предметно-дисциплинарным инструментарием не удастся их адекватное постижение.

Справедливости ради, нужно подчеркнуть, что существуют и другие методы, подходы и технологии междисциплинарного синтеза, которые активно задействованы в том числе и в глобалистике как междисциплинарной области (см. схему 3).

Что касается междисциплинарного синтеза в системе глобалистских знаний с опорой на алгоритмы современной прикладной философии, то сделаем несколько уточняющих замечаний.

Междисциплинарность в нашем понимании — система понятий и представлений, репрезентирующих предмет исследования относительно целостно, совокупно, а не фрагментарно, либо же путем простого агрегирования фрагментарности.

Предложения и призывы к междисциплинарности были характерны и для классической науки и наблюдаются в современных условиях постнеклассической науки. Но образцов реального междисциплинарного синтеза мало. И это объяснимо, поскольку основным трендом развития науки и научно-исследовательской деятельности остаются аналитические, а не синтетические исследования, аккумулятом которых выступает дисциплинарная организация науки¹. Это характерно и для современной глобалистики, хотя время от времени выходят исследования типа «Междисциплинарный синтез в изучении мировой экономики и политики» (М., 2012)². Однако и здесь далее простого бидисциплинарного и полидисциплинарного агрегирования дело не идет, не движется дальше простой корреляции основных аспектов: для глобалистики — это политический и экономический аспекты, либо экономический и социально-экологический.

К более адекватному пониманию современных трактовок междисциплинарного синтеза удастся, опираясь на понятие «фрейминга».

¹ *Мирский Э.М.* Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М.: Наука, 1980. С. 3–24; *Мирский Э.М.* Междисциплинарные исследования // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2010. С. 518–519.

² Междисциплинарный синтез в изучении мировой экономики и политики. М.: Крафт+, 2012. С. 4–6.

Когнитивные, методологические предложения, способствующие формированию междисциплинарных областей (2-я половина XX в. – начало XXI в.):

- математический подход, математическое моделирование как универсальная когнитивная платформа, в том числе и для междисциплинарных исследований;
- системный подход в разных его версиях;
- синергетика как методологический инструментарий;
- диалектика в инструментальном аспекте и в ее применении к исследованию «органических систем» («Восхождение от абстрактного к конкретному», «системные качества» и др.);
- разработка, создание конвергентных промежуточных и межпредметных когнитивных концептов («общенаучные понятия», «частные научные картины мира»);
- создание системы организационно-деятельностного моделирования, способствующей междисциплинарному синтезу (Г.П. Щедровицкий).

Схема 3

Фрейминг — в буквальном смысле когнитивная деятельность по формированию каркаса, остова (схемы) какой-либо когнитивной системы, картины реальности, системы репрезентации знания¹. В отличие от понятия синтеза, фрейминг предназначен для описания процедур обобщения не только в контексте действий естественного интеллекта, где промежуточные операции продвижения от «конкретного» к «абстрактному» могут быть и не отражены и скрыты, свернуты. Но в операционном контексте искусственного интеллекта, либо гибридных систем (ИИ — ЕИ), фрейминговые процедуры и инструменты должны быть прояснены и алгоритмически прописаны. Как мы покажем далее, продвижение по пути междисциплинарного фрейминга требует иного алгоритма, нежели хорошо известный в науке алгоритм проблемно-дисциплинарного типа.

Переходя непосредственно к трактовке междисциплинарного фрейминга применительно к современной глобалистике, следует выделить **проблемный контекст и основные азимуты** в современной глобальной динамике: а) проявились черты «глубинной глобализации», прежде всего они связаны с противостоянием и завоеванием ведущих позиций во взаимодействии реального (производственного) капитала и финансового капитала, к которым в последние 1,5–2 десятилетия добавилась

¹ Финн В.К. К структурной когнитологии: феноменология сознания с точки зрения искусственного интеллекта // Вопросы философии. 2009. № 1.

быстро возрастающая роль информационного капитала и его воздействие на создание социальных платформ и целевых социально-информационных сетей; б) смена волн глобализации (3-я волна, современная), ориентирована на формирование и переход от однополярно-монопольного — к многополярному миру, базирующемуся на локально-цивилизационных платформах; в) начало перестройки политического миропорядка, основанного на принципах ялтинско-потсдамских договоренностей и последующих соглашениях, ограничивающих накопление и возможности применения глобального оружия. В то же время следует указать на импульсы, исходящие от интенсивного процесса государствообразования (три волны за послевоенный период, коррелирующие с тремя волнами глобализации); г) нарастающая синергетика новой социальной субъектности. Мы бы подчеркнули здесь наличие семи базовых источников социальных взрывов, проявившихся за послевоенный период (2-я половина XX в.) в глобальном пространстве: социально-демографический; миграционный; гендерный; «цветные революции»; политико-террористический; расово-этнический; социально-сетевой. Они меняют социально-глобальную структуру; д) наметившиеся коллизии, обусловленные потенциалом альтернативных моделей глобализации (см. концепцию А.М. Старостина).

Указанный контекст услышан и отражен как «глубинный гул» в юбилейном (2018 г.) докладе Римскому клубу. Это по своему почувствовало ЮНЕСКО и отразило прежде всего в программе МОСТ и постаралось отразить в кросскультурной дипломатии и кросскультурном менеджменте.

Применительно к современной глобалистике проблема междисциплинарного фрейминга в полный рост поставлена в юбилейном докладе Римскому клубу (2018): «Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты». Авторы-руководители клуба — Э. Вайцзеккер и А. Вийкман при участии других его членов обращают внимание не только на современный глобальный контекст, вводя понятие «полного мира», но и на когнитивные «пределы роста» не только в попытках его понима-

ния, но и в бесперспективности предлагаемых стратегий, ведущих к релевантным результатам — стабилизации планетарного сообщества в существовании на планете Земля и перспективном развитии¹.

Авторы, как уже говорилось выше, обращают внимание на необходимость формирования новой философии глобального мира, поскольку прежняя философия, лежащая в основе, в том числе нескольких десятков прежних докладов Римского клуба, является редуccionистской, построенной на базе механического агрегирования различных (хотя и весьма сложных) фрагментов знания. Речь же идет об иной основе — холистском, органически-системном мышлении и выражающей его философии. Авторы идут и далее, полагая формирование целой субкультуры «нового Просвещения», которая позволит не только мыслить иначе, но и скоординированно действовать иначе на планетарном уровне.

По поводу такого подхода к проблеме существуют и позитивные, и критические суждения².

При этом следует также иметь в виду, что в данной области все более явно обнаруживается, в особенности на уровне социально-глобального управления и регулирования парадоксально связанные и порой не освещаемые должным образом эмпирически транспарентные; рестриктивные и герметичные аспекты презентации социально-глобального контекста, что порождает смесь реалистических, криптоаналитических и конспирологических проекций данных процессов³. Это кстати весьма способствует активной индоктринации подходов к глобалистике, в особенности политико-прикладных.

¹ *Ernst Ulrich von Weizsäcker, Anders Wijkman: Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet.* N.-Y.: Springer, 2018.

² *Назаретян А.П.* XXI век и «устаревшая философия» (по поводу Юбилейного доклада Римскому клубу) // *Общественные науки и современность.* 2018. № 4; *Старостин А.М.* Новая философия глобального полицентричного мира // *Век глобализации.* 2020. № 1.

³ *Смирнов И.И.* Тропы истории. Криптоаналитика глубинной власти. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2020; *Старостин А.М., Тованцова Е.Н., Лобова Л.А.* Рефлексивное управление в глобальных координатах // *Интеллектуальные ресурсы — региональному развитию.* 2020. № 2.

Выделение спецификации как самого контекста современной социальной глобалистики, так и системно-методологических характеристик инструментария ее репрезентации при продвижении к междисциплинарному фреймингу, позволяют в общих чертах определить отличительные черты междисциплинарного синтеза (и не только в глобалистике), которые уже отмечались ранее, касаясь особенностей алгоритма междисциплинарного синтеза.

Что же касается собственно реализации данного алгоритма, то важно иметь в виду два момента.

Первый момент — наличие общих концепций, позволяющих «держать рамку» фрейминга. Применительно к современной глобализации в качестве таких можно рассматривать:

- а) концепцию ноосферы В.И. Вернадского;
- б) концепцию глобальной коннектографии Парага Ханны¹;
- в) концепцию альтернативных моделей глобализации²;
- г) Юбилейный доклад Римскому клубу.

Второй момент: формирование новых концептов как посредствующих звеньев на пути к междисциплинарному фреймингу.

В качестве таковых мы могли бы презентовать ряд таких новых понятий, как «глобальная динамика»; «глобальная коннектография», «волны глобализации»; «глобальный кватернион»; «антивирусная глобализация»; «альтернативные модели глобализации»; «государствообразующий трансфер»; «локально-цивилизационная диатропика»; «глобальная субсидиарность»; «стратегии глобального развития»; «социальные трансформации в глобальной динамике»; «глобальная демократия»; «глобальное гражданское общество».

Данные концепты были сформированы и репрезентированы нами в цикле публикаций, докладов и лекций на портале globalistika.ru в 2017–2021 гг.

¹ Параг Ханна. Коннектография. Будущее глобальной цивилизации. М., 2019.

² Альтернативные модели глобализации и проблемы современной глобальной динамики / науч. ред. А.У. Альбеков, А.М. Старостин, Г.Г. Матишов. Ростов н/Д: РГЭУ (РИНХ), 2018.

Касательно же примеров отдельных проб или вводного этапа фрейминга, то мы можем сослаться на два кейса: «антивирусная глобализация» и «глобальный кватернион»¹. В принципе, можно указать на важность *третьего момента*: формирование новых комплексных дисциплин в поле глобалистики. Они опираются в своем становлении на указанные выше концепты междисциплинарной природы и соответствующие теоретические платформы.

¹ *Старостин А.М.* Глобальный кватернион и стратегии мировой динамики // Современная архитектура мировой экономики: инвестиции, инновации, индустрия, интеграция. Ростов н/Д: РГЭУ (РИНХ), 2019; *Старостин А.М.* Новое измерение глобализации: антивирусная глобализация // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство, право и управление. 2020. № 8.

Глава 2

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МОДЕЛИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Прежде всего хотелось бы подчеркнуть, что нижеследующие материалы представляют композицию и обобщение авторских исследований 2017–2020 гг. на базе вновь организованного Ростовского института междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации РГЭУ (РИНХ) и, что естественно, содержат ряд положений, апробированных на более чем 20 международных и российских научных конференциях и в соответствующих публикациях¹.

Сам термин «альтернативные модели глобализации» был предложен в это время нами вместе с указанием на основание альтернативности. Итак, прежде всего следует отметить, что современная ситуация в социально-глобальном развитии в последние годы подвергается все нарастающему критико-рефлексивному прессингу. Если сослаться на самые высокие авторитеты, то в обостренной форме и с указанием на первостепенную значимость смены современной глобалистской парадигмы выступили классики в области глобального моделирования — организаторы и координаторы Римского клуба в юбилейном докладе этому клубу (2018 г.): «Come on» Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet»².

¹ *Старостин А.М.* Альтернативные модели глобализации и проблемы современной глобальной динамики. Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018; *Старостин А.М.* Глобальный кватернион и новые стратегии развития // В сб.: «Современная архитектура мировой экономики: инвестиции, инновации, индустрия, интеграция». Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2019. С. 72–80; *Старостин А.М.* Стратегические направления современной глобальной динамики: междисциплинарный ракурс // В колл. моногр. «Глобальные вызовы современного развития экономических систем: новые риски и приоритеты». Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2019. С. 174–186.

² *Weizsäcker E. von, Wijkman A.* Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome. N.-Y., Springer, 2018.

Здесь говорится о необходимости разработки новой философии глобального мира, содержится призыв перехода к новой стратегии «гарантированной планетарной безопасности и выживания» в условиях гуманистических ценностей нового поколения, требование критического пересмотра нарастающих глобальных рисков, продуцируемых в значительной мере под воздействием современного финансово-спекулятивного капитализма.

Однако авторы не предлагают принципиально новой модели глобализации, влекущей за собой смену требуемых фундаментальных социальных установок в ответ на нарастающий вал массового потребления. Нет глубокой рефлексии и по поводу формирования новой системы глобального регулирования и управления, которые бы пришли на смену экономическим и политическим институтам глобального капиталистического рынка. Да и обзревая методологические основания данного труда, трудно представить какие-либо глубокие ориентиры выхода из когнитивного тупика, относящегося к разработке этой проблематики.

Поэтому не случайно движение к новой платформе, намечаемой Римским клубом, сталкивается с критикой. Прежде всего обращается внимание на отсутствие попытки преодолеть давно известный диссонанс между натуроцентризмом (как раз обстоятельно представленным в работах Римского клуба) и культуроцентризмом (представленным в других глобалистских платформах). Поэтому трудно и ожидать какого-то продвижения под призывом «Come on!»

Нужно подчеркнуть, что со своей стороны к данной ситуации серьезное внимание проявило также ЮНЕСКО, учредив научную программу МОСТ («Управление социальными преобразованиями») и обозначив ее основной вектор на анализ глобального контекста социальных преобразований¹.

¹ Материалы к заседанию Российского комитета по программе ЮНЕСКО «Управление социальными преобразованиями МОСТ» при Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО 11 декабря 2019 г.; Федотова К.Е. Россия и ЮНЕСКО: культурные аспекты внешней политики. М.: Канон+, 2019.

В рамках обозначенной коллизии можно увидеть все более расходящийся веер векторов, описывающих технократический, технико-технологический спектр возможностей развития общества и социально-гуманистических устремлений и обобщений социально-глобального опыта.

Между тем быстро нарастающие угрозы глобального уровня в последние годы добавляют все новые острые сюжеты, возникающие как в русле технико-технологического развития, так и в рамках социального и экономического развития.

Все отмеченные аспекты требуют своего когнитивного и управленческого переформатирования и введения в русле сбалансированного когнитивно- и ценностно-ориентирующего стратегического видения, что востребует и новую философию глобального мира, и исходящие из нее новые модели и стратегии глобального развития¹. Это позволяет нам обратить внимание на нашу авторскую *концепцию исследовательской философии*, распространяемую в том числе и на философию глобализации (см. гл. 1 данной монографии).

Обратимся к конкретному кейсу, связанному с глобалистикой с позиций исследовательской философии. Здесь проблемная ситуация в развитии глобальных процессов фиксируется ныне концептами: «деглобализация», «глобальная перестройка», «инклюзивная глобализация», «переход к альтернативным моделям глобализации». Интерпретация указанных коллизий требует когнитивных усилий, направленных на развитие теоретического и прикладного инструментария современной глобалистики. Необходимо особо остановиться на *идеях альтернативных моделей глобализации*, который был нами введен недавно на основе использования указанных выше направлений и подходов исследовательской философии².

В этом плане в качестве нового направления предлагается концепция «*альтернативной глобалистики*», где в качестве осно-

¹ Старостин А.М. Новая философия глобального полицентричного мира // Век глобализации. 2020. № 1. С. 28–40.

² Старостин А.М. Глобализация современного мира: концептуальная репрезентация: монография. Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018.

вы выдвигается исследование и соотнесение ряда парадигмально-концептных коллизий в области современной глобалистики. Движение в русле синтеза этих коллизий должно будет способствовать более глубокому пониманию сущности глобализации и выработке *междисциплинарного* взгляда на нее.

Первичный анализ концептуальных оснований альтернативных моделей глобализации позволяет выделить несколько основных трендов в их развитии (см. схему 4), которые либо устоялись (а), либо проявились (с) и могут укорениться в последующие несколько десятилетий (b).

Основания альтернативных моделей глобализации

<p>а) продолжение секторного подхода (прежде всего макро-экономического и геополитического), все более активное включение в анализ признаков нового мирохозяйственного и технологического укладов, политической многополярности</p>	<p>б) глобализация как новая антропологическая революция (аналог неолитической и индустриальной) с ее качественными изменениями в производстве, ценностно-мотивационной и когнитивной сфере на массовом уровне</p>	<p>с) глобализация в контексте глобального эволюционизма (Федоров, Циолковский, Т. де Шарден, Вернадский, Кардашев) как становление космической цивилизации 1-го уровня</p>
---	--	---

Схема 4

Следует отметить, что с нашей точки зрения более вероятны и оптимальны поиски в русле *новой антропологической революции*, для понимания которой и необходим междисциплинарный подход. Институциональная среда в этом случае концентрируется вокруг задач *раскрытия человеческого потенциала* и эффективности его применения, а также на рисках и угрозах этого уровня функционирования глобального социума (экология человека, а не природы вообще, экономика человека, новая гуманность).

Нужно подчеркнуть, что в рамках вхождения в новую антропологическую фазу получили развитие все *массовые эмансипационные процессы* последнего столетия (социально-классовые, гендерные, национально-этнические и расовые, социокультурные и др.). И речь идет о реализации принципа социальной справедливости не только в сфере труда и экономических инте-

ресов, но и в сфере постматериальных интересов и ценностей, глубинных основ человеческого существования.

Необходимо также говорить об обновленной социально-ценностной и личностно ориентированной эгалитарной матрице¹. Она включает, кроме традиционно выдвигаемых ценностей личностных прав и свобод и социальной справедливости также и *ценности альтруизма и гуманизма, солидарности и социальной и личностной ответственности, общего дела и общего блага*², что формирует развитую социальную эгалитарную культуру. Поддержку данные ценности и ориентации находят прежде всего в современных социалистических и постсоциалистических движениях (неокоммунизм, социал-демократия, христианско-демократические движения и другие аналогичные религиозно-конфессиональные движения) и в появлении новых светских неоэгалитарных течений в науке, культуре, образовании³.

К сказанному нужно добавить то, что в мире современных глобальных реалий на деле реализуются одновременно несколько глобальных стратегий, реализующих интенции глобального развития и безопасности, а не только доктрина «устойчивого развития», которая в значительной мере политизирована в наше время.

Таким образом, уже начальный цикл, связанный с применением алгоритма междисциплинарного синтеза, позволяет обозначить основания базовых альтернативных моделей глобализации, связанных и со структурной перестройкой мировой цивилизации, и с приоритетными стратегиями.

Резюмируя изложенные выше положения, связанные с проработкой вариантов новой философии полицентричного глобального мира, и соотнеся их с векторами поисков, предлагаемыми в докладе Римскому клубу 2018 г., нужно согласиться с той

¹ Старостин А.М. Элитарный и эгалитарный контекст социальной справедливости: возможна ли конвергенция? / Социальная справедливость в современном мире. М.: Ключ-С, 2017; Швец Л.Г. Справедливость в гендерном измерении / Социальная справедливость в современном мире. М.: Ключ-С, 2017.

² Старостин А.М. Элитарный и эгалитарный контекст социальной справедливости: возможна ли конвергенция? / Социальная справедливость в современном мире. М.: Ключ-С, 2017.

³ Старостин А.М. Прикладная философия как философская инноватика. Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015. С. 42–43.

частью их общих выводов, говорящих о том, что опыт последних десятилетий глобализации показал, что она не имеет успешных перспектив в реализации на социально-экономической и политической платформе капитализма и посткапитализма. Вместе с тем характерно, что в новую доктрину Римского клуба изначально не заложена «философия общего дела» и общечеловеческих интересов. Это действительно должна быть другая философия, нацеленная на человека, его духовные интересы и возможности личностной и общественной самореализации, не умаляя диатропики (многообразия путей) форм социального развития. Социальные трансформации именно в этом направлении, способствующие росту национального и глобального человеческого капитала (потенциала), позволят успешно преодолевать глобальные трудности роста и относительные пределы на этом пути.

Думается, в связи с этим требуют корректировки и даже пересмотра те утвердившиеся в международной практике доктрины и стратегии, которые поддерживаются в настоящее время многими государствами.

Следует также акцентировать внимание на происходящем ныне процессе перекомпозиции глобализации в условиях пандемии коронавируса, что происходит вне привычного ранее контекста мировых войн, революций и масштабных глобальных кризисов. Ныне идет процесс формирования платформы надвигающегося VI технологического уклада (по Н.Д. Кондратьеву), начиная с 2020-х гг. Наблюдаемые изменения показывают высокую вероятность перекомпонирования приоритетов в комплексе конвергентных NBYCS-технологий на те из них, что будут обеспечивать новую *антропологическую революцию*. В связи с этим важно акцентировать внимание на данном глобально-антропологическом аспекте.

Проблема человека в современной глобалистике

В современной глобалистике тема человека, антропологическая тематика находятся пока на периферии научного дискурса. На первом плане: массовые широкомасштабные изменения

планетарного уровня в экономике, политике, экологии¹. Хотя уже в первых докладах Римскому клубу и некоторых трудах его основоположников рефлексия по поводу роли человека, его культуры, особенностей социализации в глобальных условиях уже явно присутствовала, но не задавала основную «повестку дня». Пример — известная книга А. Печчеи «Человеческие качества» с концепцией нового гуманизма². В последующем, еще в условиях перестроечного СССР были сформированы ориентации на «новое глобальное мышление и видение» и «общечеловеческие ценности». Однако данная проблематика оказалась существенно идеологически нагружена, что помешало ее дальнейшей разработке.

К настоящему времени под влиянием все новых инновационных проявлений в науке и обществе проществовали темы, явно антропологически нагруженные: «постчеловека», «биоэтики» и «экологической этики», человека в контексте стандартов массового потребления и массовой культуры, человека в сфере виртуальной реальности и т.п.

Эти подходы и коллизии, с ними связанные, хорошо обозначены в известной книге Ф. Фукуямы «Наше постчеловеческое будущее»³ и их последующими интерпретациями⁴.

Каких-то новых глубоких, стержневых антропологических идей выдвинуто не было. И новой глобальной «повестки дня» в антропологической проекции не сформировано. Тем не менее философско-антропологическая рефлексия зафиксировала сложившуюся асимметрию и отметив вероятную ее причину: «Ведя речь о перспективах современного человека, можно сказать, что XX век оказался знаковым в истории человеческого рода. Именно в это время произошло превращение человека в

¹ Глобалистика. Международный энциклопедический словарь. М.-СПб.-Нью-Йорк: Питер, 2006. С. 34–38, 162–163, 997–1002, 1041–1042.

² Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980.

³ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. М., 2008; Fukuyama F. Our Posthuman Future. N.-Y., 2002. P. 19.

⁴ См., напр.: Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке. М.: Прогресс-Традиция, 2007; Губин В.Д., Некрасова Е.Н. Человек в трех измерениях. М.: Изд-во РГГУ, 2010; Проблема совершенствования человека в свете новых технологий. М.: Ленанд, 2015.

силу уже явно сверхземного, космического масштаба. Добившись колоссальной власти над миром внешним (и природным, и социальным тоже), он, однако, не обрел такой же власти над самим собой»¹.

Иначе говоря, поиски реальных «пределов роста» в сложившемся формате отношений общества с окружающей природой стоит перенести с внешних (природно-социальных) условий и обстоятельств — к внутренним, антропологическим (ограничения сознания и внутренней культуры). На это в свое время указывал еще А. Печчеи.

Мы хотели бы обратить внимание на новые концептуальные подходы в глобалистике, которые ориентированы на человека, гуманистику в глобально-стратегической перспективе. Это наша концепция «альтернативных моделей в глобалистике» (см. схему 4).

Данная концепция ориентирована в ретроспективе на представление о волнообразном характере глобальной динамики².

А в современной репрезентации — на три возможных модели глобальной динамики: секторную, эволюционно-антропологическую и глобально-эволюционную. В рамках каждой из трех моделей культивируется и своя модель перспектив человека в глобальном мире.

В **секторной модели** доминирует модель человека экономического³, ориентированная на высокие стандарты массового потребления (элитный и субэлитный экономический человек), включая и вопросы безопасности, здоровья, собственности, досуга, образования, коммуникаций. Они должны быть вписаны в динамику глобального устойчивого развития и определенных ограничений в экономическом росте, что породило в виде идеологизированной метафоры — идею о «золотом миллиарде». Иначе говоря, в развитом глобальном обществе в условиях ко-

¹ Горбачев В.Г. Философская антропология. Движение к своему статусу в советской и постсоветской философии. М.: Либроком, 2011. С. 273–274.

² Линдси Б. Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма. М.: ИРИСЭН, 2008. С. 365–367.

³ Шаститко Е.А. Модели человека в экономической теории. М.: ИНФРА-М, 2006.

нечных и ограниченных природных ресурсов место найдется лишь для каждого седьмого-десятого, а именно — для верхней социально-экономической страты.

Большинство разработок, касающихся технологических, информационных, биологических инноваций, применимых к человеку-потребляющему на элитном уровне (генные коррективы, биологически-витальные коррективы в организме, ИИ в виде приставок к человеческому восприятию и мышлению, «умные дома» и «умные города» и т.п.) носит в основном секторный характер¹.

В рамках этой же модели возникают проблемы, связанные с идентичностью и смысло-жизненными ориентациями индивидуально-персоналистского типа².

Данная секторная модель накладывает свои ограничения и на эмансипационные процессы социального, гендерного, этнического и расового, религиозного и культурного плана.

Глобально-эволюционная модель имеет более чем столетнюю (м.б. даже 150-летнюю) традицию в русском космизме и в аналогичных течениях западного глобального эволюционизма (Т. де Шарден, Э. Леруа и современные мыслители — Х. Шепли, Ф. Хойл и др.³ и основана на идее радикального и поступенного ***преображения*** духовного и материально-биологического облика человека. Именно эти преобразования могут составить основу для достижения личностного бессмертия, а освоение (колонизация) космоса — неисчерпаемый ресурс для антропологизации космоса. Таковы взгляды Н. Федорова и К. Циолковского, био-космистов⁴.

¹ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Э, 2017. С. 149–197.

² Гуревич П.С., Спирина Э.М. Идентичность как социальный и антропологический феномен. М.: Канон+, 2015. С. 332–340.

³ Олейников Ю.В., Оносов А.А. Ноосферный проект социоприродной эволюции. М.: Изд-во ИФАН, 1999; Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Мысль, 1965; Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988.

⁴ Олейников Ю.В., Оносов А.А. Ноосферный проект социоприродной эволюции. М.: Изд-во ИФАН, 1999; Циолковский К.Э. Воля Вселенной. Космическая философия. М.: Эксмо, 2015; Гройс Б. Русский космизм. Антология. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015; Маслова О.Д. Российский органицизм и космизм XIX–XX вв.: эволюция и актуальность. М., 2007.

Впрочем, естествоиспытатели, чье воображение не простиралось в область космической экспансии (В. Вернадский, А. Чижевский), предпочитали видеть глобального человека, развивающегося коэволюционно с биосферой (идея ноосферы)¹.

Отдельно следует говорить о теологической версии ноосферы, которая ориентирована на преобразование духовное, в основе которого лежит теократическая эволюция, практически не включающая техносферу, либо же тотально-регулируемую техносферу². В настоящее время глобально-эволюционные разработки практически не задействованы в концепциях глобального управления. Или, скорее, сдвинуты на его когнитивную и управленческую периферию.

Эволюционно-антропологическая модель ориентирована на глобально-эгалитарный подход. В рамках этой модели можно говорить о третьей антропологической революции (после неолитической и индустриальной), в рамках которой происходит смена фундаментальных установок организации социальной жизни на уровне массового социального бытия — переход к модели личностной и групповой самореализации и концентрации духовного капитала. Ее существенные проявления и предпосылки уже просматриваются в организации жизнедеятельности значительного слоя людей нескольких наиболее развитых стран мира (Северный и Центральный пояс ЕЭС) и явно обозначаются установки на развитие и расширенное воспроизводство прежде всего человеческого потенциала («человеческого капитала»), а не промышленного потенциала, финансового капитала и других, отчужденных от живой человеческой, прежде всего духовной деятельности, видов капитализации труда и иных видов деятельности. Так, к примеру, в странах ЕЭС сконцентрированы затраты около 60% мирового объема социальных услуг при менее 10% населения планеты³.

¹ Олейников Ю.В., Оносов А.А. Ноосферный проект социоприродной эволюции. М.: Изд-во ИФАН, 1999; Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988.

² Олейников Ю.В., Оносов А.А. Ноосферный проект социоприродной эволюции. М.: Изд-во ИФАН, 1999; Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Мысль, 1965.

³ Глобальная перестройка. М.: Весь мир, 2014. С. 31–32.

В рамках вхождения в новую антропологическую революцию получили развитие все массовые эмансипационные процессы последнего столетия (социально-классовые, гендерные, национально-этнические и расовые, социокультурные и др.). И речь идет о реализации принципа социальной справедливости не только в сфере труда и экономических интересов, но и в сфере постматериальных интересов и ценностей, глубинных основ человеческого существования.

Следует говорить также об обновленной социально-ценностной и личностно-ориентированной эгалитарной матрице¹. Она включает, кроме традиционно выдвигаемых ценностей личностных прав и свобод и социальной справедливости также и ценности альтруизма и гуманизма, солидарности и социальной и личностной ответственности, общего дела и общего блага², что формирует развитую социальную эгалитарную культуру. Поддержку данные ценности и ориентации находят прежде всего в современных социалистических и постсоциалистических движениях (неокоммунизм, социал-демократия, христианско-демократические движения и другие аналогичные религиозно-конфессиональные движения) и в появлении новых светских неоэгалитарных течений в науке, культуре, образовании³.

В заключение следует подчеркнуть методологическую значимость в разработке проблемы человека, как относительно самостоятельной, так и в глобальном контексте, взаимоотношения двух парадигм: технократической (естественнонаучной) и культурологической (гуманитарной). Пока они находятся в рамках действия принципа дополнительности и значительных подвижек конвергентного порядка или интегративного плана не особо наблюдается. Возможно это зависит от прогресса в со-

¹ *Старостин А.М.* Элитарный и эгалитарный контекст социальной справедливости: возможна ли конвергенция? / Социальная справедливость в современном мире. М.: Ключ-С, 2017; *Швец Л.Г.* Справедливость в гендерном измерении / Социальная справедливость в современном мире. М.: Ключ-С, 2017.

² *Старостин А.М.* Элитарный и эгалитарный контекст социальной справедливости: возможна ли конвергенция? / Социальная справедливость в современном мире. М.: Ключ-С, 2017.

³ *Старостин А.М.* Современная прикладная философия как философская инноватика. Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015. С. 42–43.

ответствующих взаимодействующих научных дисциплинах. Но, возможно — и от продвижения в рамках контекстов, куда включается антропологическая проблематика. В данном случае это глобалистский контекст.

В современных условиях это достаточно наглядно видно на примере проблемы искусственного интеллекта (ИИ) и ее проецирования в глобальный контекст. Следует заметить, что здесь уже наметились соответствующие методологические альтернативы в глобально-цивилизационном и глобально-антропологическом измерениях. Покажем их.

К постановке проблемы

Интеллект как инструмент познания и управления привлекает издавна внимание философов, психологов, филологов, кибернетиков, педагогов, специалистов по управлению в различных сферах общественной деятельности. В потенциале — это междисциплинарная проблема. Но решается, как и ряд других проблем, секторно-дисциплинарно, что является, в том числе, определенным способом абстрагирования (и упрощения)¹. В последние 50–70 лет на передний план выдвинулся кибернетический подход и в качестве ведущей обозначена проблема создания искусственного интеллекта². Здесь на волне растущей востребованности автоматизации базовых управленческо-технических и когнитивных операций и действий в последние годы созданы впечатляющие технические образцы, базирующиеся на основе быстродействующих компьютерных систем, именуемые ИИ. Они используются в ситуациях, востребующих автоматизацию расчетных, технико-управленческих, координационных действий. Прежде всего, это военная, производственная, космическая, телекоммуникационная сферы. Там, где имеют место гигантские объемы и скорости сбора, обработки, передачи, обобщения информации. Одновременно доминирующее место

¹ *Мирский Э.М.* Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М.: Наука, 1980. 304 с.

² *Искусственный интеллект. Что стоит знать о наступающей эпохе разумных машин.* М.: АСТ, 2019. 352 с.

заняли знаково-цифровые системы кодирования и двузначной логики в этой области. Технократическая парадигма исследования и проектирования способствовала становлению монопольного подхода к именно таким функциям интеллекта и его пониманию и зашорило наличие других треков в развитии и проявлениях интеллекта. Технократический подход к интеллекту создал вместе с тем иллюзию конечности и исчерпаемости интеллекта и близость к созданию не только ИИ, но и суперИИ. Погруженность в мир растущей техносферы ведет ко все большему отчуждению технического ИИ от человека и формированию идеологемы метачеловеческого ИИ, подчиняющего человека и его интеллект. Тезис о подчиненности ИИ творческому началу естественного интеллекта оказывается как бы преодоленным. В действительности же создается барьер, мембрана, за которой остается небольшая часть общества, группа, которая так или иначе вмонтирована в системы с ИИ. А большие группы людей оказываются по другую сторону. Собственность, владение системами с ИИ оказывается наиболее важной частью владения различными средствами производства, природными человеческими и социальными ресурсами. Процесс такой киборгизации имеет, тем не менее, свои природные, социальные и антропологические границы и барьеры.

Однако такой трек развития (техносферный) выступает как один из ведущих треков и детерминантов в том числе и антропологического развития. Но вместе с тем далеко не единственный. Есть и другие азимуты в глобально-антропологической эволюции. Они репрезентируются прежде всего в локально-цивилизационных треках. Порой даже создается ощущение, что трек, ориентированный на внутренний мир, антропологические основания интеллекта, все больше уступает место техносферному его базису. Лидерство в последнем отдается Западной цивилизации. Но все более проясняется, что техносферный базис имеет свои границы роста. И в ретроспективе, и в ближайшей перспективе цивилизации Востока убедительно указывают на них. Вместе с тем, обнаруживая иные, альтернативные базисные ос-

нования и ресурсы интеллекта, не содержащиеся в техносфере. Но что же это за ресурсы?

Перспективы подходов к решению проблемы

Границы техносферного ресурса обнаруживаются по мере развития технического ИИ и выхода на решение других задач саморазвития, самостимулирования, самопрограммирования и обнаружения новых горизонтов направленного воздействия на человеческую автоэволюцию.

С другой стороны, такие границы роста и развития все более наглядно выявляются по мере развития 300-летней дискуссии о границах познания: от Канта до Гёделя и от Н. Винера до Неймана и современных споров о копне науки, границах науки и рационального мировосприятия в целом¹.

Что касается других направлений, то следует обратить внимание по меньшей мере на три вариации концепции множественного интеллекта.

Наиболее простой очевидной видится концепция Говарда Гарднера, которую он выдвинул более 30 лет назад². Это прежде всего идея о многообразии источников символического кодирования с помощью специализации интеллектуальных задатков и последующем их развитии в семейство 5–8 разновидностей естественного интеллекта (лингвистического, музыкального, логико-математического, пространственно-кинестетического, религиозно-мистического и др.). Данное семейство при последующем развитии и социализации включается в сферу интеллектуального потенциала, определяющую перспективные направления развития человека и общества. Концепция Г. Гарднера продолжает активно разрабатываться³.

¹ Будущее фундаментальной науки. М.: КРАСАНД, 2011. 288 с.

² *Гарднер Г.* Структура разума: теория множественного интеллекта. М.: Вильямс, 2007. 512 с.; *Гарднер Г.* Мышление будущего: Пять стратегий, ведущих к успеху. М.: Альпина Паблишер, 2015. 168 с.

³ *Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018; *Дейл К., Пејтон П.* Физический интеллект. Как слышать свое тело и управлять эмоциями. М.: Альпина Паблишер, 2020. 532 с.

Другая концепция множественного естественного интеллекта принадлежит Ричарду Нейсбиту, изложена в концентрированном виде в книге «География мысли»¹. В ней излагается идея паритетности универсально-человеческих и специфически-цивилизационных проявлений в разных моделях развития естественного интеллекта: условно-Западного и условно-Восточного. И не только о сочетании в них рациональных и вне-рациональных начал, но и о существенных различиях структур рационального и внерационального.

В нашей философской и логической литературе похожая (но и отличная) концепция развивается в трудах известного логика, директора Института философии РАН, академика А.В. Смирнова². В центре его внимания процесс смыслополагания, логико-смысловой подход, который позволяет выявить разные парадигмы смыслообразования, в рамках которых и формируются различные эпистемные цепочки и разные логики (условно: локально-цивилизационные): субстанциональная (Запад), процессуальная (арабо-мусульманская культура).

В третьей концепции исследуется с кросс-когнитивных и кросс-культурных позиций Восточная интеллектуальная парадигма (Китай, Индия) с позиций выявленных глубинных интеллектуальных традиций, которые соединяют персональный и трансперсональный опыт, содержат сложные техники раскрытия сознания и его связей с познавательными механизмами и сочетаниями. Эта концепция ярко представлена в трудах Е. Торчинова³. Здесь следует говорить о началах теории вертикальной структуры интеллекта, что отличает «плоскостную» концепцию технократического подхода к интеллекту и, отчасти, от гарднеровских представлений о естественном интеллекте. Есть еще ряд оригинальных концепций (В. Налимов, М. Петров, В. Библер)⁴. Но хотелось бы отметить, что наибольшее распространение в

¹ Нейсбит Р. География мысли. М.: Астрель, 2012. 285 с.

² Смирнов А.В. Всечеловеческое VS общечеловеческое. М.: Садра, 2019.

³ Торчинов Е.А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. СПб.: Азбука-Классика, 2007. 480 с.

⁴ Налимов В.В. Разбрасываю мысли. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.; Петров М.К. Язык, знак. Культура. М.: УРСС, 2004. 388 с.

последние годы среди таких композитных подходов к интеллекту получила идея Эмоционального интеллекта, которая относительно противопоставлена идее Рационального интеллекта¹.

С нашей точки зрения, приведенные выше подходы позволяют не только неординарно представить проблемы интеллекта и его развития, но и поставить более фундаментальные проблемы, связанные с онтологической природой информации и ее различными репрезентациями в разных эволюционно-эпистемологических рядах. Но и, конечно, ближе подойти к пониманию природы и подлинной значимости антропного принципа.

Резюме

1. Анализ показывает наличие диатропики (разнообразия) концепций естественного интеллекта, представления о котором в принципе не сводимы к информационно-компьютерной метафоре, лежащей в основе представлений об ИИ. Значимый тренд в развитии данной диатропики — упор на нерациональные и внерациональные компоненты естественного интеллекта, которые пока не удается вписать в современную парадигму. По всей видимости в поисках возможностей сопряжения представлений о естественном интеллекте (включая и внеземные проявления) и искусственном интеллекте требуется выход в пределы альтернативной онтологии и альтернативной когнитологии².
2. Изучение знаковых систем и семиотических оснований композитных представлений о естественном интеллекте обнаруживает их несводимость к наличной цифровой картине ИИ. В более узком ракурсе это проявляется даже в рамках современных представлений об интеллекте как рациональной машине, действующей на основе двузначной логики и логики тождественных отношений. В этом плане обозначился интеле-

¹ Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018.

² Старостин А.М. Исследовательская философия. Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018. 704 с.

рес к иным логикам: противоречий; подобия (толерантных отношений); диалогическим и рефлексивным¹.

3. Обсуждение перспектив развития междисциплинарных представлений об интеллекте вообще и ИИ, в частности, обнаруживает ряд лакун комплементарной, конвергентной природы и содержащих возможности действия по принципу соответствия (расширительность). Наличие таких лакун определяет не только особенности, но и сложности, и возможные границы междисциплинарного синтеза. Прежде всего те, что лежат в плоскости возможностей совместимости натуроцентрической и культуроцентрической парадигм².

¹ *Лефевр В.А.* Рефлексия. М.: Когито-Центр, 2003. 496 с.; Рефлексивный подход: от методики к практике. М.: Когито-Центр, 2009. 417 с.

² *Сноу Ч.П.* Две культуры. М.: Прогресс, 1973. 144 с.

Глава 3

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

В современной науке, экспертных разработках, в общественном мнении достаточно устоялся и занял свое место концепт *глобализации общества*. Его принято определять как «процесс универсализации, становления единых для всей планеты Земли структур, связей и отношений в различных сферах жизни общества»¹, а также как применяемого для обозначения «интеграционных и дезинтеграционных процессов планетарного масштаба в области экономики, политики, культуры, а также антропогенных изменений окружающей среды, которые по форме носят всеобщий характер, а по содержанию затрагивают интересы всего мирового сообщества»².

Соответственно, результаты исследований и различных интерпретаций процесса глобализации концентрируются в междисциплинарной области научных исследований, получившей название «*глобалистика*». Ее усилия направлены «на выявление сущности глобализации, причин ее появления и тенденций развития, а также на анализ порождаемых ею позитивных и негативных последствий»³.

В последние годы в процессе глобализации и в отражающей его глобалистике наметился ряд острых проблем. Данные коллизии отмечаются в современных работах по глобалистике. Как уже отмечалось выше, в обостренной форме и с указанием на первостепенную значимость переориентации социально-мировоззренческих подходов и взглядов на глобализацию выступили классики в области глобального моделирования — организаторы и координаторы Римского клуба в юбилейном докладе этому

¹ Глобалистика. Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. М.—СПб.—Н.-Й.: Елима, Питер, 2006. С. 163.

² Чумаков А.Н. Глобалистика в системе современного научного знания // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 5.

³ Там же. С. 4.

клубу (2018 г.) «Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet»¹.

Здесь содержится призыв к разработке новой стратегии «гарантированной планетарной безопасности и выживания» в условиях «полного мира», что требует формирования нового мировоззрения, основанного на «новом Просвещении». Безусловный акцент делается на формирование гуманистических ценностей нового поколения, требование критического пересмотра нарастающих глобальных рисков, продуцируемых современным спекулятивным капитализмом.

Однако авторы не предлагают новой модели глобализации, влекущей за собой смену социальных установок в ответ на нарастающий вал массового потребления и формирование новой системы глобального регулирования и управления, которые бы пришли на смену экономическим и политическим институтам глобального капиталистического рынка. Поэтому претензия на выдвижение новых глобально-мировоззренческих ориентиров должна, как и в Юбилейном докладе Римскому клубу, отталкиваться и от репрезентации современной проблематики глобальной динамики, и от мировоззренческих концепций и традиций их развития, которые уже достаточно обозначены в мировой культуре и обладают значимым духовным потенциалом.

Отметим, что авторы юбилейного доклада Римскому клубу в своих философско-мировоззренческих поисках в основном апеллируют и в критической своей части, и в конструктивной к западному мировоззренческому опыту, в том числе призывая к формированию программы «Нового Просвещения». Мы бы обратили внимание на другую мировоззренческую локацию: опыт Востока и России.

Обратимся в этом плане к любопытным наблюдениям, сделанным Ричардом Э. Нейсбитом, противопоставляющим превалянию в западном мышлении и опыте формализма, биологизма, элементаризма, детерминизма и редукционизма, стремление к непротиворечивости и иных параметров мышле-

¹ *Weizsaecker E., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome. N.-Y., Springer, 2018.*

ния, превалированию стратегем, вытекающих из философского опыта Востока и обусловленных им мыслительных схем. Здесь: «Высокоуровневое мышление по большей части происходит с использованием постформальных операций»¹. К ним прежде всего относится способность наблюдать картину происходящего в большей полноте и холистический, компромиссный подход к решению проблем². Что касается России, то ее философский опыт приоритетно нацелен на подготовку условий для смысло-жизненной и идентификационной рефлексии.

Более того, мы хотели бы подчеркнуть, что именно российский философско-мировоззренческий опыт и содержит зародыш искомой новой философии глобального мира XXI в.

Остановимся на этом более подробно.

Что есть русская философия? В сложившейся в отечественной истории русской философии ответ дается достаточно пространный и, чаще всего, основанный на обзоре 1000-летнего многоэтапного пути и большого ряда имен, что в итоге должно показать специфику отечественной философской мысли: «Русская философия — органическая часть всеобщей истории философии, являющаяся специфическим отображением многовековой истории развития русского самосознания, выраженная в идеях, взглядах и концепциях, отражающих национально-своеобразное осмысление универсальных философских проблем»³.

Однако ни такое определение, ни сам подход не дают в итоге представления о *специфике* русского *философского* мышления. В лучшем случае мы говорим о различных проявлениях социально-рефлексивного и национально-рефлексивного мышления. Это всегда (по крайней мере, последние 200 лет) чувствовали отечественные мыслители. Поэтому вопрос о статусе и специфике русской философии вряд ли можно считать решенным. Более того, экспертный опрос современных профессиональных философов — отечественных и зарубежных — зачастую в таком статусе русской философии отказывает. Такая идея в последние

¹ Нейсбит Р.Э. География мысли. М.: Астрель, 2011. С. 246.

² Там же. С. 255–256.

³ Русская философия. Энциклопедия. М., 2007. С. 476.

годы все чаще высказывается, правда, сделаем оговорку, при не прекращающихся попытках тех же экспертов-скептиков такую специфику все же выявить. Обратим внимание на фундаментальные исследования Ф.И. Гиренка, В.И. Красикова, П.А. Сапронова и ряда других авторов¹

Вот программное суждение П.А. Сапронова: «Увы, ни платонов, ни гегелей, ни их великих и значительных, хотя и младших, собратьев на отечественной почве обнаружить не удалось. Встреча с какой-либо очередной философской знаменитостью каждый раз приводила к одному и тому же результату: по западным (а какие еще есть?) критериям отечественные мыслители философами не являются, и читать их тексты так же, как трактаты и тексты Декарта, Канта или Гегеля означает повергнуть их в философское небытие»². Ему вторит В.И. Красиков, обстоятельно проанализировавший не только отечественный философский продукт, но и отношение к нему зарубежной философской мысли, прежде всего современной: «Россия в современном мировом философском раскладе занимает такое же место, как, к примеру, африканская или южноамериканская философия, т.е. среднее между отдаленным, региональным филиалом континентальной философии — как южноамериканская философия, где доминируют испаноязычные и португалоязычные версии европейской философии, — и каким-то радостно-примитивным, упоенно-партикуляристским наивом африканской философии»³.

А вот и поясняющее суждение Ф.И. Гиренка: «Есть производители философии, и есть ее потребители. Сегодня среди производителей доминирует Франция и Германия. Их стремится теснить Америка. Россия — потребитель философии. У нас философия не играет какой-либо самостоятельной роли. Она не дает большого символического капитала и является одним из

¹ Гиренок Ф.И. Удовольствие мыслить иначе. М., 2008; Красиков В.И. Русская философия today. М., 2008; Сапронов П.А. Русская философия. Проблема своеобразия и основные линии развития. СПб., 2008.

² Сапронов П.А. Русская философия. Проблема своеобразия и основные линии развития. СПб., 2008. С. 8–9.

³ Красиков В.И. Русская философия today. М., 2008. С. 48–49.

вариантов европейского культуртрегерства... В России доминируют не философы, а интеллигенты»¹.

В принципе данные суждения не противоречат и оценкам классического периода, в котором тоже высказывалась мысль о том, что русская философская мысль как-то уж очень не похожа на классические образцы философствования. В частности, Н.А. Бердяев, В.В. Зеньковский полагали, что отечественная философская мысль значительные результаты дает в областях, представляющих «болевы точки» национального самосознания. Но для мирового философского процесса они малозначимы: «В XVIII в. и в начале XIX в. у нас настоящей философии не было, она находилась в младенческом состоянии. И еще долго у нас по-настоящему не возникнет философской культуры, а будут лишь одинокие мыслители. Мы увидим, что наша философия будет прежде всего философией истории...»².

Таким образом, весьма правомочна постановка вопроса: Существует ли русская философия как самостоятельный феномен? Это самостоятельная философская школа или одна из крупных школ (течений) Западной философии? (А возможно, и просто русский диатрибический вариант западной философии). Либо же то, что называют «русской философией» — это течение общественной мысли, не поднимающееся ни дисциплинарно, ни методологически, ни институционально до уровня и качества философии?

Мы мало что поймем в специфике русской философии, если к вышесказанному не добавим те черты, которые Н.А. Бердяев отмечает в «Русской идее» и «Духе России»: противоречивость и склонность, поляризуясь, концентрироваться в «крайних» или радикальных формах; синкретизм; мистичность и т.п.³ А эти черты, в свою очередь, обозначились, исходя из необходимости огромной духовной работы по рефлексированию и выявлению «болевых точек» и обозначению конструктивных «точек роста»

¹ Гиренок Ф.И. Удовольствие мыслить иначе. М., 2008. С. 225.

² Бердяев Н.А. Русская идея. СПб., 2008. С. 61.

³ Бердяев Н.А. Душа России / Русская идея. М., 1992. С. 299–301; Бердяев Н.А. Русская идея. СПб., 2008.

национального самосознания и составили главный предмет философских занятий, полемики и последующей идеологической и политической апробации славянофилов и западников: «Россия с ее евразийским, детским еще универсализмом вообще выглядит только робким новичком в философии. Однако за столетие (30–40-е гг. XIX — 30–40-е гг. XX вв.) она сумела создать то, на что другим требовались века. Первой возникла националистическая, славянофильская традиция»¹.

Особое место в формировании отечественного национального самосознания занимают мировоззренческие поиски в русле концепции «Русской идеи». Мы хотели бы обратить внимание не только на содержательный аспект этих поисков, к которому устремлены и усилия русских философов почти двух последних столетий, но и на сложный контекст, в который входят не только национальные и цивилизационные мотивы, а также и общечеловеческие, и природно-космические.

Русской и зарубежной мыслью накоплен большой пласт исследований, связанных с Русской идеей. Значительная их часть основывается на анализе особенностей духовной и социальной эволюции России и творцов Русской идеи, рассмотрении России в узле культурных и экономических связей между Западом и Востоком.

С нашей точки зрения этого недостаточно. Необходим системный и межпредметный анализ феномена Русской идеи. В этот контекст, по крайней мере как дополняющий его, следует включить социально-экологические и историко-географические исследования и, прежде всего, нужно упомянуть о концепции этногенеза в исторический период Л.Н. Гумилева.

С системных позиций феномен Русской идеи может описываться по меньшей мере в трех планах: 1) анализ социально-экономического развития России и ее взаимосвязей с соседними регионами, отражение этих процессов в духовных исканиях; 2) духовная эволюция, культурные традиции России и взаимодействие с Западной и Восточной культурами, их воздействие на

¹ Красиков В.И. Русская философия today. М., 2008. С. 15.

искания русской мысли; 3) социально-экологические и этногенетические реалии как условие и импульс к духовным поискам новых ценностных ориентаций.

Проблемная ситуация, приведшая к возникновению Русской идеи, связана с тем, что Россия нуждалась в модернизации. Для русских мыслителей (философов, писателей, художников, ученых), живших в предмодернизационную эпоху, характерны активные поиски общенациональных смысложизненных ориентаций, генерирование новых мировоззренческих идей.

Русская идея — это разработка одного из фундаментальных вариантов национального самосознания, ответ на потребность иметь оригинальную философию истории. Ее особенностями являются: глобально-эволюционный подход; идея межкультурной, межнациональной, нравственной соборности; антропокосмизм, поиск путей преодоления телесной, пространственной и временной ограниченности; поиски «царства божьего», преодоления духовной ограниченности и замкнутости. Эти составляющие Русской идеи получают философское, этическое, теологическое обоснование. Исторический и грядущий путь России видится своеобразным: не только в самом себе, но и в ее мировом предназначении, и здесь достаточно сильно звучат мессианские мотивы. В отличие от многих иных проявлений мессианства, Русская идея характерна сохранением православно-христианской духовности, гуманистической открытостью и толерантностью.

На какой телесной основе базируется Русская идея? Здесь необходимо посмотреть на этногенетические ее основания. Русский суперэтнос (по Л.Н. Гумилеву) достаточно молод, пассионарен и находится в акматической фазе развития.

Гигантские пространственно-географические масштабы расселения суперэтноса, пространственная избыточность (далее на Земле расширяться незачем), с одной стороны, с другой — сопоставимость этих масштабов с планетарными, переизбыток пассионарной энергии создавали импульс не к геополитическим и социально-экономическим исканиям (как в этносах Запада пе-

риода индустриализма), а сразу выводили на поиск предельных социально-экологических, нравственных, мировоззренческих оснований социального бытия, поиск его космического смысла. В этом отношении русский космизм выступает как логическое продолжение Русской идеи. Во всяком случае космизм Запада носит природосообразный, объективированный, а не антропо-космический — как в России — характер.

Русский космизм продолжает Русскую идею, онтологизируя те исторические, нравственные, социально-экологические интуиции всемирно-исторической миссии России, которыми увлечены определенные круги либеральной интеллигенции и поднимая их до вселенского уровня. Иначе говоря, космизм — это вселенское обоснование Русской идеи, ее вселенский уровень. И этногенетические и социальные, и духовные послылы Русской идеи и русского космизма носят настолько универсальный характер, что воспроизводятся в разных, порой совершенно независимых группах интеллигенции в философской, религиозной, художественной, научной, мистической формах.

Жива ли Русская идея и русский космизм в наше время? Конечно, они развиваются в естественных формах и фазах. Россия сейчас находится в преддверии новой модернизации, она вновь на перепутье. С одной стороны, это симптом пробуждения Русской идеи, а с другой, Россия и ее духовность вновь перед выбором, как сказочный богатырь у дорожного камня.

К этому сюжету мы вернемся чуть позже, завершая в целом обзор эксклюзивных моментов русской философии.

Второй особенный философский дискурс, распространенный в сфере отечественного философствования, — это контекстуальный философский дискурс, обращаясь к которому, как мы уже заметили выше, невольно возникает вопрос: «Да философия ли все это?» Но тем не менее в истории русской философии не пройдешь мимо имен Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова и М. Булгакова, М. Шолохова и А. Платонова.

Думается, что термин «художественная философия» будет вполне адекватен тем исканиям и открытиям, которые заложены

ны в творчестве великих русских писателей. Вполне можно согласиться с суждением Ф.И. Гиренка о том, что: «Русская философия возникает за пределами философии. Она с самого начала показывает свою связь с литературой»¹.

Аналогичные характеристики следует отметить и по отношению к религиозно-философским поискам, которые ряд современных авторов даже отождествляют вообще со спецификой русской философии. Но вряд ли следует это делать. Скорее мы сталкиваемся еще с одной формой контекстуального философского дискурса в отечественной философии.

В рамках данной формы дискурса разворачивается сложная игра между философией и православной теологией, которая реализуется именно в контекстуальном философском дискурсе, из которого приходится то «выковыривать» «философский изюм», то сомневаться в его присутствии, как делает это современный исследователь данного течения русской мысли П.А. Сапронов: «Русская философия предпочла для себя бытие в промежутке между богословием и философией, в том очень ограниченном по своим возможностям интеллектуальном пространстве, которое остается еще раз обозначить как склонную к мифологизированию публицистику на религиозные и философские темы»².

Думается, полностью был прав Н.А. Бердяев, который ранее других схватил эту герменевтическую черту русской философской мысли, ярко проявившуюся в XIX — начале XX вв.: «В русском движении того времени были специфически русские черты, которые связаны с русским XIX в. Это прежде всего религиозное беспокойство и религиозное искание, это — постоянный переход в философии за границы философского познания, в поэзии — за границы искусства, в политике — за границы политики в направлении эсхатологической перспективы»³.

Еще одна значимая форма философского дискурса, характерная для русской философской мысли, — это отечественная

¹ Гиренок Ф.И. Удовольствие мыслить иначе. М., 2008. С. 180.

² Сапронов П.А. Русская философия. Проблема своеобразия и основные линии развития. СПб., 2008. С. 477.

³ Бердяев Н.А. Душа России / Русская идея. М., 1992. С. 296.

социально-философская и геополитико-философская концепция локальных цивилизаций Н.Я. Данилевского и его продолжателей, что вновь на слуху при обсуждении современных глобальных проблем.

Возвращаясь к сюжету о русском космизме, следует подчеркнуть, что стратегически значимой в мировоззренческом ключе видится проецирование глобального развития в контексте космизма и глобального эволюционизма и значимость этого в современных условиях возрастает, приобретая реалистически-конструктивную направленность.

В целом в философско-мировоззренческих поисках российской философской и гуманитарной мысли данное направление разрабатывается несколько столетий и представляет относительно отработанный контекст. Стоит обратить на это пристальное внимание прежде всего с позиций мировоззренческих поисков, на которые нацеливает и Римский клуб, а также на современных исследованиях междисциплинарных комплексов, объединяющих философию, современную науку и другие духовные области¹.

Исследованию русского космизма посвящена большая по массиву публикаций литература². В ней даны различные определения и интерпретации русского космизма, выявляются разные его формы, изучается эволюция.

В целом в изучении феномена русского космизма нет недостатка внимания со стороны философов, естествоиспытателей, теологов, публицистов. Однако следует обратить внимание на

¹ Старостин А.М. Исследовательская философия в системном и инструментальном измерении. Монография. Ростов н/Д, 2018. С. 7–24; Старостин А.М. Философские инновации. Концепция и основные сферы проявлений: монография. Ростов н/Д, 2009; Золотухина-Аболина Е.В. Поиск системы философских знаний (Размышления над книгой А.М. Старостина «Исследовательская философия») // Экономическая наука современной России. 2019. № 3. С. 152–157.

² Для примера укажем на следующие работы: Русский космизм: Антология философской мысли. М., 1993; Философия русского космизма. М., 1996; Космическая философия К.Э. Циолковского. М., 2001; Куракина О.Д. Русский космизм как социокультурный феномен. М., 1993; Николаенко Н.М. Космизм в контексте отечественной философской культуры. Омск, 2006; Хайруллин К.Х. Философия космизма. Казань, 2003; Философская инноватика и русский космизм. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2011.

такую характерную ситуацию, когда менее всего касаются или даже осознанно обходят вниманием исследователи и пропагандисты русского космизма: основные проявления русского космизма резко обрываются на фигурах К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского, А.Л. Чижевского. Как бы продолжения не следует. Между тем, на наш взгляд, нужно говорить об эволюционном развитии парадигмы русского космизма и его трансформации из классической формы в современный русский космизм или «советский космизм», который дал огромный пласт философских, социально-политических, естественно-научных, художественных и публицистических публикаций, связанных с предвестием и началом космической эры — непосредственным проникновением в космическое пространство, его изучением и освоением.

Отметим, что современные формы русского космизма формировались в связи с началом Космической Эры и возникшей необходимостью как осмысления принципиально нового вида человеческого опыта, так и прогнозирования и подготовки к новым шагам в данной области. В связи с формированием указанной проблематики в 60–80 гг. XX в. сложилось несколько ведущих исследовательских центров, координирующих разработки в области мировоззренческой и гуманитарно-космической проблематики. Ими стали отдел философских проблем естествознания Института философии АН СССР и Институт истории естествознания и техники АН СССР.

Основным форумом для обсуждения научно-технических, философских, социально-политических и правовых проблем освоения космоса стали многочисленные научные секции Чтений памяти К.Э. Циолковского, ежегодно проводимые в г. Калуге на базе музея истории космонавтики им. К.Э. Циолковского. Проведено уже более 50 чтений.

В середине 80-х гг. XX в., подводя рубежные итоги, Институт философии АН СССР подготовил и опубликовал 5-томное издание «История философии в СССР». Одна из глав издания

специально была посвящена философско-мировоззренческому осмыслению космической практики¹.

В частности, здесь отмечалось: «К предмету философских проблем освоения космоса были отнесены наиболее общие закономерности и тенденции взаимодействия общества и космоса, исследование общих характеристик отношений типа «человек — Вселенная», «общество — космос», «человечество — космические цивилизации»... Систематическая разработка философских и социологических проблем космонавтики развернулась в начале 60-х гг., после первых космических полетов людей в космос. В настоящее время в Советском Союзе над этой проблемой работает большой коллектив ученых, опубликовано в общей сложности более 300 работ.. Расширение общих масштабов космической деятельности еще больше привлекло внимание философов и социологов (В.Е. Давидович, Б.М. Кедров, В.В. Рубцов, А.М. Старостин, Ю.Н. Стемपुरский, А.И. Тукмачева, П.Ф. Тукмачев, Е.Т. Фаддеев, Ю.А. Школенко, К.Х. Хайруллин и др.), ученых и специалистов в области ракетно-космической техники, космических исследований, космической биологии и медицины, астрономии, астрофизики (О.М. Белоцерковский, О.Т. Газенко, В.П. Глушко, Н.С. Кардашев, К.Я. Кондратьев, Б.Н. Петров, Р.З. Сагдеев, Б.В. Раушенбах, И.С. Шкловский и др.), летчиков-космонавтов СССР (Г.Т. Береговой, А.А. Леонов, В.И. Севастьянов, К.П. Феоктистов и др.) к общетеоретическим проблемам космонавтики»².

В приведенном ряду имен и публикаций необходимо отметить выдающуюся роль в качестве мыслителя и организатора исследований в рамках современного русского космизма Аркадия Дмитриевича Урсула (1936–2020), доктора философских наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ и действительного члена АН Молдавии.

Большой цикл его публикаций, а также труды учеников его научной школы и единомышленников образуют основной пласт данных разработок. В работах по философским пробле-

¹ История философии в СССР. Т. 5. Кн. 1. М., 1985. С. 782–797.

² Там же. С. 784–785.

мам космонавтики и освоения космоса, начиная с конца 60-х гг. XX в., им был очерчен основной круг проблем в данной тематике¹. Руководя отделом философских проблем естествознания Института философии АН СССР, он акцентировал внимание советской и зарубежной научной философской мысли в данном направлении. Опубликовал лично и вкуче с молодыми учеными ряд пионерских работ². Он был основателем и почетным президентом Российской академии космонавтики имени К.Э. Циолковского (1991 г.). В последние годы возглавлял Центр глобальных исследований (начиная с 2010 г.) факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова.

Огромный пласт работ, опубликованных в 60–80-е гг. XX в., затрагивал как общемировоззренческие и онтологические проблемы взаимодействия человека и его духа с космосом³ и как бы продолжающие мировоззренческие изыскания К.Э. Циолковского, Тейяр де Шардена, В.И. Вернадского, так и содержащих достаточно конкретную проблематику, обобщающие реальную практику космической деятельности⁴ и, вместе с тем, ставящие и обсуждающие проблемные ситуации, которые могут реально возникнуть в процессе целенаправленного исследования и освоения ближнего и дальнего Космоса. К числу таких проблем следует отнести не только анализ перспективных направлений освоения и обживания космоса, возможных позитивных и негативных воздействий на экологию Земли и человека, но и вопросы поиска разумной жизни во Вселенной и установления

¹ См.: *Урсул А.Д.* Человечество. Земля. Вселенная. Философские проблемы космонавтики. М., 1977; *Севастьянов В.И., Урсул А.Д.* Эра космоса: общество и природа. М., 1972; *Урсул А.Д.* Освоение космоса (философско-методологические и социологические проблемы). М., 1967.

² *Севастьянов В.И., Старостин А.М., Урсул А.Д.* Космонавтика и научный эксперимент (проблемы методологии). М., 1979; *Урсул А.Д., Урсул Т.А.* Эволюция, космос, человек. Кишинев, 1986; *Рубцов В.В., Урсул А.Д.* Проблема внеземных цивилизаций. Кишинев, 1986; *Урсул А.Д., Дронов А.И.* Космонавтика и социальная деятельность. Кишинев, 1985.

³ *Ильенков Э.В.* Космология духа // Наука и религия. 1988. № 8, 9; *Казначеев В.П., Спиригин Е.А.* Космопланетарный феномен человека. Новосибирск, 1991.

⁴ См. работы А.Д. Урсула, А.М. Старостина, П.Ф. Тукмачева, М.П. Фомичева, Г.С. Хозина, Ю.А. Школенко, Ю.Н. Стемपुरского и др.

контактов с внеземными цивилизациями (программы СЕТИ и SETI)¹.

Следует отметить, что в значительной мере данная проблематика была идеологически нагружена, достаточно объемно включена в идеологические акции «холодной войны». основополагающим пропагандистским тезисом здесь выступал: «Социализм — стартовая площадка советских космических кораблей».

К концу 80-х гг. многоаспектная и масштабная деятельность, осуществляемая в СССР, стала претерпевать серьезные сокращения. В массовой печати появились нападки на советский ракетно-космический комплекс, который «оттягивает огромные средства от удовлетворения нужд советского народа».

В последующие 90-е гг. после разрушения СССР космическая деятельность многократно сократилась. Оценочно к середине 90-х гг. финансирование космической деятельности сократилось более чем в 20 раз (оно и сейчас более чем в 10 раз уступает уровню финансирования советских космических программ в середине 80-х гг.).

На практике как бы демонстративно стали убирать все то, что напоминает о том, что «социализм — стартовая площадка освоения космоса», поскольку и в самом деле организационно-управленческая и материально-техническая эффективность обеспечения большими космическими проектами в СССР в 3–4 раза превосходила американскую эффективность за счет прежде всего более высокого уровня централизации, сокращения конкурентных и транзакционных издержек в процессе государственного управления большими проектами².

Существенно сократились и объемы гуманитарных исследований и публикаций по данной тематике, наметились новые направления, связанные прежде всего с освоением внерациональных способов отражения космоса и космической деятельности. Следует подчеркнуть, что это еще в большей мере кос-

¹ См.: СЕТИ (связь с внеземными цивилизациями). М., 1975; Шкловский И.С. Вселенная, жизнь, разум. 3-е изд. М., 1973; Кардашев Н.С. Астрофизический аспект проблемы поиска внеземных цивилизаций // Внеземные цивилизации. М., 1969.

² Делягин М.Г., Шейнов В.В. Русский космос: победы и поражения. М., 2011. С. 156–188.

нулось массовых представлений, которые ныне формируются по-преимуществу на внерациональной и иррационально-мистической основе.

Тем не менее в середине 90-х гг. XX в. — начале XXI в. в отечественной исторической, мемуарной, философско-мировоззренческой литературе был введен в оборот значительный пласт знаний, расширяющих как представления о классике русского космизма, так и разрабатывающие и популяризирующие внерациональные формы духовного освоения космоса. В основном это связано с преодолением прежних цензурных и идеологических препон.

Например, наследие такого оригинального отечественного, но малоизвестного направления, как биокосмизм не разрабатывалось, поскольку в 20–30-е гг. основные его представители были репрессированы. Недостаточно освоено было наследие таких мыслителей, как Н. Федоров, П. Флоренский, А. Чижевский. Да и большинство философских и гуманитарных работ К.Э. Циолковского увидело свет только в этот период.

Тем не менее к началу XXI в. проблематика отечественного космизма в его современных формах продолжает развиваться.

В последние годы появились крупные обобщающие работы, в которых подытоживаются и обобщаются результаты исследований, проведенных в 70–90-е гг. На рубеже XX и XXI вв. защищен ряд докторских диссертаций, в которых разрабатываются различные аспекты космической деятельности.

Нужно подчеркнуть, что как классический, так и современный русский (российский) космизм органично включает антропокосмический аспект, что возвращает нас ко второй позиции модели альтернативных векторов глобализации, а именно — глобально-антропологической революции¹. Следует отметить, что данный аспект в современном космизме активно разрабатывался в художественных формах в советской научной фантастике, а затем после распада СССР надолго был приостановлен. Что касается современных, не фантастических форм, а про-

¹ Старостин А.М. Глобализация современного мира: концептуальная репрезентация. Ростов н/Д, 2018. С. 81.

гнозируемых реалий, то следует подчеркнуть ныне четко обозначившееся существенное воздействие на становление нового глобального контекста *культурно-антропологических факторов* новой волны глобализации. Они связаны, прежде всего, с очень высокой динамикой в прохождении населения многих стран мира, мировых макрорегионов основных ценностно-мотивационных ступеней в процессе первичной и вторичной социализации. Прежде всего, это выход основной массы человечества за период после Второй мировой войны на ступень массового материального потребления и некоторой части населения мира (до 15–20%) — на ступень личностной и духовной самореализации и духовно-культурных приоритетов в массовом потреблении.

Можно предположить, что последующие 25–30 лет (жизнь одного поколения) приоритеты духовно-личностной самореализации станут нормой не только для элитного и среднего слоя, но и распространятся в массовом слое. И значимым становится реализация принципа социальной справедливости не только в сфере труда и экономических интересов, а также властных статусов и ролей, но и в сфере постматериальных интересов и ценностей, глубинных основ человеческого существования и уже не в локальном, а в глобальном формате.

Следует говорить также об обновленной социально-ценностной и личностно ориентированной эгалитарной матрице¹. Она включает, кроме традиционно выдвигаемых ценностей личностных прав и свобод и социальной справедливости также и *ценности альтруизма и гуманизма, солидарности и социальной и личностной ответственности, общего дела и общего блага*², что формирует развитую социальную эгалитарную культуру. Поддержку данные ценности и ориентации находят прежде всего в современных социалистических и постсоциалистических дви-

¹ Старостин А.М. Элитарный и эгалитарный контекст социальной справедливости: возможна ли конвергенция? / Социальная справедливость в современном мире. М.: Ключ-С, 2017; Швец Л.Г. Справедливость в гендерном измерении / Социальная справедливость в современном мире. М.: Ключ-С, 2017.

² Старостин А.М. Элитарный и эгалитарный контекст социальной справедливости: возможна ли конвергенция? / Социальная справедливость в современном мире. М.: Ключ-С, 2017.

жениях (неокоммунизм, социал-демократия, христианско-демократические движения и другие аналогичные религиозно-конфессиональные движения) и в появлении новых светских неоэгалитарных течений в науке, культуре, образовании¹.

Возвращаясь в заключение к идеям юбилейного доклада Римскому клубу о «полном мире» и новых «пределах роста», следует подчеркнуть относительный характер подобных оценочных суждений, их зависимость от мировоззренческой системы координат.

С позиций палео- и исторической глобальной экологии человечество уже пережило 3–4 рубежных этапа «полного мира» только в рамках своей послепотопной истории, переходя от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству, затем к протогосударственным и государственным системам, эпохе раннего индустриализма и зрелого индустриализма и, в итоге включаясь в постиндустриальную и информационную эру. Эти шаги сопровождались качественными экологическими, демографическими, экономическими, когнитивными рубежами.

Вступая в рубежную полосу, связанную с полным освоением пространства Земли и околоземного пространства на базе наукоемких технологий, нам придется вновь качественно менять нормы, ценности, стандарты поведения в более объемной и структурно сложной среде. Здесь нас ждут новые риски и опасности. Конечно, требуется и новая мировоззренческая система координат — космическая. Даже глобальный геоцентризм уже «пробуксовывает». И такая система мировоззренческих координат давно существует — это классический и современный русский космизм. Да, и по большому счету, мировой космизм в целом.

¹ *Старостин А.М.* Прикладная философия как философская инноватика. Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015. С. 42–43.

Глава 4

ГЛОБАЛЬНЫЙ КВАТЕРНИОН И СТРАТЕГИИ МИРОВОЙ ДИНАМИКИ

В последние годы в процессе глобализации и в отражающей его глобалистике наметился ряд острых проблем. Данные коллизии отмечаются в современных работах по глобалистике.

В обостренной форме и с указанием на первостепенную значимость переориентации социально-мировоззренческих подходов и взглядов на глобализацию, как уже отмечалось выше, выступили классики в области глобального моделирования — организаторы и координаторы Римского клуба в юбилейном докладе этому клубу (2018 г.) «Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet»¹.

Здесь содержится призыв к разработке новой стратегии «гарантированной планетарной безопасности и выживания» в условиях «полного мира», что требует формирования нового мировоззрения, основанного на «новом Просвещении». Безусловный акцент делается на формирование гуманистических ценностей нового поколения, требование критического пересмотра нарастающих глобальных рисков, продуцируемых современным спекулятивным капитализмом.

Обращаясь к рассмотрению современной глобальной динамики с учетом уже имеющегося когнитивного опыта, и, прежде всего, имея в виду контекст альтернативных подходов и их оснований, обозначим основные коллизии современной глобальной динамики (глобальный контекст и детерминанты его неустойчивости) и методологию их возможной конвергенции.

Прежде всего следует указать на необходимость перехода от секторной, аналитической реконструкции процессов современной глобализации к межсекторной и междисциплинарной. Однако важно подготовить такой многоэтапный переход. Ибо

¹ *Weizsaecker E. von, Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Clab of Rome. N.-Y., Springer, 2018.*

для формирования междисциплинарного видения необходимы не только концепты междисциплинарного уровня, но и связей между ними и, соответственно, с их прообразами.

С нашей точки зрения, значимым выступает матричный подход, где в рамках основных компонентов матрицы глобальных трансформаций выступают наиболее значимые их аспекты. Поэтому целесообразно, имея в виду указанные аспекты, рассматривать в системе геополитические, геоэкономические, геокультурные, глобально-экологические кластеры инноваций. Итог их взаимодействия может рассматриваться как **глобальный кватернион** взаимосвязанных глобальных кластеров развития. Таким образом, глобальный кватернион выступает как четырех-элементная матрица глобальных трансформаций с геополитической, геоэкономической, геокультурной и геосоциоэкологической компонентами. Система взаимосвязей между которыми их качество и удельный вес в системе взаимодействий изменяются со сменой глобальных волн в процессе социального развития.

Отметим вкратце основные инновационные особенности и характеристики указанного кватерниона. Итак, ***кластер геополитических инноваций***.

Прежде всего, это переход от системы глобальной иерархии, сложившейся и функционировавшей четверть века и связанной с распадом СССР и социалистической системы, что получило название «однополярного мира». В настоящее время формируется полиархическая система, связанная с существенным укреплением экономического и военного потенциала Китая, а также Индии и изменением политических притязаний России. Все это может быть названо устремленностью к ***глобальной демократии***. На очереди становление новых международно-правовых и международно-финансовых отношений, что может также занять 25–30 лет. Но в итоге сформируется политико-экономическая платформа нового этапа глобализации¹.

¹ См. подробнее: *Старостин А.М.* Философия международных отношений: введение в проблему // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 5. С. 107–115.

Не следует также упускать из вида, что глобальные экономические и политические процессы сопровождаются и балансируются сопряженным процессом государствообразования. За период с конца 40-х гг. XX в. (около 70 лет) число государств в мире выросло более чем вчетверо. Государствообразование этого периода включает две интенсивные волны: послевоенную, связанную с распадом колониальной системы Запада и постсоветский период, связанный с распадом СССР и восточно-европейской социалистической системы.

Именно государствообразующий процесс способствовал продвижению к глобальной демократии посредством ускоренного развития новых крупных государств и образования новых государственных союзов, не связанных с геополитическими и геоэкономическими мотивами и интересами, сложившимися под влиянием стран Запада.

Геоэкономический инновационный кластер связан с интенсивным процессом глобальной экономической перестройки¹, основные проявления которой сводятся к следующим направлениям:

- в технологическом плане — это четвертая промышленная революция (по Клаусу Швабу² или, о чем чаще говорится в отечественной экономической литературе — переход к шестому технологическому укладу, вытекающему из кондратьевских циклов³. И в том, и в другом случае говорится о начале 20-х гг. XXI в. и сюда включают такие базовые технологические новшества, как освоение технологий квантовых вычислений и искусственного интеллекта (ИИ); Интернета вещей (ИВ); трехмерной печати; создание мощных нано- и биотехнологических отраслей; «зеленая экономика»; новая (микrokосмическая и макrokосмическая) энергетика; создание транс-

¹ См.: Кондратьев В.Б. Новый этап глобализации: особенности и перспективы // МЭиМО. Т. 62. № 6. С. 5–17.

² Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Э, 2017.

³ Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010; Акаев А.А., Садовничий В.А. О новой методологии долгосрочного циклического прогнозирования динамики развития мировой системы и России // Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики. М, 2012. С. 5–69.

портной инфраструктуры, базирующейся на новых энергетических носителях;

- в финансово-экономическом плане — это преодоление расширяющегося разрыва между реальной глобальной экономикой и финансовой сферой через посредство инфосферы и информационных регулятивов рыночных обменов¹;
- глобальная капитализация человеческих ресурсов (многопараметрическая) и, в частности, рост социальной сферы, что явно обозначилось в странах ЕС, на которые уже приходится около 60% совокупного мирового объема социальных расходов при менее 10% населения мира²;
- формирование геокосмической экономической инфраструктуры³;
- формирование эколого-экономической сферы (производство замкнутых и открытых экологических макро- и микро-сред).

К этому необходимо добавить глобализацию и синхронизацию развития научно-инновационных процессов, прежде всего, сопряженных с глобальной цифровой инфосферой, что проявляется:

- в формировании глобальной инфосферы как суммы инфомиров с атрибутами самоорганизации и саморазвития, и перемещении туда научно-экспериментальной и проектной деятельности как базовой области практического опыта и его верификации (альтернативная когнитивистика)⁴; освоение новых фрагментов фундаментальной реальности и установление сопряжений (не только когнитивных) между этими областями и инфореальностью;

¹ *Смыслов Д.В.* Эволюция глобализации мировой экономики: современные тенденции // МЭиМО. Т. 63. № 2. С. 5–12.

² Глобальная перестройка / отв. ред. А.А. Дынкин, Н.И. Иванова; Институт мировой экономики и международных отношений РАН. М.: Весь мир, 2014. С. 31–32.

³ *Старостин А.М.* Философские инновации: концепция и основные сферы проявлений. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2009. С. 115–121.

⁴ См. подробнее: *Старостин А.М.* Прикладная философия как философская инноватика. Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015. С. 163–165.

- концентрации научно-инновационных процессов на сохранении и приумножении человеческого потенциала, и поддержании потенциала самоорганизации глобального социума;
- формировании новой волны военно-технологической и военно-политической революции, позволяющей парировать, купировать и элиминировать возможности оружия массового поражения; перемещение военной конкуренции в область инфосферы (когнитивное оружие, кибероружие)¹.

Отмечая новые тенденции геоэкономического развития, следует подчеркнуть как их эволюционную, так и конкурентно-конфронтационную проекцию. На последнем аспекте особо останавливаются известные авторы Р. Блэквилл и Дж. Харрис в своей монографии «Война иными средствами. Геоэкономика и искусство управлять государством»². Они подчеркивают значимость семи наиболее задействуемых в этом ключе направлений и соответствующих технологий глобального уровня: торговую политику, инвестиционную политику, экономические санкции, киберсферу, финансовую помощь, денежно-кредитную политику, энергетическую и сырьевую политику.

Мощным фактором становления нового этапа глобализации и нового глобального *культурно-антропологического контекста* выступают цивилизационные факторы, в центре которых возобновление локально-цивилизационной динамики. На это повлияло как изменение баланса отношений крупнейших государств и новых государственных объединений (США и ЕЭС, Китай, Индия, Россия, страны Ближнего и Среднего Востока), так и девальвация объединяющего потенциала крупнейших идеологических систем (национал-социализм, коммунизм, либерализм). Ныне, наряду с христианско-протестантскими началами, которые все еще продолжают занимать ведущее место в ценностно-цивилизационном ряду, усиливается влияние конфуцианско-буддийского комплекса, палитры исламских рели-

¹ Мировойна. Все против всех. Новейшие концепции боевых действий англосаксов. М.: Книжный мир, 2015.

² Блэквилл Р., Харрис Дж. Война иными средствами. Геоэкономика и искусство управлять государством. М.: АСТ, 2017.

гиозно-ценностных комплексов, а также православно-христианских цивилизационно-духовных начал¹.

Следует подчеркнуть ныне четко обозначившееся существенное воздействие на становление нового глобального контекста таких культурно-антропологических факторов, которые связаны, прежде всего, с очень высокой динамикой в прохождении населения многих стран мира, макрорегионов основных ценностно-мотивационных ступеней в процессе первичной и вторичной социализации. Прежде всего, это выход основной массы человечества за период после Второй мировой войны на ступень массового материального потребления и некоторой части населения мира (до 15–20%) — на ступень личностной и духовной самореализации и духовно-культурных приоритетов в массовом потреблении.

Можно предположить, что последующие 25–30 лет (жизнь одного поколения) приоритеты духовно-личностной самореализации станут нормой не только для элитного и среднего слоя, но и распространятся в массовом слое, что скорее всего отразится и на приоритетах глобальной экономики, а также будет связано со становлением новых технологических укладов и их задействованием на обеспечение мотивов и потребностей высокого уровня.

Впрочем, данные процессы протекают не только неравномерно, но, зачастую в парадоксальных формах макросоциального развития, генерируемых на стыке разных цивилизационных ступеней развития и направленных на устранение межступенных барьеров через *социальный взрыв*, скачок, таких как демографический взрыв, миграционный взрыв, гендерный взрыв, экстремистско-террористический взрыв, взрыв ненасильственных движений (цветных революций). Это сочетается с задействованием глобальных инноваций для поддержания этих новых девиационных кластеров и «пузырей» массового иждивенчества, что приводит к застреванию на уровне низких мотивационно-потребительских ниш, культивированию традиционных и ар-

¹ Добренков В.И. Глобализация духовности. М.: Академический проект, 2019. С. 511–518.

хаических субкультур. Данные проявления требуют подробного рассмотрения не только в парадигме расширения социокультурного разнообразия, но и рисков глобального развития, связанных с переизбыточным заполнением уже «заполненного» (по выражению классиков Римского клуба), или относительно «заполненного мира». Это то, что тормозит переход к социальным укладам, делающим мир вновь «пустым» или «незаполненным».

Что касается *геоэкологической проблематики*, то она находилась постоянно в течение более полувека в поле зрения крупных научных и экспертных организаций, таких как Римский клуб. В отечественном исполнении они объединялись усилиями ряда крупных исследователей (Н. Моисеев, В. Александров, В. Данилов-Данильян, А. Урсул, М. Будыко, Н. Реймерс, Э. Кульпин, О. Яблоков, А. Назаретян, В. Грачев, О. Яницкий и др.) и организаций (Российская академия экологии, факультет глобальных процессов МГУ, Российское философское общество и др.).

Наиболее значимые коллизии инновационного порядка здесь наметились в связи с коррективами, вносимыми в известную концепцию (доктрину) устойчивого развития. А также в связи с потребностью скоординированного, и в том числе, междисциплинарного взгляда на социально-экологические процессы в период изменения глобальной динамики, обусловленной сменой экономико-технологического уклада и перенормировкой геополитических процессов¹.

К сказанному нужно добавить то, что репрезентированные кластеры глобальных инноваций, сконцентрированные в рамках упомянутого их кватерниона, так или иначе втягиваются в соответствующие стратегии глобального развития.

При всем уважении к наиболее популярной ныне стратегии устойчивого развития, учитывая концепцию Н. Кондратьева²,

¹ См. также: *Старостин А.М.* Исследовательская философия. Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018. С. 203–208; *Попкова Н.В.* Философская экология. М.: Либроком, 2018. С. 183–201; *Яницкий О.Н.* Биосфера и социосфера: как совместить их исследование? // *Общественные науки и современность.* 2019. № 1. С. 178–188.

² *Кондратьевские волны: к 125-летию со дня рождения Н.Д. Кондратьева.* Ежегодник. Волгоград: Учитель, 2018. С. 5–13.

следует подчеркнуть наличие и других стратегий. Одни из них доминировали на этапе бурного индустриального развития, другие только заявили о себе. Подчеркнем их наличие и значимость в современной глобальной динамике.

1. Еще в 60–70-е гг. XX в. доминантой в выборе приоритетных моделей социально-экономического развития можно было рассматривать философию безопасности и развития в условиях *устойчивого социально-экономического роста*. С тех времен, пожалуй, лишь Индия и Китай из числа крупных государств сохранили такой общий подход к развитию, что, с одной стороны, вызывает в некоторых кругах удивление и даже несогласие, поскольку, например, экономика КНР за счет этого занимает все более заметные позиции в мировой экономике. В то же время китайский феномен ускоренного экономического роста порождает и тревогу о быстром приумножении факторов риска в глобальной эколого-социальной системе.
2. Начиная с 90-х гг. XX в. вступила в пору философия безопасности и развития в условиях устойчивых глобальных межсекторных балансов и рисков, связанных с их нарушением. Это *доктрина «устойчивого развития»*, которая продолжает доминировать и поныне. Однако ныне возникли значительные сомнения по истечении четверти века попыток ее утвердить.
3. С нашей точки зрения, о чем уже отмечалось выше, зарождается новая философия безопасности и развития на пороге зарождения тенденций глобальной эволюционной диатропики¹, обусловленной нарастанием влияния локально-цивилизационных систем. В этих рамках все более явственно заявляет о себе *доктрина устойчивого роста глобального человеческого капитала (потенциала)*, активно поддерживаемая в последние 12–15 лет ООН и как генерализирующая общий диатропический поток. В итоге речь следует вести о сопоставлении разных моделей глобальной социальной эволюции

¹ Термин введен известным методологом Ю.В. Чайковским (см.: *Чайковский Ю.В.* Активный связный мир. М., 2008. С. 312), под чем подразумевается сопоставление рядов эволюционирующих объектов (в данном случае речь идет о локальных цивилизациях).

в общем потоке современной глобальной динамики, ориентированной на социально-антропологические приоритеты.

4. Можно говорить о формируемой доктрине управляемого кризиса, **«отрицательного» роста**, которая на слуху в определенных экспертно-аналитических центрах.

Раньше, до начала первой половины XX в. основным механизмом управляемого кризиса и «отрицательного роста» были война и широкомасштабный экономический кризис. Сейчас возможности этого сократились (даже на уровне локальных и глобальных войн). Но ресурсы Земли ограничены и новые переделы и спады в росте возможны в основном невоенным путем, что обуславливает поиск механизмов приостановки роста и даже акцентуации на «отрицательном» росте.

В итоге речь следует вести о сопоставлении разных моделей глобальной социальной эволюции в общем потоке современной глобальной динамики, приоритетно ориентированной на **социально-антропологические цели и ценности**.

И в заключение о России. Ее место в глобальной динамике зависит в первую очередь от полноты обладания ею государственным и локально-цивилизационным суверенитетом. Если в геополитическом ракурсе Россия обладает практически полным суверенитетом, то в экономическом этот уровень не более 25–30%. А по социокультурным основаниям общество определенно расколото на несколько кластеров, отношения между которыми могут описываться разными градациями конфликтности. Но решающую значимость в вопросах социокультурного партнерства и сотрудничества приобрели ныне культурно-антропологические и инновационные факторы. Касательно проблем и парадоксов инновационного развития России остановимся подробнее.

Несмотря на то, что применительно к инновационному развитию страны за последние годы принят ряд крупных решений, быстро формируется соответствующая нормативно-правовая база, выделяются уже сотни миллиардов рублей на краткосрочную перспективу в этой сфере, здесь существует целый ряд не-

шенных концептуальных и прикладных проблем, последствия которых ощущаются в виде механизмов торможения, низкой эффективности в управлении и реализации инновационной политики.

Основной крен здесь взят в сторону институциональных проблем инновационного развития. Что пока не дало желаемого эффекта. На это указывают и ведущие наши эксперты: «К сожалению, в России наблюдается так называемый реформаторский зуд: мы не раз перетряхивали министерства, ликвидировали и сливали их, создавали вместо них агентства и другие структуры, но заметного улучшения дела не достигли»¹.

В то же время весьма слабо разрабатываются и освещаются поведенческие и социально-коммуникативные проблемы, связанные со взаимодействием элит и состоянием их ценностно-мотивационной сферы применительно к инновационным процессам.

Между тем стоит прислушаться к важной методологической установке, высказанной еще М. Вебером применительно к становлению и развитию индустриального общества и культивированию технологических и экономических инноваций на этой платформе. Речь идет о «духе капитализма», «протестантской этике» и тому подобных ценностно-мотивационных факторах, которые данный классик противопоставлял методологическим позициям других классиков («невидимая рука рынка», «основные противоречия капитализма» и т.п.), которые в большей мере выстраивались во внешнем, объективистском плане.

Возвращаясь к проблеме перспектив российского инновационного развития и оценивая их с позиций современного состояния межэлитных коммуникаций и ценностно-мотивационной сферы элит, следует подчеркнуть не только недостаточность данных предпосылок, но и недостаточное внимание к их изучению и изменению.

Резюмируя, подчеркнем: основные тренды системного характера политического и социально-экономического развития

¹ Богомолов О.Т. Социально-гуманитарные аспекты модернизации России // Вестник РАН. 2012. № 1. С. 68.

российского общества свидетельствуют не о шагах в продвижении к информационному, инновационному обществу, а о попытке, инверсионном движении.

На этом пути возможно создание неких «заповедников» инноваций, но не системная трансформация, которая обусловит массовую востребованность инновационной деятельности.

Для последнего требуются шаги по реформированию политической и экономической системы, существенное обновление политической и бизнес-элиты и их взаимоотношений с интеллектуальной элитой, разрушение системы теневой экономики. Иными словами, это — обширное поле в том числе, а скорее всего приоритетно и для социально-гуманитарных инноваций на макроуровне общества.

Глава 5

НОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: АНТИВИРУСНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Современная ситуация в социально-глобальном развитии в последние годы подвергается все нарастающему критико-рефлексивному прессингу. Если сослаться на самые высокие авторитеты, то в обостренной форме и с указанием на первостепенную значимость смены современной глобалистской парадигмы выступили классики в области глобального моделирования — организаторы и координаторы Римского клуба в юбилейном докладе этому клубу (2018 г.): «Come on» Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet»¹.

Здесь говорится о необходимости разработки новой философии глобального мира, содержится призыв перехода к новой стратегии «гарантированной планетарной безопасности и выживания» в условиях гуманистических ценностей нового поколения, требование критического пересмотра нарастающих глобальных рисков, продуцируемых в значительной мере под воздействием современного финансово-спекулятивного капитализма.

Однако авторы не предлагают принципиально новой модели глобализации, влекущей за собой смену фундаментальных социальных установок в ответ на нарастающий вал массового потребления. Нет глубокой рефлексии и по поводу формирования новой системы глобального регулирования и управления, которые бы пришли на смену экономическим и политическим институтам глобального капиталистического рынка. Да и, обзревая методологические основания данного труда, трудно представить какие-либо глубокие ориентиры выхода из когнитивного тупика, относящегося к разработке этой проблематики.

¹ *Weizsaecker E. von, Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Clab of Rome. N.-Y., Springer, 2018.*

Поэтому не случайно движение к новой платформе, намечаемой Римским клубом, сталкивается с критикой. Прежде всего обращается внимание на отсутствие попытки преодолеть давно известный диссонанс между натуроцентризмом (как раз обстоятельно представленным в работах Римского клуба) и культуроцентризмом (представленным в других глобалистских платформах). Поэтому трудно и ожидать какого-то продвижения под призывом «Come on!»

В рамках данной коллизии можно увидеть все более расходящийся веер векторов, описывающих технократический, технико-технологический спектр возможностей развития общества и социально-гуманистических устремлений и обобщений социально-глобального опыта.

Между тем быстро нарастающие угрозы глобального уровня в последние годы добавляют все новые острые сюжеты, возникающие как в русле технико-технологического развития, так и в рамках социального и экономического.

Не следует оставлять за скобками и движения в рамках метапланетарного контекста, который никто не отменял, но от которого заставили абстрагироваться реалии нарастающих возможностей широкомасштабных проявлений технико-технологических инноваций в земных условиях.

Этот горизонт и сейчас не фиксируется, когда прилетел новый «Черный лебедь» глобальных пандемических угроз.

Следует лишь подчеркнуть наличие не только «плоскостного» измерения социально-глобального развития, но и «вертикальных» его измерений. Они обусловлены, с одной стороны, микробиологическими и микрохимическими детерминантами земной биосферы, проникающими в структуры социосферы и антропосферы.

А с другой — геокосмическими и гелиокосмическими факторами, воздействующими на условия человеческого существования в циклическом и в импульсном формате.

Ярким примером микробиологических воздействий с катастрофическими последствиями выступает современная глобальная коронавирусная атака.

Кстати говоря, даже в условиях глобальной и национальной мобилизации, связанной с этими угрозами с пока еще не просматриваемыми кратко-, средне- и долгосрочными последствиями современной пандемической ситуации никто до сих пор не поднял глаз к небу и не прокомментировал то, что было точно установлено сто лет назад в трудах А.Л. Чижевского¹ и, как в социально-экономической проекции гелиобиологического знания, в работах и прогнозах Н.Д. Кондратьева².

Стоит об этом напомнить, поскольку данные направления исследований рождалось первоначально в русле русского космизма. А практически первой монографической работой, защищенной в виде диссертации в 1918 г., стало исследование А.Л. Чижевского «Физические факторы исторического процесса». Здесь автор характеризует открытый им феномен гелиобиологии, показывая синхронистические его проявления на развитие биологических и исторических процессов. И хотя данное направление получило развитие в трудах многочисленных последователей и независимых ученых свою разработку³, но до сих пор находится на периферии научного мейнстрима.

Можно сказать, что в работах А.Л. Чижевского и других представителей гелиобиологии вероятно была предпринята удачная попытка найти сопряжение натуралистической и культурологической парадигм субкультур познания⁴. В этих рамках и по сей день идет изучение проявлений синхронизации космических, биологических и социальных циклов развития. К нашему сведению стоит учесть, что 2020 г. относится к экстремуму 11-летнего цикла солнечной активности и во временном плане относится к области наибольших рисков, связанных с такими экстремальными проявлениями, как пандемии, крупные социальные конфликты, войны, революции, экономические кризисы.

¹ *Чижевский А.Л.* Космический пульс жизни. М.: Мысль, 1995; *Владимирский Б.М.* Солнечная активность и общественная жизнь. Космическая историометрия: от первых российских космистов до наших дней. М.: Либроком, 2017.

² *Кондратьев Н.Д.* Кризисы и периоды в свете теории длинных волн. Взгляд из современности. М.: Учитель, 2017.

³ Там же.

⁴ *Сноу Ч.П.* Две культуры. М.: Прогресс, 1973.

Следует также обратить внимание и на тот факт, что в качестве макроэкономической проекции гелиобиологической активности и цикличности можно рассматривать Кондратьевские циклы. Они коррелируют с целой цепью гелиоциклов продолжающихся в течение 45–55 лет, в рамках которых запускаются все новые, сменяющие друг друга технологические уклады. Прошедший 2020 г. маркирует начало перехода к шестому технологическому укладу¹. Стоит также отметить немалое число работ, разрабатывающих проблематику цикличности в истории и политике².

Из сказанного, на наш взгляд, можно сделать предварительный общий вывод методологического порядка о назревшем часе (или, метафорически звучащем — «судном дне»), настоятельно требующем смены парадигмы видения планетарного (и вместе с этим социально-глобального) развития. Она должна быть сродни выходу в надсистемную (по отношению к сегодняшней) проекции, подобной переходу от геоцентризма к гелиоцентризму.

Заделы для такого продвижения имеются в фонде глобально-мировоззрения как в натуроцентричной и технократической проекции, так и в культуроцентричном ракурсе. Можно указать, прежде всего, на разработки в рамках отечественного космизма, так и в зарубежных наработках последнего столетия.

В свою очередь, хотелось бы обратить внимание на собственные наработки последних лет в этой области. Это прежде всего касается нескольких связанных между собой концептов: «альтернативных моделей глобализации»³; «глобального кватерниона»⁴; «диатропики стратегий мирового и националь-

¹ *Кондратьев Н.Д.* Кризисы и периоды в свете теории длинных волн. Взгляд из современности. М.: Учитель, 2017; *Глазьев С.Ю.* Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018.

² *Пантин В.И.* Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. М.: Новый век, 2003; *Турчин П.В.* Историческая динамика. На пути к теоретической истории. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

³ *Старостин А.М.* Альтернативные модели глобализации и проблемы современной глобальной динамики. Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018.

⁴ *Старостин А.М.* Глобальный кватернион и новые стратегии развития // В сборнике «Современная архитектура мировой экономики: инвестиции, инновации, индустрия, интеграция». Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2019. С. 72–80.

ного развития»¹; «Новой философии глобального полицентричного мира»².

Они нацелены, во-первых, на поиски путей междисциплинарного стыка, как на межпарадигмальном, так и межпредметном уровнях. А во-вторых, обращают внимание на альтернативные подходы к ключевым проблемам, в том числе связанным с глобальными рисками и безопасностью.

В контекстуальных рамках этих концептов следует обратить внимание на новый аспект продолжающегося и модифицирующегося на наших глазах процесса социальной глобализации. За несколько прошедших месяцев 2020 года сложилось феноменологическая проекция нового аспекта глобализации, которую следует обозначить «антивирусной глобализацией». Она практически почти не проявлялась в рамках современного глобального развития. А теперь требует уже не только релевантных эмпирических описаний, но и подготовки футурологических разработок. Это то, что может быть обозначено как «План В» новой волны глобализации. Естественно, что угрозы пандемического характера могут быть дополнены рядом других ситуаций — угроз, которые ныне находятся на периферии общечеловеческого внимания (астероидная угроза; геотектоническая угроза; катастрофические всплески океанологической активности; проблемы с потреблением пресной воды и др.), и к которым, как показали последние события, многие государства и межгосударственные институты и структуры не готовы ни когнитивно, ни организационно, ни психологически.

Возвращаясь к нынешней пандемической опасности, следует обратить внимание не только на медико-биологические аспекты и регулирование социальной и экономической деятельности на разных уровнях (межгосударственный, национальный, местный), но и политико-управленческую сторону проблемы.

¹ Старостин А.М. Стратегические направления современной глобальной динамики: междисциплинарный ракурс // В колл. моногр. «Глобальные вызовы современного развития экономических систем: новые риски и приоритеты». Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2019. С. 174–186

² Старостин А.М. Новая философия глобального полицентричного мира // Век глобализации. 2020. № 1.

Уже первые несколько месяцев карантинной деятельности показали резкие проявления в межгосударственной и национальной политике. Это связано с повсеместным переходом на режим чрезвычайного или околочрезвычайного положения. Регламенты повседневной политической жизни оказались на этот случай слабо проработаны. И политико-управленческая деятельность мобилизационного типа далеко задвинула формат привычной публичной политики, соблюдение прав человека, демократические нормы и ценности. Хозяином положения стали структуры исполнительной власти, действующие даже не слишком ориентируясь на рекомендации ученых, экспертов, организаторов здравоохранения и, конечно, мнение населения. В нашей стране высший уровень готовности и отмобилизованности продемонстрировали военные, прежде всего в опоре на специальные службы и формирования. Поэтому и у нас, и в ряде других государств антипандемические действия многими восприняты как квазивоенные. А если отнестись к этим событиям с позиций, изучающим смену кондратьевских циклов, механизмом которых часто выступают войны и социальные катаклизмы, то пандемия может рассматриваться и как новый экономико-технологический локомотив перехода к шестому укладу и сжатия основных направлений Пятого. Однако далеко не все те ключевые технологии, которые были анонсированы ранее футурологами¹ могут оказаться наиболее приоритетными.

Возвращаясь к современному пандемическому контенту, в традициях футурологических подходов², следует обозначить основные сценарные варианты в его развитии и возможные модификации обозначившейся ситуации. Нам уже приходилось высказываться ранее в этом ключе³.

Возьмем эти суждения за основу. Итак, три основных сценария⁴.

¹ Турчин А.В., Батин М.А. Футурология. XXI век: бессмертие или глобальная катастрофа? М.: БИНОМ, 2013; Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Э, 2017.

² Турчин А.В., Батин М.А. Указ. соч.

³ Старостин А.М. Альтернативные модели глобализации и проблемы современной глобальной динамики. Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018.

⁴ Суждения, касающиеся основных сценариев, были высказаны в первой половине 2020 г. Но, судя по последующим событиям, они продолжают действовать.

1. Сценарий первый (*маятниковый*) — кратковременный, хотя и с моментами циклизма, возвратности и увеличенной долей пандемических рисков.

По этому сценарию сложившийся глобальный уклад с его базовыми трендами возвращается в прежний формат, добавляя к нему новый дополнительный уровень вирусологической защиты. Работы в этом направлении уже интенсивно идут и требуют качественно новых капиталовложений в интенсивное развитие медицинских эпидемиологических, санитарно-гигиенических служб и, вместе с тем, новый аспект добавляется к привычным геополитическим, геоэкономическим, геокультурным, геоэкологическим направлениям. Более того, если коронавирусная инфекция приобретает циклически-сезонный характер, то новые службы защиты начнут действовать по такому же фазовому принципу, и весь наш образ жизни может измениться и подстроиться под смену таких фаз также, как в жизни автомобилистов периодически меняются периоды смены шин: с «зимних» на «летние» и наоборот. А вместе с климатическими циклами, влекущими включение и отключение отопления и сменой видов одежды в практику войдут переключения с дистантных на контактные виды деятельности. Вместе с этим начнутся экономические перетоки и переливы и психологические обострения¹ под влиянием вирусологических циклов. То, что сейчас кажется чрезвычайными и временными мерами, войдет в привычный формат.

2. Согласно второму сценарию (*линейно-восходящему*) корона-вирусные воздействия, в особенности при быстрых мутациях и при незначительных «приливах» и «отливах», потребуют выстраивания эшелонированной антивирусной защиты (одежда, помещения, регламенты общения и взаимодействия, деятельность медицинских учреждений). В то же время станет быстро расти удельный вес активных мер по распознаванию вирусологической опасности (мониторинго-диагностические методы, техника, фармацевтия) и парированию ее угроз.

¹ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Э, 2017.

Получит быстрое развитие дистантная экономика. Все это на постоянной основе. Потребуется существенные коррективы в организационной, производственной и культурной деятельности, изменения форматов коллективного и межличностного общения. Все это сопоставимо со сменой прежнего городского уклада жизни и переходом к новой урбанистической революции. Глобализация станет в существенной мере базироваться на информационно-компьютерных форматах и ускоренном развитии роботизации и ИТ-визации человеческой деятельности, поддерживаемой космической инфраструктурой.

3. Третий сценарий (*биосферно-защитный*) связан с переакцентировкой в появлении ожидаемых новых технических укладов и технологий. Для примера можно заглянуть в прогнозы, подобные сделанным Клаусом Швабом¹ и обратить внимание на те направления, которые поставят в центр внимания новую медико-биологическую и антропологическую революцию. В этих рамках могут реализовываться, но не загоризонтно, а в недалекой перспективе генно-инженерные разработки и инструментальные изменения на тканевом, клеточном, субклеточном уровне — по-существу, основные этапы биоантропологической революции. Это с одной стороны. А с другой, наметят быстрое развитие производств по созданию искусственных экосфер и биосфер, опыт которых наработан в космической науке и технике.

Вне корректив на глобальном уровне и смены форматов международного общения, без создания эффективных структур глобального управления такие загоризонтные стратегии не реализуемы. И в числе первых деяний на уровне регулирования международных отношений требуется создать комплекс институтов, норм, новых практик, запрещающих опасные вирусологические исследования и испытания, подобный тому, что был создан в конце XX в. в области ракетно-ядерного оружия.

¹ Старостин А.М. Новые измерения глобализации: антивирусная глобализация // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 8.

Резюмируя сказанное об антивирусной глобализации, мы еще раз хотели бы акцентировать внимание на концепте «альтернативные модели глобализации»¹, который создает возможность рассмотреть разные варианты смены курса глобализации и не концентрироваться только на обособленных натуроцентрических и культуроцентрических его измерениях, а вести поиск к более глубинному пониманию человеческой природы, требующей для своей реализации глобальных измерений.

¹ *Старостин А.М.* Альтернативные модели глобализации и проблемы современной глобальной динамики. Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018.

Глава 6

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В КООРДИНАТАХ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ (РОССИЙСКИЙ КЛАСТЕР)

Проблемы социальных трансформаций в контексте современной глобальной динамики привлекают все большее внимание исследователей. Новая волна глобализации, порождаемая многополярным миром, меняет и модельный ряд, и направленность основных векторов социальных изменений на глобальном, макрорегиональном и национально-государственном уровне. Это затрагивает как особенности структуры и диспозиции элитных групп, так и массовых слоев.

Обращаясь к проблематике, связанной с трансформациями социального самочувствия и гражданской идентичности населения и в особенности молодежи, мы видим, как стремительно менялась острота и значимость данных вопросов в течение буквально нескольких месяцев с начала 2020 г. Причем масштабы изменений и их острота не носят локального или регионального характера, а буквально пронизывают всю ткань глобального социума. Вместе с тем, похоже, что ряд стран, в особенности там, где государственное управление оказалось достаточно эффективным и оперативным, либо гражданская культура и ответственность населения и гражданского общества способны быстро концентрироваться на общенациональных проблемах (Китай, Россия, Япония, Финляндия и др.), оказались способны делать шаги на упреждение угроз и энергичную социальную мобилизацию. Для нашей страны такие шаги начались с быстрого обновления правительства в начале 2020 г. и с оперативным началом конституционной реформы, которые опередили на 2–3 месяца введение карантинных мер, обусловленных пандемией COVID-19. Последующие шаги не только расширили санитарно-медицинский диагностический, лечебный и превентивный

инструментарий, но и подготовили широкую социально-политическую базу для отражения глобальных скоординированных социально-политических атак.

Мы анализируем развитие глобальных медико-биологических мер и скоординированного социально-политического манипулирования в тесном сопряжении, поскольку пока достоверно неизвестна природа и источники новых пандемических угроз. Что это? То ли глобальные стихийные мутации на уровне биологического микромира, обусловленные климатическими, глобально-экологическими, космическими и иными факторами. То ли апробация новых инструментов воздействия на социальные, политические и экономические процессы в условиях фатальных границ на использование традиционного планетарного оружия массового уничтожения?

В любом случае проявившиеся новые факторы будут действовать на социальную среду, политические и экономические взаимодействия не только ограниченно разрушительно, но и тотально-разрушительно, что продуцирует глобальную социально-политическую и экономическую перестройку. В связи с указанными новыми сюжетами вновь обновились суждения и концепции, связанные с *деглобализацией*. Думается, что эти подходы пока видятся контрпродуктивными, ибо спровоцировавшие их факторы, являются ли они искусственными или стихийными, пришлось очень кстати и появились в период, когда процесс глобализации в формате последней ее волны подошел к своим границам роста. Они связаны, во-первых, с объективными потребностями смены очередной кондратьевской волны в районе начала 2020-х гг. — с пятого на шестой технико-технологический и экономический уклад. А во-вторых, начался процесс перестройки глобального однополярного мира на глобальный многополярный мир, что, на наш взгляд, составляет содержание новой (третьей) волны современной глобализации.

Попытка перехватить инициативу и как-то замедлить указанные процессы в политической лексике была маркирована как «трампизация» (попытка реконструировать монопольное

политико-экономическое положение США), что также качнуло экспертное мнение в сторону «деглобализации».

Однако современная глобальная перестройка, как уже замечено выше, связана с другим. В технологическом и экономическом аспекте это смена прежде всего авангардных технологий планетарного масштаба. А в социальном — это усиление глобальной динамики, которую образно следует назвать «динамикой семи социальных взрывов». Назовем их: социально-демографический; межрегионально-миграционный; расово-этнический; гендерный; политико-террористический; «цветных революций»; социально-информационно-сетевой. Часть из названных социально-взрывных импульсов циклически повторяется. Однако в одном «пучке» они сошлись практически в начале XXI в. и в итоге резко поменяли облик глобального мира, устремившегося к «устойчивому развитию».

Следует подчеркнуть, что наиболее отзывчивой средой и активным проводником названных взрывов-импульсов выступает молодежь, прежде всего потому, что не обременена оковами и инерцией социальной памяти и проходит в массовом порядке через действие механизмов первичной, вторичной и профессиональной социализации, в итоге воздействия которой она либо приобретает указанную инерцию, либо способствует смене генерализирующего вектора последующего социального развития и собственной гражданской, групповой и личностной идентичности¹.

В этом плане показательны данные исследований, установившие существенную роль в социальной дестабилизации и последующих социальных трансформаций наличия значимых по удельному весу молодежных слоев и даже некоторое их преобладание в составе сообществ. Так, известный американский демограф Ричард Синкотта, проанализировав возрастной состав населения в странах, где с начала 70-х гг. по конец 80-х гг. XX в. произошли революции, утверждает, что «исход революции и строй, который после нее установится в стране, зависит

¹ См.: Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. М.: Весь мир, 2017. С. 91–100, 564–565.

от возраста населения»¹. Это так называемый показатель медианного возраста².

В «революционных странах» этот возраст составлял 25–35 лет. Если медианный возраст выше 35 лет, то революция чаще всего не происходит. А если он меньше 25 лет, то в абсолютном большинстве такие страны после революции опять возвращаются к недемократическому режиму. В России 1917 г. медианный возраст составлял менее 25 лет, а в 1991 г. — 33 года. Ныне он составляет около 40 лет. Невольно по этому поводу вспоминается глубокомысленный афоризм главного героя из старого советского кинофильма «Журналист»: «Каждое поколение изменяет мир на основе собственных несовершенств»! Можно обозначить приведенную корреляцию, опирающуюся на пороговые возрастные показатели, — *критической молодежной лиминальностью*.

Можно также говорить о показателях критической высоковозрастной лиминальности (укорененное население современной Европы). Она, очевидно, влияет на поддержание социальной устойчивости и инертности (застоя). А в целом социальное межпоколенческое взаимодействие складывается по принципу «донор — реципиент» между крайними лиминальными группами. Ударное воздействие сталкивается с тормозящим, демпфирующим эффектом «принимающей» стороны. При этом важнейшим стабилизирующим фактором выступает *«средний социально-психологический слой»*.

Что касается глобального мира, то его медианный возраст ныне на уровне 25 лет и переход к более высоким возрастным порогам и большему социальному благополучию, вероятно будет способствовать повышению устойчивости в развитии.

Мы связываем, как видно в общей системе показателей социальной динамики, не только факторы социально-экономического и политического порядка, но и социально-демографические, что в итоге находит отражение в социально-гуманитарных

¹ Возраст демократии // Наука и жизнь. 2012. № 10. С. 53–54.

² Медианный возраст — старше и моложе которого в стране имеется одинаковое количество людей.

поисках детерминантов социальной динамики. На теоретическом и прикладном уровнях алгоритмы таких поисков релевантно отражаются в концепте «социальные дискурсы». Они позволяют описать, понять и прогнозировать на интегральном уровне неравномерные гомогенные и гетерогенные (многокомпонентные) социальные процессы, протекающие на глобальном, макрорегиональном и национально-государственном уровнях. В последние годы на значимость этих дискурсов обращает пристальное внимание ЮНЕСКО, учредившая специальную исследовательско-проектную программу МОСТ — «Управление социальными преобразованиями (трансформациями)»¹. Сверхзадачей проектно-управленческой части программы МОСТ выступает сохранение социокультурного разнообразия и наращивание гуманистического потенциала в развитии глобальных процессов.

Остановимся на характеристике *четырёх базовых социальных дискурсов*, имеющих место в современной глобальной динамике, знание содержательной стороны и управленческого потенциала которых позволяет более глубоко осмыслить процессы формирования национально-государственной и глобальной идентичности в современном мире. Речь идет о социально-инновационном, социально-трансферном, социально-конвергентном и социально-рекурсивном дискурсах.

Итак, *социально-инновационный дискурс* в теоретическом аспекте не вполне сформирован, хотя и весьма востребован в поле современной политико-технологической и социально-технологической инженерии. Хотя многие подходы к социальным инновациям в концептуальном плане формируются под влиянием технико-технологических идей и образов, но в последние десятилетия и в особенности с начала XXI в., конституируется новый тип гуманитарной инноватики, в основе которой субъект-субъектный подход, базирующийся на иной когнитивной матрице, которая основывается на категориях «смысл»: «по-

¹ Материалы к заседанию Российского комитета по программе ЮНЕСКО «Управление социальными преобразованиями – МОСТ» при Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО 11.12.2019.

нимание», «интерпретация», «ценности», «дискурс», «текст», «контекст» и т.п.¹. Вместе с тем в поиске адекватных управленческих инноваций в рамках более сложных самоорганизующихся систем происходит смещение от категорий целевой детерминации — к категориям коэволюционного влияния, поддержания социального гомеостаза, социально-средового воздействия, упорядочения социально-хаотических состояний.

Обращаясь непосредственно к социально-гуманитарной инноватике, следует отметить, что основным предметом ее применений выступают экономическая, социальная, политическая, духовная сфера общества.

К социально-гуманитарной инноватике следует отнести такие широко применяемые в экономической, социальной, политической практике виды действий, основанные на научных исследованиях и разработках, и систематизированной практике, таких как: социальные и гуманитарные технологии; методы и методики социального проектирования и планирования; методы и методики образовательной деятельности в контексте различных культурно-образовательных систем; методы и технологии социального управления и управления поведением; PR-, GR-, HR-технологии и др.

Формирование данных инновационных направлений приводит к появлению в информационном обществе нового типа работников — когнитивных работников (*knowledge worker*), идущих на смену таким прежним категориям, как интеллектуальный работник, академический работник, инженер знания, брокер знания, профессионал хай-тека и т.д.²

К новой категории относят исследователей, дизайнеров, разработчиков программных продуктов, профессионалов индустрии развлечений, проектных менеджеров, контролирующих экспертов, финансовых консультантов, системных аналитиков и т.п., которые в совокупности формируют так называемый

¹ Кокошин А.А. О системном и ментальном подходах к миро-политическим исследованиям. М.: ЛЕНАНД, 2008; Старостин А.М. Исследовательская философия. Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018. С. 317–328.

² Концепция «Общества знания» в современной социальной теории. М., 2010. С. 53–54.

креативный класс¹, который и будет обеспечивать дальнейшую трансформацию экономики знаний и когнитивного капитализма² в экономику креативности.

К этому следует добавить два важных с нашей точки зрения момента.

Во-первых, важным аспектом инновационной деятельности выступает коммерциализация научных и иных разработок, доведение их до вида товара, услуг, которые тиражируются и продаются в условиях массового рынка.

Применительно к социально-гуманитарным инновациям (да и не только к ним) важным является момент массового тиражирования. А вот коммерциализация может иметь место опосредованно, а может и не просматриваться, ввиду некоммерческой основы в распространении массовых образовательных, медицинских, культурных, информационных услуг производство и оплату которых берет на себя государство, общественные организации и фонды или даже отдельные лица. Тем более что в отличие от технико-технологических инноваций, механизмы закрепления авторских прав в сфере социально-гуманитарных инноваций далеко не всегда установлены или найдены адекватные им формы. Это большая проблема.

Следует также иметь в виду, что значительная часть социально-гуманитарных инноваций включает в себя эффекты эмоционального, ценностного порядка, которые не всегда могут быть коммерчески оценены, но имеют определенный социальный эффект.

В качестве примера важнейших социально-гуманитарных инноваций 2-й половины XX в. — начала XXI в. (по экспертной оценке) приведем следующие:

- концепция и технологии формирования социального государства;
- концепция, технологии и практики ненасильственных действий;

¹ Храмкова Е.Л. Разработка инновационного продукта: семь поводов задуматься о будущем // Инновации. СПб., 2009. № 9. С. 118–120.

² Польре Б. Когнитивный капитализм на марше // Политический журнал. 2008. № 2.

- технологии и инструментарий программирования поведения в организациях и базовых видах деятельности (PR, HR, GR, НЛП и т.д.);
- сервисная модель государственного управления («гибкая власть»), её реализация в технологиях «электронной демократии», «электронного правительства»;
- программа мультикультуризма и формирования толерантной межнациональной среды;
- концепция и политический проект гуманизации отношений к человеку и различным группам меньшинств со стороны государства и местных обществ (права человека, права женщин, права детей, права пожилых людей, права безнадежных больных и др.);
- создание технологий нескольких поколений индустрии развлечений, включая виртуальную (компьютерную) реальность;
- разработка и продвижение через Internet различных сетевых моделей социального и профессионального взаимодействия и ряд других.

Во-вторых, многие крупные инновации носят комплексный или междисциплинарный по своему источнику характер. Технические или биомедицинские включают, например, моменты математического, инженерного, информационного, организационного, производственного, кадрово-профессионального и иного обеспечения, которые, как уже подчеркивалось выше, далеко не всегда прописаны в «формуле инноваций». Аналогичная картина предстает и в сфере социально-гуманитарных инноваций.

Следует подчеркнуть, что на глобальном уровне мы встречаемся с типологически разными форматами социально-гуманитарного дискурса. Одни из них содержательно определяются идеями и концептами, сопряженными с исследовательскими центрами Запада. В этом случае они становятся монопольными гуманитарно-научными «донорами» в формировании, например, соответствующего трансферного и конвергентного социальных дискурсов. Однако в рамках социально-гуманитарных

инновационных изысканий значимое воздействие оказывают ныне и другие центры, формирующие на базе локально-цивилизационных культур и соответствующих глобальных полюсов иные форматы социально-трансферного или конвергентного дискурса (Китай, Индия, Россия, арабский мир).

Обращаясь к другим, весьма востребованным типам социальных дискурсов, обратимся прежде всего к наиболее нам известному и показательному российскому опыту.

Наиболее ранний тип дискурсов, появившихся в российской практике еще 70-х гг. XX в., был *конвергентный*. Он получил полное развертывание в годы перестройки. По сути конвергентный подход связан с идеей сближения двух типов (моделей) высокоиндустриального развития: капиталистического и социалистического. При этом идеологические, ценностные платформы сохранялись в процессе конвергенции в прежней форме. В конце 80-х годов в издательстве «Прогресс» вышло, можно считать, программное издание: «50/50. Опыт словаря нового мышления»¹. Оно было призвано стать теоретической платформой, способствующей формированию конвергентного дискурса. Что характерно, издание открывала статья в двух редакционных вариантах: «Конвергенция, мирное сосуществование». Она написана двумя очень известными людьми: А. Сахаровым и А. Туреном. А. Сахаров писал: «Конвергенция — реально происходящий исторический процесс сближения капиталистической и социалистической мировых систем, осуществляющийся в результате встречных плюралистических изменений в экономической, политической, социальной и идеологической сферах. Конвергенция является необходимым условием решения глобальных проблем мира, экологии, социальной и геополитической справедливости»².

Ему вторил Ален Турен: «Поэтому возникла мысль о прогрессивной конвергенции всех стран к общей модели современного общества»³.

¹ 50/50. Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс, 1989.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 18.

Мы видим, что М. Горбачев, А. Сахаров и иже с ними значительно расширили рамки трактовки конвергенции по сравнению с 1970-ми годами.

В итоге такой расширенный дискурс плавно перетек в практически монопольный источник перетекания базовых универсальных образцов. Ими оказались западные институты, процессы, ценности. Поэтому логично, что такой дискурс, получивший наименование «трансфер социальных инноваций», оказался социальной матрицей западной цивилизации. От социализма там осталась разве что модель социального государства. Однако значительная часть развивающегося мира, имея в виду опыт с СССР и странами Восточной Европы, поставила свои барьеры на пути конвергентной монополии. И последующий опыт глобального и регионального мира, связанный с локально-цивилизационной плюрализацией, думается, приведет к новому «изданию» и прочтению конвергентных подходов.

Что касается трансферного дискурса, то он наиболее был распространен в 90-е — начале нулевых годов и касался процессов переноса образцов социальных институтов и практик с западной на российскую почву.

Нужно отметить, что в современной российской социальной и политической теории значительное внимание уделяется, например, разработке проблем гражданского общества. Актуальность ее со временем не снижается, меняются только выбираемые аспекты, акценты и контексты, в рамках которых все это рассматривается. Ну и, конечно, основным детерминантом данного процесса выступает значительная нестыковка предлагаемых теоретических моделей и концептов и российской политической практики. Хотя, казалось бы, этого быть не должно, поскольку в процессе транзита, трансформации советского общества в социально-политические и экономические структуры буржуазного типа, реальные образцы и теоретические каноны такого рода, имеющие многовековую традицию, должны были помочь избежать и острых конфликтов на практике, и непонимания, разночтений в теории. Но этого не произошло. Отчасти

по причине недостаточной ясности в теоретических позициях, а отчасти из-за неразработанности политико-управленческих и, в целом, социально-гуманитарных технологий, призванных связать социальную практику с желаемыми концептами и ценностными представлениями.

Так, известный исследователь О. Хархордин, анализируя пути развития концепций гражданского общества и способы их адаптации к российским реалиям, указывает на две традиции в понимании гражданского общества: Л-традиции, идущей от Дж. Локка, и М-традиции, восходящей к Ш. Монтескье¹, и справедливо полагает, что, вращаясь в рамках этих традиций, современная российская политическая мысль не вполне в них вписывается. Ей как бы недостает чего-то своего. Возможно, что путь к этому своему могут более прояснить дальнейшие поиски с ориентацией на третью традицию, которую можно обозначить Р-традицией — поиски в области религиозно-этических оснований гражданского общества².

Следует подчеркнуть, что аналогичный контекст, касающийся диффузии и рецепции основных концептов и политических практик, обнаруживается применительно ко всем базовым институтам и процессам буржуазного общества западного типа, транслируемым в последние 25–30 лет в российском обществе³.

Так что современная *трансферная* версия социально-гуманитарного научного знания для России немногим отличается от монополии на обществоведение марксистско-ленинского образца. И та, и другая версия в итоге не способны дать ответ на андроповское вопрошение полувековой давности: «В каком обществе мы живем?»

Однако это еще не вся история. В последние 15–20 лет в качестве альтернативы в гуманитарно-научном понимании тенденций развития постсоветского общества обозначился анти-

¹ Хархордин О. Основные понятия российской политики. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

² Там же. С. 80–93.

³ См., например: Бегунов Ю.К., Лукашев А.В., Пониделко А.В. 13 теорий демократии. СПб.: Бизнес-Пресса, 2002.

модернизационный или *рекурсивный дискурс*. В этих рамках основным вектором социального развития выступает инверсионный процесс, демодернизация общества. Этот дискурс представлен в работах ряда известных отечественных исследователей. Известный социолог и экономист В. Шляпентох в 2007 г. выпустил фундаментальную монографию «Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры»¹. Детальное обоснование этой идеи применительно к современным реалиям дает в цикле монографических исследований С. Кордонский². Широкую известность приобрел труд известного социолога Л.В. Гудкова «Абортивная модернизация»³.

Нельзя не сослаться на ряд работ В.Л. Римского и, прежде всего: «Архаизация политических элит и государственного управления России»⁴. Все эти и другие работы, которые отмечают релевантные наблюдаемым социальным процессам выводы, позволяют говорить на основе более доказательной и научно-обоснованной гуманитарной платформы то, что мы начинаем выходить из заданной парадигмы трансферного дискурса в рамках научно-поискового подхода.

Резюмируя сказанное и возвращаясь к молодежной проблематике, следует полагать, что знание о распространенности типологически разных социальных дискурсов в современном российском многосоставном обществе позволяет вполне осмысленно подходить к формированию современной молодежной политики. В политико-прикладном аспекте мы на данном этапе естественно обращаемся к директивным документам, задающим общие цели такой политики. Это прежде всего новая редакция Конституции РФ, основанный на ней Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. «О национальных целях развития РФ на

¹ Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры. Нью-Йорк, 2007.

² Интервью с С.Г. Кордонским // Русский репортер. 2019. № 5; Кордонский С.Г. Россия. Поместная Федерация. М.: Европа, 2010; Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М., 2000.

³ Гудков Л.В. Абортивная модернизация. М., РОССПЭН, 2011.

⁴ Римский В.Л. Архаизация политических элит и государственного управления России // Власть и элиты. Т. 5. СПб.: Изд-во СИ РАН, 2018.

период до 2030 года». Здесь определена в качестве одной из пяти национальных целей «возможность для самореализации и развития талантов». Она конкретизирована прежде всего применительно к молодежи: «создание условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций»¹.

Реализация этой общей национальной цели в условиях действия разных влиятельных глобальных, макрорегиональных и национально-государственных субъектов требует не только четкого понимания существующих угроз и рисков, но и знания собственной специфики и апробированного опыта. В качестве реномирующей ссылки адресуемся в последнем случае на опыт такого рода разработок, имеющихся в арсенале нашего Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации РГЭУ (РИНХ) и Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) в целом².

¹ Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года».

² Мировоззренческие вопросы исторического образования и воспитания в глобальном контексте. Ростов н/Д: Мини-Тайп, 2019; Философия образования в глобальном и национальном измерении: монография. Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018.

Глава 7

ФИЛОСОФИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ. ГЛОБАЛЬНО-РОЛЕВОЙ ДИСКУРС

В работах по теории международных отношений, рефлексивных дискурсах, связанных с новыми угрозами и рисками в сфере международных отношений и происходящей их перестройкой, все более явно звучат голоса ученых и политиков о необходимости разработки *философии международных отношений*. Можно зафиксировать предпосылки когнитивного диссонанса в этой ситуации. Это связано, с одной стороны, с быстро нарастающими масштабными изменениями в сфере международных отношений (МО), буквально взрывающимися и последнюю масштабную ялтинско-потсдамскую доктрину МО, и участвовавшие попытки ряда государств и государственных союзов найти возможности выйти за рамки стратегии гарантированного взаимного уничтожения и найти свой собственный алгоритм выживания.

С другой стороны, интенсивное развитие опыта регулирования МО без активной опоры на военно-политические методы, и используя инструменты «мягкой силы», «умной власти», расширение репертуара геоэкономических, геоэкологических, геокультурных и кросс-культурных методов в системе регулирования МО и значительное расширение системы концептов и методов в области теории МО, потребовало новых теоретических обобщений и выхода на метатеоретический уровень, дабы отразить нарастающую массу разнонаправленных теоретических подходов, доктрин, концептов в этой сфере.

Совершенно верно эту сторону проблемы отобразили авторы труда «Основы общей теории международных отношений»¹,

¹ Основы общей теории международных отношений / под ред. А.С. Манькина. М.: Изд-во МГУ, 2009.

подчеркнув, что ответить на подобные вопросы призвана формирующаяся **философия международных отношений**¹.

Немаловажным в связи с этим является вопрос о существующих подходах, аналогах в этой области. Ибо в первом приближении на эту роль претендуют труды Ф. Фукуямы и С. Хантингтона, З. Бзжезинского и У. Бека. Но один из наиболее новых и значимых — это юбилейный доклад Римского клуба, подготовленный его президентами, Э. Вайцеккером и А. Вийкманом, «Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты». Его авторы призывают к новой философии глобального мира, которая должна стать императивом и в области его понимания, и в качестве руководства к действию.

Думается, что при всем уважении к глубине и дальновидности зарубежных теоретиков, в их суждениях просматривается подспудное и глубинное наполнение философского контекста теории современных МО стратегическими интересами и ценностями той самой западной цивилизации, которая репрезентирует эти интересы и взгляды как всеобщие и универсальные. И вполне можно согласиться с критическим суждением по этому поводу наших известных теоретиков и методологов в области МО. Они обращают наше внимание на те теоретические и методологические течения, имеющие место в отечественной традиции в понимании МО, в которых сконцентрирован наш аксиологический опыт и когнитивные установки: это «уже развитые и получившие известность традиции классового анализа политико-экономических процессов, российская геополитическая мысль, теории культурно-исторических типов и религиозно-философские достижения серебряного века»².

Мы обращаем также внимание на то, что в последние годы в отечественной гуманитарной науке были выдвинуты новые подходы к построению философского дискурса, которые опи-

¹ Основы общей теории международных отношений / под ред. А.С. Манькина. М.: Изд-во МГУ, 2009. С. 38.

² Российская наука международных отношений: новые направления / под ред. А.П. Цыганова, П.А. Цыганкова. М.: ПЕРСЭ, 2005. С. 396.

раются на алгоритмы прикладной философии и ее возможности и ресурсы междисциплинарного синтеза¹.

Что касается наиболее значимых реалий, которые переводят развитие МО и их понимание в новое измерение — это формирование процесса глобализации, который уже не распадается на отдельные проблемы и направления, а репрезентирует себя как целостная, глобальная цивилизация. Фактор современной глобализации выводит международные отношения в двухуровневый формат, включающий и собственно межгосударственные отношения, и взаимодействие с новыми надгосударственными и внесударственными субъектами современной политики, экономики, культуры. Наблюдаемые уровни взаимодействуют сейчас по принципу *глобальной субсидиарности*, а динамика МО в таком формате ныне определяется действием локально-цивилизационных механизмов, что метафорически обозначают как переход от однополюсного к многополярному миру. Вот применительно к таким реалиям и необходима разработка новой философии международных отношений (ФМО). В первом приближении ее можно кратко определить в качестве прикладного уровня фундаментальной философии, касающегося мира реалий современных международных отношений и содержащего **общую картину реальности международных отношений и знания о когнитивных процедурах**, с помощью которых сформирована эта картина. Данное определение исходит из авторской концепции «исследовательской философии»², о которой необходимо сделать несколько суждений по-существу, а далее — кратко остановиться на базовых проблемах и концептах ФМО, выстраиваемых на такой основе.

Анализируя развитие философии в исследовательском аспекте, мы обращаем прежде всего внимание на обогащение ее

¹ *Старостин А.М.* Прикладная философия как философская инноватика. Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015; *Практическая философия* / под ред. А.Н. Чумакова. М.: Проспект, 2017; *Поликарпов В.С., Поликарпова Е.В., Поликарпов В.А.* Прикладная философия. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2017; *Пржиленский В.И.* Современная философия. Интеллектуальные технологии XXI века. М.: Проспект, 2017.

² *Старостин А.М.* Исследовательская философия. Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018.

содержания, состава ее знаний новыми положениями, которые далеко не всегда удается вписать в сложившуюся картину миропонимания. Исследовательские признаки проявляются тем ярче, чем более парадоксальными выступают новые положения, которые могут даже противоречить устоявшимся взглядам.

В этом плане можно обозначить по меньшей мере три траектории инновационного развития философии: 1) философская инноватика; 2) философская диатропика и 3) философская альтернативистика. Вкратце об этом.

Расширение поля философских приложений и разработок, которые, в основном, включают в состав философской проблематики и новых знаний, источники которых находятся за пределами сложившейся системы фундаментальной философии. Это известный постулат К. Поппера о том, что истинно философские проблемы всегда коренятся в других проблемах, лежащих за пределами философии, и философия умрет, если лишится этих корней. Тем самым философская инноватика — наиболее динамичная часть системы исследовательской философии, она быстро наращивает новые области философского опыта, обобщение которых позволяет выйти на новые рубежи фундаментальных философских знаний и представлений¹.

Инструментарий философской инноватики ориентирован на решение сложносистемных, междисциплинарных проблем, где совершенно недостаточен монодисциплинарный инструментарий и необходимо решать задачи выявления оснований науки, осуществления синтеза различных дисциплинарных отраслей, разработки проектов сложносистемной деятельности, направленной на большую перспективу, решение социально-практических задач, сопряженных с деятельностью субъектов с разнонаправленными стратегиями и т.п.

¹ Старостин А.М. Прикладная философия как философская инноватика. Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015; Старостин А.М. Философские инновации: концепция и основные сферы проявлений: монография. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2009; Старостин А.М. Философские инновации в когнитивном и праксеологическом контексте: монография. М.: URSS, 2012; Старостин А.М. Summa Philosophiae в прикладном измерении: монография. Ростов н/Д: Дониздат, 2014.

Необходимость именно такой, представленной посредством концепта «философская инноватика», реконструкции философской деятельности и философского мышления, напрашивается, пожалуй, в явной форме уже с конца XX в. Хотя предпосылки данной репрезентации выстраивались в течение почти столетия и были связаны прежде всего с необходимостью осмысления кризисных, революционных, обобщенно говоря, нестационарных проявлений в обществе, науке, управлении (социальные, политические, научные, культурные революции, войны, глобальные проблемы и т.п.).

Подчеркнем, что известные пересечения фундаментальной философии с философской инноватикой в той ее части, которая затрагивает взаимодействие фундаментального и прикладного знания в контексте принципиально разных фундаментально-философских систем. Значимой здесь выступает проблема формирования в итоге кросс-философских образов, мировоззренческих картин, инструментальных подходов к миру и человеку.

Формирование философии МО включает как движение в рамках междисциплинарных подходов на уровне теории МО¹, так и взаимодействие с философско-прикладными кейсами, затрагивающими смежные с теоретическими исследованиями международных отношений, областями (философия политики, философия геополитики, философия конфликтологии, философия глобалистики, философия управления и др.).

Что касается собственно философии МО как философско-прикладной области, то автором уже проделаны кейс-стади в области философии политики, философии конфликтологии и ряда других областей с позиций исследовательской философии. Таких кейс-стади в нашем опыте около десяти². С нашей точки зрения, все они содержат важные дискурсы, применимые к философии МО. Это важно еще и потому, что предмет МО и их теоретическое осмысление, так же как и соответствующая об-

¹ Междисциплинарный синтез в изучении мировой экономики и политики / под ред. Ф.Г. Войтоловского, А.В. Кузнецова. М.: Крафт+, 2012.

² *Старостин А.М., Шеец Л.Г.* Актуальные проблемы политической науки в контексте политической философии. Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015.

ласть социально-политической реальности лишь относительно автономна от таких предметных областей, как политика в целом, право, конфликтология, управление, глобалистика и др.

Поэтому в качестве первоочередных проблем философии МО видится исследование специфики международных отношений как системы и релевантности вычленения МО из целостной глобально-социальной системы.

Что касается других базовых проблем философии МО, то они в порядке выделения социально-когнитивных оснований (а не когнитивной редукции), включаемых в рамки социально-философских альтернатив фиксируются в качестве нескольких пар доминирующих и относительно полярных парадигм: например, «в современной социологической науке, несмотря на многообразие теорий, концепций, подходов, доминируют *две основные парадигмы — социологический реализм* (объекты исследования — общество, социальная структура, социальные институты) и *социологический номинализм* (объекты исследования — индивид, личность, человек). Они продолжают существовать и в современной науке, олицетворяя ту или иную методологическую структуру»¹. И, добавим, не только в социологической науке, но и в других отраслях гуманитарного знания.

Скажем, в политической теории данная парадигмальная диспозиция детерминирует дифференциацию концепций демократии и стратегий их реализации на два класса: идентитарные (коллективистские) и конкурентные (индивидуалистические). Более того, данная диспозиция вполне явно просматривается и на уровне общественной психологии.

Другой парой на уровне базовых конструктов в социально-гуманитарном знании выступает: «*объективное*» и «*субъективное*».

Анализ проблем современного общества может быть сориентирован на разные его модели. С одной стороны, это научная, или рациональная картина, построенная на базе социального детерминизма. Здесь представлены причинно-следственные, или корреляционные взаимосвязи между различными и значи-

¹ Тощенко Ж.Т. Социология. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.

мыми социальными, политическими, экономическими факторами.

Вместе с тем по жизни мы чаще исходим из субъективной картины жизни общества, которая проецируется в общественное сознание, массовое сознание, общественное мнение. Эта картина построена на ценностях и интересах, привычках и моде, языковых стереотипах и фольклорных образах, традициях и ритуалах. Здесь другие индикаторы устойчивости и нестабильности, связанные с социальным и личностным самочувствием, взаимопониманием, комфортом и дискомфортом, признанием и отвержением, статусностью и близостью.

Зачастую субъективная картина общества более информативна, в особенности в ситуативных аспектах. Она затем подталкивает нас к объективированным, формализованным и количественным описаниям, исходя из которых возможно принятие решений на перспективу.

Если объективированные картины основаны на теоретических моделях и социальной статистике, то субъективированные — на изучении массового группового, индивидуального сознания.

Базовую роль в основаниях МО как теоретической междисциплинарной области выполняет третий блок конструктов, репрезентирующих *динамику социальных систем*.

В этом плане современная теория МО опирается на определенные социально-эволюционные и общеэволюционные доктрины и представления о развитии.

В современной методологии науки доминирует несколько основных доктрин развития, которые так или иначе транслируются на конкретно-научные и междисциплинарные области: диалектика, универсальный эволюционизм; синергетика; все более востребованным становится культурно-цивилизационный подход вкупе с циклическими концепциями развития.

Для отечественной теории МО диалектическая доктрина выступает базовой в качестве реконструкции общей социальной динамики. Уже сами МО репрезентированы прежде всего как некое столкновение, *борьба*, либо *противоречие* между взаимо-

действующими сторонами. По существу, теория МО, выстраиваемая в таком смысловом поле, может рассматриваться как прикладная диалектика.

Вторая доктрина пока слабо используется в современной теории МО. Речь идет об *универсальном или глобальном эволюционизме*. Данная доктрина пока плохо адаптирована к потребностям гуманитарного познания. И современные гуманитарии с остороженностью к ней относятся, поскольку связывают ее с методологическим инструментарием современного естествознания и натуроцентрической исследовательской программой.

В становление доктрины универсального эволюционизма большой вклад внесли известные философы и естествоиспытатели: Л. Бергсон, А. Уайтхед, П. Тейяр де Шарден, В.И. Вернадский, В. Эбелинг, Э. Янч, Н.Н. Моисеев, С.П. Курдюмов, А.Д. Урсул и др.¹

В доктрине универсального эволюционизма ставится задача реконструировать и презентовать «единый процесс эволюции и самоорганизации, включающий как «магистральный ствол» — усложнение структур от кварк-глюонной плазмы до человека и общества, так и многочисленные «боковые ветви»².

В рамках универсального эволюционизма рассматриваются процессы коэволюции (соразвития) различных систем, в том числе и стоящих на различных эволюционных уровнях; подстройки; «направленной» эволюции (слабый и сильный антропный принцип); информационной детерминации будущих состояний; макросистемной детерминации микросистемных составляющих и обратный процесс и др.

Третья доктрина — *синергетическая*. Она основана на достаточно конкретном, количественно выраженном инструментарии и представлениях о самоорганизации сложных нелиней-

¹ Черникова И.В. Глобальный эволюционизм: философско-методологический анализ. Томск, 1987; Универсальный эволюционизм и глобальные проблемы. М., 2007; Ильин И.В., Урсул А.Д., Урсул Т.А. Глобальный эволюционизм. Идеи, проблемы, гипотезы. М.: МГУ, 2012; Урсул А.Д. Феномен ноосферы: глобальная эволюция и ноосферогенез. М., 2015.

² Казютинский В.В. Эпистемологические проблемы универсального эволюционизма // Универсальный эволюционизм и глобальные проблемы. М., 2007.

ных систем, динамично развивающихся самоорганизующихся системах. Применительно к жизни общества синергетический инструментарий находится в стадии апробации¹.

Международные отношения относятся к наиболее динамичным аспектам современной социальной, экономической, политической жизни. Они востребуют и новый инструментарий исследования, и новые концептуальные подходы, к числу которых следует отнести аппарат гуманитарной синергетики², поскольку синергетика имеет дело с динамичными, неравновесными, сверхсложными системами, а конфликтные ситуации в сфере МО как раз и выступают маркерами подобных систем и процессов. В качестве ключевых понятий здесь используются: «аттрактор», «неравновесность», «хаос», «бифуркация», «нуклеация», «триггерный эффект», «гомеостазис» и др. Данный понятийный аппарат хорошо ложится на анализ динамично развивающихся конфликтных ситуаций. Но наиболее продуктивно его применение не столько к самому конфликту и характерной для него ситуации, сколько ко всему фазовому пространству, в рамках которых он появляется и разрешается.

Четвертой концепцией социального развития выступает культурно-цивилизационный подход, базирующийся на циклической парадигме общественного развития³, что отличает этот взгляд от трех прогрессистских парадигм развития, упомянутых выше. Выдвинутые и развитые усилиями Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, П. Сорокина, А. Тойнби, Л.Н. Гумилева, И.М. Рыбкина различные варианты циклической теории основываются на понятии локальной цивилизации. Сами локальные цивилизации, взаимодействующие между собой и проходящие через цикл «зарождение — зрелость — угасание», образуют сложную диатропику глобального и локального развития общества.

¹ Междисциплинарный синтез в изучении мировой экономики и политики / под ред. Ф.Г. Войтоловского, А.В. Кузнецова. М.: Крафт+, 2012.

² Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М.: КомКнига, 2007; Бадалян Л.Г., Криворотов В.Ф. История. Кризисы. Перспективы. М.: Либроком, 2010.

³ Афанасьев В.В., Качура Г.Н. Циклы цивилизаций. М.: Канон+, 2010.

Кстати говоря, обращение к категории «цивилизация», в смысле «локальная цивилизация», позволяет сконцентрировать внимание в области социальной теории на учете, к примеру, специфики цивилизационного развития российского общества и государства. Сразу оговоримся: смысл термина «специфика» не означает движения российского общества и государства к автаркии, закрытому обществу, в чем часто упрекают известные деятели, как только обозначается тема цивилизационной специфики.

Локально-цивилизационная специфика российского общества, проявляющаяся в ментальности и жизнедеятельности всех народов, объединенных Российским государством, основана на культурно-мировоззренческой матрице, отличной от западной и восточных культур и цивилизаций (мы ранее неоднократно обращали внимание на данные особенности¹. И данный вектор значим в разработке и социально-политических концепций², и общей социальной теории, учитывающей локально-цивилизационную специфику. Вписывание в такую схему развития МО, как механизма перехода от одного звена к другому звену цикла и одновременно симптоматизирующего приближение перехода к новому звену требует нового смыслового наполнения теории МО.

Следует отметить значимость системообразующей роли для социальной теории категории «*организации*» и тесно связанного с ней управленческого аспекта.

Рассматривая с этих позиций комплекс наиболее значимых современных подходов и теоретических разработок в области современной социальной теории, можно заметить, что большая их часть выполнена в рамках *институциональной и неинституциональной парадигмы*.

К примеру, предлагаемые меры практической реализации современных российских реформ также осуществляются с этих

¹ Понеделков А.В. Элита. Ростов н/Д, 1995. С. 150–151; Понеделков А.В., Старостин А.М. Введение в политическую элитологию. Ростов н/Д, 1998. С. 18–20.

² Старостин А.М. Цивилизационная парадигма в политической науке // Труды IV Всероссийского конгресса политологов. М.: РАПН, 2006.

позиций. Между тем, следует обратить внимание на значимость *поведенческо-деятельностного подхода*, который выделяет прежде всего категории «организационной культуры», «интересов, мотивов и потребностей» и обозначает значимость ценностных аспектов в становлении и функционировании организаций¹.

К сожалению, данные сюжеты практически пока не реализованы ни в современной социальной теории, лежащей в основе прикладных исследований и разработок, ни в практике по ее реализации. Между тем, в абсолютном большинстве случаев неудач и пробуксовок современных договоренностей в сфере МО, провоцирующих конфликты и тупики развития, основные их детерминанты связаны с неготовностью и немотивированностью людей, несформированностью соответствующей организационной культуры, слабостью или отсутствием лидерских начал и других компонентов, которые изучаются в рамках поведенческой парадигмы.

В то же время бюрократизация, теневилизация, развитие коррупционных отношений и соответствующие конфликты — это обратная сторона «медали», риски и патологии, развивающиеся в условиях дефицита организационной культуры.

В качестве основных фазовых состояний, регистров в развитии МО, с нашей точки зрения, следует обозначить также *конкурентные и солидарные отношения*. Если мы хотим, к примеру, адаптировать инструментарий синергетики к динамике МО, то придется доработать и само понятийное поле теории МО.

В настоящее время исследования солидарных отношений связываются с условиями конституирования в обществе таких социокультурных универсалий, как гуманизм, толерантность, альтруизм, ненасильственные действия, политкорректность и т.п. Вместе с тем, как отмечает Э. Гидденс, «различие между двумя теориями — теорией, исходящей из консенсуса между членами общества, и теорией, идущей от противостояния между членами общества, и по-видимому, не столь глубоко, как это кажется.

¹ Пригожин А.И. Цели и ценности. Новые методы работы с будущим. М.: Дело, 2010.

Указанные две позиции отнюдь не являются абсолютно несовместимыми. Вероятно, во всех обществах наблюдается тот или иной вид согласия относительно ценностей и в то же время, несомненно, везде возникают конфликты»¹.

В связи с этим можно предположить, что естественны такие типологические социальные системы, где преобладающей стороной выступает либо консенсусная сторона, либо конфликтная, но тем не менее и в том, и в другом случае данные состояния, выступающие как норма в рамках каждой отдельной системы, видятся дисфункцией в рамках другой.

В качестве таких типологических социальных систем выступает традиционное общество, с одной стороны. В нем доминирует в качестве базовой ценности и установки — стабильность, что обуславливает культивирование механизмов солидаризации. В качестве таковых видятся прежде всего установление как приоритетных общинных целей и ценностей над индивидуальными; культивирование в качестве всеобщих идеократических комплексов; установление жесткой социальной иерархии.

С другой стороны, в современном (индустриальном и постиндустриальном) обществе в качестве базовой ценности и установки доминирует ориентация на высокую социальную динамику, обеспечиваемую конкуренцией во всех основных видах отношений, включая и МО.

Конкуренция в принципе может рассматриваться как **конфликт низкой интенсивности**, развивающийся в особом образом институализированной социальной среде, не позволяющей перейти конфликту на более высокий уровень интенсивности и поддерживающий общественно легитимные условия состязательности («общественный договор»). Культивирование механизмов конкуренции обеспечивает конституирование таких ценностей, как свобода личности и приоритет (паритет) индивидуальных интересов над групповыми, социальная динамика и инновации.

К этому философско-прикладному дискурсу в области теории МО можно добавить еще несколько сюжетов, выявленных

¹ Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 575.

в процессе анализа философии геополитики и философии глобалистики. Например, значимо то, что в геополитике привязка базовых образов к политическим и социальным реалиям шла, в рамках развития двух основных социально-гуманитарных программ: технократической и культурологической.

От первого протоглобалистского подхода в лице классической геополитики, где существование земной цивилизации (человечества) рассматривается в реальном пространстве в качестве связанной целостной структуры — к современной модели геополитики, где человечество рассматривается в качестве *многосвязной* целостной структуры. По-существу такая модель, по аналогии с биосферой, может быть названа социогеосферой, или, если взять более мелкий масштаб, *геоценозом*. И с полным основанием ее можно называть и геосоциологией, и геоэкономикой, и геonoосферой или геоинформациологией, и геоисторией, и геосинергетикой.

Для современной геополитики характерен особый контекст, в котором содержатся границы существования геоценоза; рассмотрение рисков достижения экстремальных положений, которые могут быть названы смертельными болезнями цивилизации (их насчитывается уже более двух десятков — так называемых глобальных критических проблем, содержащих реальные угрозы гибели человечества). В данный сюжет вполне вписываются и пространственно-временные характеристики геополитических кейсов. В этих рамках принято выделить метрические и топологические параметры этих пространственных и временных характеристик¹.

Опыт современной теории МО, опирающийся на экономические и геополитические основания и их взаимодетерминацию, в особенности в мире, постепенно уходящем (хотя и не безусловно) от реалий периода «холодной» войны, показывает «все возрастающее влияние, которое оказывает совокупность факторов экономического порядка: ресурсных, производственных, научно-технологических, финансовых. В этом иногда видят

¹ См.: *Бартош А.* Мир в точке перегиба // Независимое военное обозрение. 2021. № 16.

возвращение международной системы в «нормальное» состояние — если таковым считать ситуацию безусловного приоритета экономики над политикой (а применительно к международной сфере — «геоэкономики» над «геополитикой»)¹.

Продолжая этот дискурс, следует обратить внимание на то, что в числе базовых концептов философии МО начинает встраиваться *принцип системной детерминации* современных МО, входящих в двухуровневую систему глобального мира. В этих рамках выстраивается сложная система взаимодействия геополитических, геоэкономических, геоинформационных и кросскультурных, а также геоэкологических взаимодействий, что по новому ставит вопрос о ведущих доктринах мирового (глобального) развития, их возможностях и границах (доктрина устойчивого социального социально-экономического роста; доктрина устойчивого развития; доктрина устойчивого роста человеческого капитала; доктрина локально-цивилизационной эволюционной диатропики и др.). Данный дискурс, захватывающий и теорию МО, и пересекающийся с философией МО, оказывается сопряжен с философией безопасности в глобальном обществе риска².

Еще один базовый сюжет, пересекающийся с концепцией современных МО, как двухуровневой системой и действием принципа глобальной субсидиарности, сопряжен с философией глобалистики и, прежде всего, с нашей авторской *концепцией альтернативных моделей глобализации*³. Ибо, современная система МО и теоретические доктрины, ее репрезентующие, оказываются сопряжены с тем или иным сценарием глобальной динамики, либо их сочетанием, если глобальное сообщество, в свою очередь, опирается на элементы разных сценарием раз-

¹ Барановский В.Г. Система международных отношений: формирование новых реалий // Глобальная перестройка. М.: Весь мир, 2014.

² Старостин А.М., Швец Л.Г. Философия безопасности в глобальном обществе в контексте современной прикладной философии // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 6.

³ Альтернативные модели глобализации и проблемы современной глобальной динамики / под ред. А.У. Альбекова, Г.Г. Матишова, А.М. Старостина. Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018.

вития и само оказывается составным, а не гомогенным. В таком случае и система МО, и регулирующие ее факторы распадаются на несколько списков, реализуемых по принципу комплементарности. Элементы такого рода системы МО и ее регулятивов уже вполне просматриваются в результате детерминации глобальной динамики локально-цивилизационных механизмов.

Резюмируя изложенное, мы хотели бы подчеркнуть, что в данном тексте изложен очерк философии международных отношений. Данная новая область философско-прикладных и междисциплинарных исследований требует не только новых концептов, но и алгоритмов объяснения и прогнозирования изменений в быстроперестраивающейся под действием новой волны глобализации системе международных отношений.

Будущее России и мира: глобально-ролевой подход

Анализ изменений, претерпеваемых в развитии современной глобальной цивилизации, показывает начало ее значимой реструктуризации и в социально-экономическом, и в политическом ракурсах. Об этом накопился значительный пласт научно-дисциплинарных и междисциплинарных знаний и экспертных оценок¹. Обращают на себя внимание и выводы одного из наиболее авторитетных экспертных мировых центров в сфере глобалистики — Римского клуба, подчеркнувшего критическое нарастание глобальных рисков и назревшую необходимость существенной смены социальной платформы глобального развития². Это то, что математики называют второй производной и указание на «пределы роста “пределов роста”». Главное в этом — погружение в «полный мир», заполненный до краев земной среды обитания и неприемлемость финансово-капиталистической

¹ Глобальная перестройка. М.: Весь мир, 2014; Современная политическая наука. Методология. М.: Аспект-Пресс, 2019; Чумаков А.Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М.: Проспект, 2018; Ильин И.В., Леонова О.Г. Политическая глобалистика. М.: Юрист, 2019; Старостин А.М. Глобализация современного мира: концептуальная репрезентация. Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018.

² *Weizsäcker E. von, Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome.* N.-Y., Springer, 2018.

консьюмеристской платформы мирового развития. В то же время в наиболее критическом положении оказывается глобальная регулятивно-управленческая система, современный формат которой по-прежнему, как и в начале современной глобализации, сориентирован на стихию конкурентного (на всех уровнях: межгосударственном, макрорегиональном и глобально-мировом) развития и управления через конфликт и его синергетический потенциал. Данная подсистема в рамках системного подхода видится как политическая, замкнутая на выработку глобальных стратегий, миссий, целей развития¹.

Глобально-политическая подсистема в наибольшей мере затрагивает глобально-мировой аспект и межгосударственную составляющую развития мировой цивилизации². И трактовки регулятивной направленности и ее наполнения существенно зависят от концептуального контекста в понимании современной волны глобализации. А он, в свою очередь, «расщепляется» на базовые концепты: «глобализация», «деглобализация», «инклюзивная глобализация», «альтернативная глобализация».

Например, к традиционным экстраполяционным подходам к глобальной динамике в последние несколько лет добавились суждения о деглобализации, в особенности усилившиеся в первой половине 2020 г. на волне пандемии COVID-19, а также в ходе популяризации идей Д. Трампа, активно занявшегося реиндустриализацией в США и ограничившего трансфер технологично-технологических инноваций в Китай.

В то же время, расширение процесса демонополизации влияния США на глобальные процессы и формирование многополярного мира положило начало бифуркации в базовых составляющих мировой динамики, быстрое развитие глобально-секторных рынков в Европе, Азии, Среднем и Ближнем Востоке. А это, в свою очередь, создает впечатление торможения общеглобальных процессов и появления ареалов деглобализации,

¹ Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс, 1998. С. 23–25.

² Старостин А.М. Современная глобалистика: аскрептивный, дескрептивный, эссенциальный дискурсы // Наука и образование; хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 12. С. 122–125.

что может свидетельствовать на деле об усложнении и перереформировании глобализации и усилении в ее рамках влияния новых сегментов (например, локально-цивилизационных).

Еще большее разнообразие и полицентричность вводит представление об альтернативных моделях глобализации¹, в особенности ориентированное на активное освоение околоземной космической среды и выводящее за пределы «полного мира».

Другой вектор обозначается в рамках модели «новой антропологической революции», выводящей на идеи и технологии качественного роста и человекоориентированной глобализации, которая может протекать в границах «полного мира», но ориентирована на иные социальные цели и ценности и, соответственно, на человекообразные методы социальной регуляции и управления².

Однако указанные альтернативы могут быть реализованы достаточно медленными темпами изменений и скорее всего лишь могут быть в полной мере подготовлены по завершении развития VI технико-технологического и экономического уклада (по Н. Кондратьеву) к рубежу конца 2040 — началу 2050 г. А в ближайших временных рамках все еще будет присутствовать секторная модель глобализации («глобальный кватернион»³), которая существенно изменит и переструктурирует современную конфигурацию глобального мира. В этой конфигурации уже обозначена и «глобальная вертикаль» (иерархия глобального, макрорегионального и национально-государственного уровней, опирающаяся на соответствующие институты и структуры), и «глобальная горизонталь», реализуемая через локально-цивилизационную многополюсность. «Глобальная вертикаль»,

¹ Альтернативные модели глобализации и проблемы современной глобальной динамики. Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018.

² *Деягин М.Г.* Конец эпохи: осторожно, двери открываются! Т. I. Общая теория глобализации. М.: Книжный мир, 2019. С. 411–449; *Старостин А.М.* Стратегические направления современной глобальной динамики в контексте политической философии // Наука и образование; хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 9. С. 136–137.

³ *Старостин А.М.* Глобальный кватернион и стратегии мировой динамики // Сб. IX Южно-Российский политологический конвент «Лидеры, группы, массы: российская политика и вызовы современности». Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2019.

как можно предполагать, в нормативно-правовом отношении должна опираться на действие принципа «глобальной субсидиарности»: взаимной дополняемости и скоординированности функционирования в рамках своей относительной обособленности.

В современной России в этом плане, в особенности после принятия новой редакции Конституции, определенную значимость получила проблема соотношения и соподчинения ряда разделов национального и международного права. В настоящее время мы находимся в начале такого переходного периода, что серьезно уже ощущается на уровне регулирования глобальных и международных отношений, относимых к Потсдамско-Ялтинской системе. Она сформировалась по итогам Второй мировой войны в процессе учреждения ООН и быстрого развития в этих рамках целого ряда международных институтов (ЮНЕСКО, ВТО, ВОЗ, Всемирный банк и т.д.). Однако уже в период учреждения этой системы она оказалась погружена в конкурентный биполярный мир, пронизанный конкурентными и конфликтными отношениями, завязанный на многочисленные акции холодной войны. Первоначально и во многом по сей день глобальное регулирование опирается на методы управления через конкуренцию и конфликт, ограниченные границами и запретами «полного мира». В условиях же новой вертикально-горизонтальной структуры глобальных отношений Ялтинско-Потсдамская система оказывается все чаще погружена в кризисные ситуации и требует либо переформатирования (что возможно), либо замены.

Каковы же контуры новой (обновленной) системы глобального регулирования и управления? Обновленная система, как и ее прежний вариант, коррелируют и определенным образом направляют эволюцию глобального мира. Со второй половины XX века просматриваются такие ее этапы, как: биполярный мир и публичные институты регулирования, основанные на соглашениях Ялтинско-Потсдамской системы. К ним примыкают и теневые формирования, влияющие на функционирование публичной системы; «однополярный мир», сохраняющий каркас

Ялтинско-Потсдамской системы и усиленный действиями макрополитических институтов (прежде всего НАТО), поддерживающих монополию однополярности; «многополярный мир», все еще придерживающийся институтов Ялтинско-Потсдамской системы и дополненный многополюсными макрорегиональными институтами (союзы государств, противостоящие НАТО). В регуляторно-управленческом аспекте указанные структуры основываются на действиях «ядерных» макрорегиональных и глобальных элит в публичном и теневом (закрытом) форматах. Закрытый формат обеспечивается координирующей деятельностью ряда межгосударственных и глобально-корпоративных советов, центров, клубов.

Если ранее это порождало мнение о существовании «мирового правительства», о деятельности которого можно было говорить то, что оно не едино и включает разные группы влияния и регулирования, конкурирующие между собой, и прежде всего это — западные глобальные закрытые элитные альянсы, то с XXI в. начинают оформляться «ядерные» глобальные элитные группы по локально-цивилизационному принципу и конкурирующие с западными.

Если детализировать обозначенный сюжет, то по меньшей мере можно говорить о противоречивом характере взаимодействий глобалистских центров и государственных структур США. В последние годы обозначилась, прежде всего в США, противоречивая связь глобалистских и национально ориентированных элит. Этот водораздел обозначила команда Д. Трампа и противостоящие ей круги. Как ни странно, но и в самих США, а не только в России и ряде других мировых центров, стремящихся повысить уровень своего суверенитета по отношению к другим влиятельным мировым центрам, обозначилась проблема разграничения уровней принятия решений, ориентированных на национальные интересы и на стратегии глобального влияния.

Глобалистские центры оказались дистанцированными от крупных национально-государственных центров влияния.

Если мы вновь обратим внимание на ресурсы глобалистских центров, то может быть представлена следующая картина.

На сегодняшний день сложилась иерархическая система глобальной олигархии, на вершине которой находится порядка 2000 семей миллиардеров, владеющих ресурсами порядка 10% мирового ВВП. На самой вершине — два известных семейства: Ротшильдов (30% собственности суперолигархической страты) и Рокфеллеров (25% соответственно). Эти два клана, контролирующие около 70% ресурсов суперолигархической страты, находятся в конкурентных отношениях, хотя с 2010 г. начался процесс координации и согласования их интересов¹. Они контролируют значительную часть действий и ресурсов страты мультимиллионеров (примерно 40–50% мирового ВВП и общая численность — свыше 200 тыс. человек).

Созданы структуры согласования глобальных интересов в виде ряда известных институтов (Трехсторонняя комиссия, «Комитет 300», Бильдербергский клуб и др.), влияющих на политические и кадровые процессы в ведущих странах мира.

Однако эффективных результатов координации интересов пока нет. В основном взаимодействие наиболее влиятельных мировых кланов идет в режиме конкуренции и можно говорить об элементах глобального управления через геоэкономические и геополитические конфликты.

Наиболее крупный проект последних 40–45 лет, наглядно показывающий попытки выхода на более эффективный и верифицируемый уровень глобального регулирования — использование доктрины «устойчивого развития», выдвинутой по инициативе Римского клуба. Однако полностью запланированный эффект, как свидетельствуют авторы доктрины, не достигнут².

В отечественной политической и экономической теории достаточно четко показано, что в рамках доктрин, выдвигаемых крупнейшими экспертными центрами, вряд ли может быть достигнут искомый результат³.

¹ *Катасонов В.Ю.* Империализм: метаморфозы века. М., 2019. С. 386–422.

² *Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д.* Пределы роста: 30 лет спустя. М., 2012. С. 12–28.

³ *Глазьев С.Ю.* Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственных укладах. М., 2018; Кондратьевские волны: к 125-летию со дня рождения Н.Д. Кондратьева. Волгоград, 2018.

Есть смысл придерживаться принципов регуляции в глобальной социальной суперсистеме, основанных на началах синергетического и системно-контекстуального управления¹. Они приводят, во-первых, к дифференцированной привязке регулятивно-управленческих воздействий, связанных с доминантным ядром в глобальной социальной системе (рынок, ориентированный на глобальное потребление товаров и услуг или рынок, социальная система, ориентированная на человеческий капитал). Из чего вытекают различные стратегии глобального социального развития и глобальной безопасности: устойчивого роста; устойчивого развития и устойчивого роста человеческого капитала².

Резюмируя сказанное, подчеркнем возрастающую значимость противоречий между глобальными (локально-цивилизационными) и национальными элитными группами в современном глобальном развитии, а также усиливающиеся попытки выстроить глобальные институты регулирования глобальных социальных процессов. В когнитивном плане идет конкуренция между рядом влиятельных доктрин глобального развития и глобального управления. В последнее десятилетие обозначились принципы полиархического сосуществования локально-цивилизационных акторов и глобальной демократии.

Российское элитное сообщество эволюционирует в сторону вхождения в локально-цивилизационную платформу, представляющую Россию и ее союзников и партнеров. Этому способствует усиливающаяся конкуренция с локально-цивилизационной платформой Запада. Наблюдается процесс перехода к цивилизационной иммерсионной среде, основанной на российской традиционной цивилизационно-ценностной сфере³.

Нужно подчеркнуть, что в отличие от тех форматов политического управления, проектируемым на национально-госу-

¹ Старостин А.М. Исследовательская философия: монография. Ростов н/Д: РГЭУ (РИНХ), 2018. С. 329–341 (раздел «Философия управления»).

² Там же. С. 456–466 (раздел «Философия безопасности в обществе риска»).

³ Старостин А.М. Национальные элиты и глобальное управление / В сб.: IX Южно-Российский политологический конвент «Лидеры, группы, массы: российская политика и вызовы современности». Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2019.

дарственном и макрорегиональном уровне, к которым относят «жесткую силу» и «мягкую силу» (по Дж. Наю), на глобально-элитном уровне базовым выступает другой формат.

К этому классу следует отнести глобальное рефлексивное управление. Как показал известный исследователь рефлексивных процессов В.Е. Лепский на примере анализа экономических работ Нобелевского уровня, в XXI веке значительная их часть ориентирована на управленческий тип экономических решений и действий субъект-субъектного характера, к которому и относится рефлексивное управление¹.

К выводу о субъект-субъектном типе рефлексивного управления, в рамках которого доминируют когнитологические и синергетические аспекты, мы пришли, анализируя властно-управленческую деятельность политических элит². Высказываясь по части военно-рефлексивных управленческих проявлений, отечественный теоретик мирового уровня В.А. Лефевр высказался коротко и ясно о том, что это «процесс, в котором один их противников передаст другому основания для принятия решений».

Образно говоря, это технологии, которые можно назвать системой «управления управляющими»³.

Особый вес рефлексивное управление приобретает в условиях перехода от однополярного к полицентричному глобальному миру, в рамках которого продолжают развиваться отношения на межгосударственном уровне, где процесс государствообразования продолжается в рамках новой его волны, начатой в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в.

В то же время обозначился быстрый рост влияния государств — локальных цивилизаций и локально-цивилизационных объединений государств и развитие их как партнерских, так и конкурентных взаимодействий, включая и конфликтные формы.

¹ Рефлексивный подход: от методологии к практике. М., Когнито-Центр, 2009. С. 87–94.

² Старостин А.М. Политические элиты и рефлексивное управление // Научный вестник Волгоградской академии госслужбы. Серия «Политология и социология». 2010. № 1.

³ См. подробнее: Митчелл Д. Правительность: власть и правление в современных обществах. М.: Дело, 2016. С. 456–459.

Как уже подчеркивалось выше, в отличие от прежних периодов глобального и регионального развития остается все меньше возможностей использовать конфликтные способы воздействия в межгосударственных отношениях на глобальном уровне, поскольку мир оказался тесен, ограничен для широкомасштабных острых военных, политических, экономических воздействий на конкурентов: все мы оказываемся «в одной лодке» и необходимая конкуренция и состязательность ограничивает выбор средств. К тому же многие из них оказываются несоразмерны в плане их применения масштабам современной среды обитания, что и понуждает использовать, как отмечают классики отечественной теории рефлексивного управления, к использованию технологий когнитивного воздействия, моделирования, «мягкой силы», медиации, стимулирования и т.п.

Дальнейшее расширение практики применения рефлексивного управления на глобальном уровне ставит ряд новых проблем.

В их числе: выход из тени и переориентация ряда реальных центров глобального управления, оказывающих существенное воздействие на глобальное развитие; пересмотр конфигураций известных публичных центров глобального управления (ООН, ВТО, МВФ, ВОЗ, МОТ и др.); формирование новой системы норм и регулятивов транспарентности и рестриктивности в государственном и глобальном управлении.

На последнем аспекте стоит остановиться особо, поскольку глобальное рефлексивное управление позволяет исключить ряд наиболее экстремальных угроз и рисков и гарантировать глобальную и национальную безопасность при условии значительного удельного роста транспарентности и сокращения герметичных и рестриктивных моментов в практике межгосударственных отношений и деятельности ТНК и других негосударственных субъектов глобального уровня.

Возвращаясь к основному сюжету о преемственности эволюции системы регулирования глобально-элитного и межгосударственного уровня, нужно обратить внимание на потенциал

глобально-ролевого подхода. Он вполне вписывается в новую концепцию Алекса Крола о значимости теории каст и ролей¹.

Если размышлять с этих позиций о преемственных форматах Ялтинско-Потсдамской системы, то она может быть на уровне ООН дополнена коллегией, представляющей лидеров ведущих государств и локально-цивилизационных центров.

Так, в первой половине 2020 г. на волне подготовки к 75-летним юбилейным датам завершения Второй мировой войны Президент РФ В.В. Путин предложил провести встречу пятерки великих держав, которая может быть и дополнена. Это в перспективе уже не Совет безопасности ООН, а постоянно действующее его «Политбюро». По меньшей мере, это политическое продолжение в основном западноцентричных встреч альянсов в формате G7, G20, ориентированных в большей мере на координацию глобальных экономических действий. Продолжение, базирующееся на локально-цивилизационных центрах развития и влияния.

Логично и возможное распределение политико-управленческих ролей в этом «властном оркестре». Так сказать основными курируемыми областями и соответствующими ролями могут быть глобальная индустриальная политика, глобальные финансы, глобальная социальная экология, международные и глобальные конфликты и миротворчество, глобальные кросс-культурные процессы и др.

Нормативно-правовая и ресурсно-управленческая база, согласованная с уже действующими институтами ООН и другими организациями и центрами влияния глобального и макрорегионального уровня может быть достаточно оперативно (по крайней мере на стартовом этапе) подготовлена и введена, и будет способствовать развитию неконфликтных, договорных и в основном ненасильственных форм глобального регулирования.

В таком глобально-политическом «разделении труда» Россия вполне справится с миротворческой миссией.

¹ Крол А. Теория каст и ролей. М.: Э, 2018. С. 25–46, 142–146.

Глава 8

ГЛОКАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ И ЭНВАЙРОМЕНТАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ЮЖНО-РОССИЙСКОГО РЕГИОНА

Глокализационный облик Южно-Российского региона складывался в зависимости от тех основных функций, наметившихся во взаимодействии глобальной динамики и государственно-суверенного развития России.

В геополитическом аспекте Юг России, Северный Кавказ, в Новое время — XVIII–XX в. формировался как потенциально лимитрофная зона, периферийный пояс безопасности для государственно-территориального ядра России. В принципе и поныне данная функция сохраняется и роль ее даже усиливается в связи с отпадением части прежних республик СССР и выдвиганием на их территорию сил глобального влияния и вторжения.

С точки зрения конфликтогенности и нестабильности в нашем регионе только в постсоветский период вспыхнуло несколько крупных военных конфликтов — две чеченские войны, Карабахский и Приднестровский конфликты, абхазо-грузинская и осетино-грузинская война с включением России, военные действия на Юге Украины. По поводу ряда из них проведено множество заседаний ООН и ее Совета Безопасности. Конфликты высокой и средней интенсивности провоцируются на Юге России террористическим подпольем, что срывает или сдерживает реализацию больших потенциальных возможностей привлечения сюда крупных инвестиций глобального уровня на развитие энергодобывающей, транспортно-логистической, рекреационной, торговой сфер. И, как следствие, не происходит ожидаемого скачкообразного развития занятости, роста уровня жизни, развития культуры и образования.

Поэтому весьма значимо обсудить проблемы стабилизации нашего региона, что, естественно, должно основываться на понимании глобального контекста, условий и возможностей

встраивания в него макрорегиона. А также на выявлении непосредственных детерминант внутреннего порядка, как способствующих, так и препятствующих стабилизации и росту.

В последующий период предстоит решение задач расширения лимитрофной зоны за счет укрепления дружеских и партнерских отношений с приграничными государствами и их регионами, а также укрепления оборонительной приграничной инфраструктуры. Это сеть транспортных коммуникаций, портов, ремонтных заводов, полигонов, складов и других элементов оборонительной инфраструктуры и логистики. Направленность ее функций связана с антитеррористической деятельностью и потенциальными угрозами со стороны Ближне-Средне-Восточных макрорегионов (Южное направление) и Юго-Восточной Европы с ее новыми союзниками.

В *макроэкономическом аспекте* регион нацелен на решение рекреационных задач, сельскохозяйственного производства и переработки (зеленой экономики), транспортно-связывающей и перевалочной инфраструктуры и логистики¹.

В перспективе регион может быть значительно больше нагружен топливно-добывающей и энергетической инфраструктурой и созданием транспортных магистралей Север — Юг и Восток — Запад для оптимизации глобального транзита больших потоков товаров, энергоносителей (новый Шелковый путь, новые трубопроводы). Следует подчеркнуть, что потенциал рекреационных услуг за следующие 25—30 лет может быть увеличен в 3—4 раза, а в области производства и переработки сельскохозяйственной продукции возможности макрорегиона позволяют ему стать основной производственной и экспортной базой страны в этой части (ныне — не более 30%).

В *цивилизационном аспекте* Южно-Российский макрорегион выступает как площадка сопряжения наиболее крупных цивилизационно-религиозных комплексов современного мира: христианско-православного, исламского и буддийского.

¹ Губарев П.Ю., Медяник И.А., Самыгин С.И., Старостин А.М. Государствообразующие процессы в современном геополитическом пространстве. М.: РУСАЙНС, 2017. С. 9—73.

Управление отношениями в таком формате на государственном и местном уровне прошло апробацию, образно говоря, в трех изданиях: российско-имперском, советском и постсоветском.

В каждом «издании» со временем удавалось оптимизировать столь сложные отношения между макрогруппами населения. Данный опыт многообразен и имеет не только государственно-национальное, но и глобальное значение. Но потенциал этот имеет дальнейшие перспективы развития и возможности использования в других макрорегионах Европы и Азии. Мы полагаем, что изучение южно-российского опыта государственного и регионального кросс-культурного управления заслуживает отдельного внимания.

Для более углубленного и детального исследования описанных проблем, а также для координации научно-экспертной деятельности недавно создан в Ростовском государственном экономическом университете (РИНХ) Институт междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации под руководством профессора А.М. Старостина, и можно надеяться на продвижение новых знаний о глобальных процессах не только в науке, но и в системе высшего образования.

Что касается энвайроментальных проблем региона, то энвайроментализм — группа экологических учений и движений, выступающих за сохранение природной окружающей природы и ее охрану и сдерживание социального активизма и конструктивизма¹. Энвайроментальная проблематика в современном мире развивается волнообразно, стартуя в современном формате со второй половины XX века и приобретя особо обостренные формы с началом ускоренной разработки ядерного оружия и его испытаний.

На пиковые уровни выходит в периоды крупнейших техногенных катастроф (крупные аварии на АЭС и химических производствах, разливы нефти с аварийных танкеров и нефтяных платформ и т.п.) и тесно переплетаясь с политико-идеологиче-

¹ Глобалистика. Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. М.-СПб.-Нью-Йорк: Питер, 2006. С. 1066.

ским противостоянием и порождая, а затем и форсируя, энвайроментальные общественные и политические движения («Зеленые», Гринпис)¹.

Со времен учреждения Римского клуба и сценарного глобального моделирования энвайроментальная проблематика (ЭП) заняла ведущее место в глобальной проблематике. Переформатируясь в рамках глобального конфликтного треугольника: экономика — экология — социум, ЭП постепенно подвела к наиболее влиятельной в современном мире доктрине *устойчивого развития* и сопряженным с ней шагам по подписанию ряда обязывающих значимых международных протоколов, соглашений и договоров (Рио-, Киотский, Парижский и др.). В настоящее время пикового уровня распространения и влияния достигла концепция антропогенно инициируемого глобального потепления (КГП).

В ближайшей перспективе следует ожидать широкого распространения подкрепляющего КГП идеологемы глобальной вирусологической опасности.

Следует особо подчеркнуть, что доктрина устойчивого развития и сопряженные с ней международные соглашения энвайроментальной направленности санкционирована ООН и рядом авторитетных организаций, учрежденных ею или тесно взаимодействующих с ней (ВОЗ, ВТО, ЮНЕСКО и др.). В 2015 г. Генеральной ассамблеей ООН принят документ «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Основная направленность этого документа — меры по снижению противоречий во взаимодействии экономики, экологии и социума. В этих целях выработаны 17 целей устойчивого развития. В трансформированной для современного и перспективного развития России форме данные цели во многом пересекаются с майскими указами 2018 г. Президента РФ В.В. Путина².

¹ Радкау Й. Природа и власть. М.: Изд-во ВШЭ, 2014. С. 329–336; Глушенкова Е.И. Экополитология. М.: Изд-во МНЭПУ, 2010. 210 с.

² Специальный доклад: Устойчивое развитие // Эксперт. 2019. № 51. С. 31–53.

К сказанному нужно добавить едва ли не самое существенное замечание: начавшийся процесс перестройки однополярного глобального мира в многополярный обозначил не только вектор, уже ведущий к переоценке значимости и направленности ЭП в рамках доктрины устойчивого развития, но и к формированию возможной новой повестки дня в глобальной динамике на перспективу. Это связано прежде всего с пересмотром приоритетных глобальных интересов и необходимостью учета и обозначения тех из них, которые исходят от иных «полюсов» глобального мира, помимо США и ЕЭС. Далее, остро обозначилась потребность расчистки когнитивного поля ЭП от массы идеологем и, как принято сейчас выражаться, фейков — ложных информационных вбросов, дезориентирующих не только общественное мнение, но и существенно влияющих на принятие политических решений глобального и макрорегионального уровня¹.

Безусловно, ведущую методологическую роль в последнем из указанных аспектов следует отнести междисциплинарному подходу как на концептуальном, так и на фактологическом уровнях. Ориентация на междисциплинарное, интегративное видение в сфере ЭП (к чему призывает и юбилейный доклад Римскому клубу) сопряжена с опорой на ряд принципиальных моментов и требований. Среди них:

- а) утверждение междисциплинарности и интегративности в самой глобальной экологии и связанных с ней экологических дисциплин (инженерная экология, социальная экология), а также восстановление в этой сфере авторитета и принципов крупных прорывных, прежде всего отечественных учений (В.И. Вернадского, А.Е. Ферсмана, В.В. Докучаева, Н.Н. Моисеева);
- б) развитие комплексных глобальных мониторинговых сетей², включая и эколого-космический мониторинг;

¹ Назаретян А.П. XXI век и «устаревшая философия» (по поводу юбилейного доклада Римскому клубу) // *Общественные науки и современность*. 2018. № 4. С. 160—175; Горюничский А.М. Тайны и мифы науки. В поисках истины. М.: Эксмо, 2014. С. 137—238.

² К сожалению, и наша методологическая работа начала 80-х гг. пока не получила должного развития. См.: Старостин А.М. Наблюдение и эксперимент в глобальной экологии // В кн.: *Философские проблемы глобальной экологии*. М.: Наука, 1984.

в) соотнесение и вписывание на междисциплинарном уровне ЭП в общую концептуальную базу, репрезентирующую глобальную динамику¹, включая и альтернативные подходы; г) выявление не только глобальных, но и глокальных зон, регионов энвайроментального бедствия и кризиса²; прогнозирование глокальных зон энвайроментального риска.

Обращаясь к глокальному аспекту ЭП, остановимся на проблемах и рисках Донского региона. Что касается методологических подходов к освещению этой проблематики, то здесь также необходим «спектральный» анализ, позволяющий отделять проблемы естественно-природного и рукотворного происхождения, аберрационного влияния экономических и геополитических детерминант, необходимость внесения корректив в экологическую грамотность специалистов, экспертов и населения (общее экологическое образование и просвещение, уровень которого падает).

В рамках текущей и ситуативной энвайроментальной повестки дня Донского региона укажем на следующее.

Экологически несбалансированная природохозяйственная практика является одним из факторов, ограничивающих темпы социально-экономического развития. В связи с этим не вызывает сомнений необходимость научного поиска направлений повышения эффективности природопользования на микро- и мезоэкономическом уровнях. Как отмечают авторы, «в последние годы в РФ ведется активная работа по экологизации экономики через поиск и внедрение инструментов стимулирования экологизации бизнеса: было значительно дополнено природоохранное законодательство, внесен ряд изменений в нормативные документы в части дифференциации налогов и налоговых платежей, налоговых льгот, адаптирована сертификация пред-

¹ Старостин А.М. Глобализация современного мира: концептуальная репрезентация. Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018. С. 31–48.

² Применительно к России авторы специального доклада журнала «Эксперт» об устойчивом развитии, касаясь ЭП, отмечают: «В этой области у нас проблем множество – от экосистем Волги и Байкала до рекультивации полигонов опасных отходов и выстраивания системы раздельного сбора мусора» (Эксперт. 2019. № 51. С. 33).

приятий в соответствии со стандартами ИСО, созданы списки лучших используемых технологий»¹.

Ростовская область входит в состав Южного федерального округа Российской Федерации и по такому показателю, как численность населения, является одним из крупнейших регионов нашей страны. Наиболее крупными городами области являются Ростов-на-Дону, Таганрог, Шахты, Новочеркасск, Новошахтинск, Волгодонск. Подробно будет рассмотрена одна из экологических проблем территорий — загрязнение воздуха. Она присуща большинству крупных городов Ростовского региона и наиболее остро стоит в столице Донского края².

Загрязнение воздуха является одним из основных факторов риска для здоровья человека, связанных с окружающей средой. Одной из приоритетных причин такого загрязнения является эмиссия в воздушную среду неестественных физических, химических, биологических соединений, что, в свою очередь, приводит к нарушению нормальных концентраций атмосферных соединений. Факторами, обуславливающими отмеченные тенденции, являются природные процессы, а также экономическая деятельность. Согласно результатам наблюдений последних лет, именно антропогенные факторы всё больше детерминируют ухудшение качественных параметров атмосферного бассейна. Опасные соединения-загрязнители, формирующиеся в результате сгорания жидкого углеводородного топлива, а также угля при генерации электрической энергии, при работе двигателей внутреннего сгорания автомобилей, провоцируют химическое и физическое загрязнения воздушной среды региона³.

¹ Анопченко Т.Ю., Мурзин А.Д. Структура социально-экономических и экологических составляющих системы комплексного развития территорий // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 1. С. 22–29.

² Анопченко Т.Ю., Мурзин А.Д., Реунов Р.В. Состояние экологической сферы и векторы повышения эффективности рационального природопользования в Ростовской области // Экономика и экология территориальных образований. 2019. Т. 3. № 2. С. 57–64.

³ Губачев В.А. Некоторые аспекты классификации сельскохозяйственных районов Ростовской области по уровню антропогенного воздействия // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Серия «Социально-экономические науки». 2012. № 2. С. 154–161.

Обрабатывающая промышленность также увеличила выбросы загрязняющих веществ — с 31,3 тыс. т в 2015 г. до 34,0 тыс. т в 2017 г. (+2,7 тыс. т). Вместе с тем необходимо отметить положительную тенденцию снижения антропогенного прессинга на воздушную среду в отраслях, связанных с добычей полезных ископаемых: с 8,3 тыс. т до 6,9 тыс. т в анализируемом периоде (–1,4 тыс. т).

На современном этапе занимаемая Ростовской-на-Дону промышленно-хозяйственной агломерацией территория составляет 348,5 км². Такой показатель, как индекс автомобилизации, составляет 373 автомобиля на 1000 жителей. Если учесть транзитный автотранспорт, индекс автомобилизации возрастает до 85 автомобилей на 1000 жителей. Общее число транспортных средств, зарегистрированных в Ростове-на-Дону, составляет 488 тыс. единиц. Согласно расчётам, площадь, необходимая для организации парковочного места для одного автомобиля, колеблется в диапазоне от 18 до 30 м², что составляет 8,784–14,640 км² (2,5–4,2% площади земель Ростова-на-Дону). Также необходимо учитывать перемещения транспортных средств по городу в течение дня (от 1 до 5 пунктов посещений), что предполагает дополнительное резервирование порядка 15–20% мест на стоянках. В современных условиях для решения проблемы автомобильных заторов могут быть использованы следующие инструменты: расширение пропускной способности улиц за счёт демонтажа трамвайных линий, увеличение количества мест для парковки автомобилей, обустройство выделенных съездов.

Рассмотрено воздействие на экосистемы региона объектов промышленно-индустриальной инфраструктуры. Одной из причин роста антропогенного воздействия промышленности является применение в хозяйственной практике устаревших ресурсоёмких технологий, а также износ оборудования. Указанные негативные тенденции особенно характерны для угледобывающей отрасли региональной экономики, тепловой электроэнергетики, чёрной металлургии. Значительный вклад в дестабилизацию социо-эколого-экономического благополучия региона

вносит жилищно-коммунальное хозяйство. Водохозяйственная инфраструктура муниципальных образований Ростовской области отличается высоким уровнем износа, что приводит к попаданию в акватории водных объектов неочищенных сточных вод. В Ростове-на-Дону, Новочеркасске, Волгодонске, Белой Калитве, Шахтах, Новошахтинске, Миллерове потребители получают водные ресурсы, не соответствующие санитарно-гигиеническим стандартам¹.

Экологическая ситуация в Ростовской области, как и в Российской Федерации, характеризуется высоким уровнем антропогенного воздействия на природную среду и значительными экологическими последствиями прошлой экономической деятельности. Для здоровья человека наибольшее значение имеет уровень загрязнения атмосферного воздуха, воды в поверхностных источниках и почвы.

В регионе (особенно в городах) фиксируется высокий и очень высокий уровень загрязнения атмосферного воздуха — выбросы загрязняющих веществ от стационарных источников в 2015 г. составили 165,0 тыс. т (0,9% от общероссийского объема выбросов и 26 место среди регионов РФ). При этом по улавливанию и обезвреживанию загрязняющих атмосферу веществ регион занимает 14 место по России с долей 1,8% от общероссийского объема уловленных и обезвреженных веществ. Объем сточных вод, сбрасываемых в поверхностные водные объекты без очистки или недостаточно очищенных, остается высоким. Ростовская область находится на 20 месте по объему сброса загрязненных сточных вод в поверхностные объекты (238 млн куб. м). Сохраняется тенденция к ухудшению состояния почв и земель. Интенсивно развиваются процессы, ведущие к потере плодородия сельскохозяйственных угодий и к выводу их из хозяйственного оборота, что обуславливает важность ведения деятельности по восстановлению тех земель, которые были истощены в результате деятельности человека, и использование их в агротехнических целях. В Ростовской области за 2015 г. под-

¹ О состоянии окружающей среды и природных ресурсов Ростовской области в 2017 г. // Экологический вестник Дона. Ростов н/Д: Альтаир, 2018. 364 с.

верглось рекультивации 749,1 га земель (17 место в РФ по площади рекультивированных земель).

В Ростовской области разработана стратегия устойчивого развития региона, где одной из основных сфер является экологическая.

В рамках документа, описывающего основные направления экологического развития региона, выделены следующие основные компоненты.

I. Конкурентные преимущества экологической структуры Ростовской области

1. Активная охранный деятельность в отношении редких видов животного и растительного мира мирового, национального и регионального значения (в том числе в рамках ведения Красной книги Ростовской области).
2. Благоприятный климат для ведения хозяйственной деятельности:
 - умеренно-континентальный климат;
 - продолжительность солнечного сияния;
 - 2050–2150 часов в год — продолжительность периода с температурой выше 10 °С — 160–180 дней;
 - среднегодовая норма осадков — 424 мм.
3. Большие объемы плодородных почв, пригодных для сельскохозяйственных работ (черноземы составляют 65% территории области и 4–5% черноземов РФ).
4. Значительная минерально-сырьевая база (топливно-энергетические ресурсы, в первую очередь уголь; нерудные полезные ископаемые).
5. Наличие уникальных природных комплексов (Донецкий край, долина Маныча, единственный в Европе степной заповедник, меловые горы, реликтовые соленые озера).

II. Проблемы развития

1. Экологический след Ростовской области превышает биоёмкость территории и акватории региона почти в 4 раза.
2. Зависимость экологической системы бассейна реки Дон от экологического состояния на территориях других регионов.

3. Изменение минерального состава озера Маньч-Гудило (осолонение).
4. Нарастающие процессы опустынивания земель в восточных районах Ростовской области (Орловский, Зимовниковский, Дубовский и Ремонтненский) охватили уже более 50% территорий.
5. Небольшая площадь особо охраняемых природных территорий в области.

Одним из факторов, детерминирующих природохозяйственную специфику Ростовской области, является неравномерное распределение антропогенной нагрузки. Населённые территории региона по качественным характеристикам природной среды дифференцируются от сравнительно благополучных до экстремально загрязнённых (кризисных). Подобная дифференциация обусловлена особенностями территориальной локализации объектов промышленно-хозяйственной и транспортно-логистической инфраструктуры. Наиболее неблагоприятная экологическая обстановка сформировалась в настоящее время в муниципальных образованиях, обладающих наибольшим количеством объектов промышленной инфраструктуры. Среди них необходимо отметить Батайск, Белую Калитву, Волгодонск, Новочеркасск, Новошахтинск, Ростов-на-Дону, Таганрог, Шахты. В каждом из указанных городов имеются объекты повышенной экологической опасности.

2. Несбалансированная практика природопользования, характерная на микро- и мезоэкономическом уровнях для Ростовской области, провоцирует комплекс деструктивных социально-эколого-экономических последствий, выражающихся в росте экологически обусловленной заболеваемости населения, провоцирующей, в свою очередь, увеличение расходов жителей на покупку лекарств и оплату медицинских услуг, дополнительную нагрузку на финансируемую за счёт бюджетных ассигнований систему здравоохранения; в ухудшении качественных характеристик компонентов природной среды, обусловленном антропогенным воздействием, выражающимся в сокращении биоло-

гического разнообразия водоёмов, лесов, степных экосистем, что вызывает сокращение доходности хозяйствующих субъектов рыбохозяйственной, туристско-рекреационной отраслей; в снижении качества водных и земельных ресурсов, провоцирующем дополнительные издержки хозяйствующих субъектов в связи с необходимостью надлежащей водоподготовки, а также сокращение урожайности возделываемых культур¹.

3. Трансграничное и межрегиональное загрязнение являются дополнительными факторами, детерминирующими социо-эколого-экономическое благополучие региона. Транспортно-логистическая инфраструктура Ростовской области обеспечивает не только внутрирегиональные потребности, но и внешнеторговый оборот Российской Федерации. Кроме того, дорожная сеть региона (в частности, федеральная трасса М4 «Дон») обеспечивает передвижение транзитного автотранспорта. Это приводит к дополнительной антропогенной нагрузке в период летних отпусков в связи с тем, что многие жители центральных регионов России отправляются на курорты Краснодарского края на собственных автомобилях.

4. Дополнительные издержки хозяйствующих субъектов, обусловленные экологически несбалансированной природохозяйственной практикой, увеличивают сроки реализации инвестиционных проектов и способствуют их удорожанию, что в целом негативно сказывается на инвестиционной привлекательности Ростовской области. При этом приоритетными загрязнителями Ростовской области являются такие отрасли промышленности, как тепловая энергетика, химическое производство, переработка нефти, тяжёлая металлургия, машиностроение. Основные объекты данных отраслей сосредоточены в перечисленных выше промышленно-хозяйственных агломерациях².

Ключевые тренды и векторы обеспечения стабильной экологической системы в Ростовской области:

¹ Исследование экологических проблем городов Ростовской области и пути их решения: монография / Л.З. Ганичева [и др.]. Ростов н/Д: РГСУ, 2014. 156 с.

² *Ревунов Р.В., Губачев В.А., Новосельская Л.А., Чумакова В.Н.* Актуальные проблемы природопользования на мезоэкономическом уровне (на примере Ростовской области) // Финансовая экономика. 2018. № 6. С. 228–230.

1. Рост уровня международной кооперации по вопросам экологии.

2. Ужесточение политики по сдерживанию углеродных выбросов и переход к низкоуглеродной глобальной экономике.

2.1. снижение потребления угля за счет диверсификации источников энергии.

2.2. ускорение роста энергоэффективности мирового ВВП.

2.3. нарастающие противоречия между развитыми странами, обладающими технологиями «зеленой экономики» и странами, чье развитие зависит от угольной и газовой отраслей.

3. Нарращивание устойчивости к изменению климата и укрепление систем управления риском бедствий.

4. Возрастание ограничительного влияния состояния окружающей среды на экономическое развитие, связанное с повышением экологических издержек.

5. Формирование глобального экологического мышления:

5.1. изменение потребительских предпочтений в сторону роста спроса на экологически чистые продукты.

6. Возрастающее антропогенное воздействие на природную среду в Российской Федерации.

7. Нарастание политики долгосрочного снижения выбросов парниковых газов для повышения энергоэффективности и низкоуглеродного развития в Российской Федерации:

7.1. внедрение экономических элементов углеродного регулирования.

8. Увеличение патогенных микроорганизмов и вирусов, угрожающих здоровью человека в Ростовской области.

Приоритетные задачи экологической стабилизации в Ростовской области:

1. Формирование эффективной нормативно-правовой базы, обеспечивающей соответствие социально-экономической политики Ростовской области международным экологическим стандартам и показателям эффективности в сфере использования ресурсов и энергии:

- разработка системы индикаторов и мониторинга «зеленого» (экологически устойчивого) развития для оценки деятельности региональных ведомств-разработка и утверждение обязательных экологических критериев, стандартов и требований для проведения государственных и муниципальных закупок.

2. Создание комплексной системы управления твердыми коммунальными отходами и вторичными материальными ресурсами.

3. Создание условий, способствующих внедрению технологий снижения выбросов загрязняющих веществ в воздух.

4. Приведение почвенных покровов, нарушенных при использовании в хозяйственной деятельности/неиспользовании, в состояние, пригодное для их дальнейшего использования.

5. Сохранение продуктивности водных экосистем и обеспечение устойчивого использования водных объектов в целях создания благоприятных условий жизни для населения и эффективной хозяйственной деятельности экономических субъектов.

6. Повышение эффективности использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов и предотвращения их деградации.

7. Создание условий для поддержания стабильной численности редких видов животного и растительного мира в соответствии с естественной емкостью мест их обитания.

8. Формирование глобального экологического мышления:

- внедрение элементов системы бережного использования природных ресурсов;
- развитие научно-исследовательской базы в сфере природопользования.

Особо остановимся на проблеме состояния и перспектив энвайроментального образования в Донском регионе¹.

Донской край, как и вся Россия, проходят через сложный этап своего цивилизационного развития в условиях общемирового кризиса, кризиса мироустройства, экономики, антропогенного развития, а также затяжного устойчивого российского эконо-

¹ Последующий кейс подготовлен совместно с экспертом сетевой кафедры ЮНЕСКО РГЭУ (РИНХ) профессором Л.В. Левчуком (1940–2020).

мического и социально-нравственного предкризисного состояния.

Все развитые страны в мире широко используют школьное и высшее энвайроментное образование как основу формирования сознания Человека об окружающем мире, места и роли Человека в современной цивилизации, необходимости защиты среды обитания Человека на Земле. В университетах США и других стран готовят специалистов в данной области. Поэтому дискуссию «Энвайроментные проблемы Донского региона в глобальном и глокальном контексте» следует не только приветствовать, но и реализовывать практически всем структурам власти и социумом Донского края.

Что касается экологического школьного образования в России, то элементы экологического просвещения в российском образовании возникли в начале XX в. Русский учёный В.И. Вернадский (1863–1945) впервые в мире разработал стройную систему уровневой организации биосферы Земли. Создал учение о ноосфере. Был первым исследователем жизни как единого целого, разработал геологическую историю живых организмов. Он утверждал, что планета Земля это живой организм.

Эти идеи В.И. Вернадского включались в программы предметного преподавания биологии от 5-го до 11-го класса. В разделе «Ботаника» изучалось многообразие мира растений их морфология, систематика. В разделе «Зоология» от простейших до млекопитающих изучалось многообразие мира животных. В предмете «Анатомия и физиология человека», естественно — особенности человека. В учебном предмете «Химия» рассматривались экологические особенности и вред, наносимый химическими производствами. Аналогичное положение в экологическом просвещении занимал предмет «Физика», «Физика Земли». Однако отдельного обязательного предмета «Экология» практически до середины 1990-х не существовало.

В последние десятилетия судьба этого предмета выглядела следующим образом.

Экология как самостоятельный предмет в 1995 г. был введен в федеральный базисный учебный план и стал обязательным предметом для всех школ России. В последующие годы разрабатывались различные учебные материалы. Опубликовывается 12 вариантов учебно-методических пособий. По всей стране были созданы эколого-биологические центры для школьников.

В 1995 г. была выполнена разработка федеральной целевой программы «Экологическое образование населения России». Минфин не нашёл средств для её реализации. Правительство программу не приняло.

В 1997 г. *предмет «Экология» был удалён из федерального образовательного плана для средней школы.* Только в трёх регионах этот предмет оставался в учебном плане.

С 1997 по 2001 г. число детских внешкольных учреждений экологической направленности сократилось на 20%, число летних оздоровительных лагерей на 15%, число домов природы и школьных лесничеств на 50%.

В период «оптимизации» школ на селе и в малых городах Ростовской области в середине 2010-х гг. были закрыты практически все районные детские внешкольные эколого-биологические станции.

С 2006 г. вопросами экологического просвещения и воспитания в системе Минприроды занимается отдел экологического просвещения в заповедниках и национальных парках.

С 2000-х для мирового сообщества стало очевидным, что необходимо переходить к пересмотру всей системы охраны окружающей среды, то есть принимать во внимание как хозяйственные, так и социальные нужды человечества. В разных мировых регионах (Европа и др.) была принята стратегия *по «Образованию для устойчивого развития».* *Стратегия до сих пор не принята Россией, а в системе образования не внедрены её основные положения.*

В России от экологического аспекта образования в проблемах защиты окружающей среды (environment education) так и не осуществлён переход к междисциплинарному и комплексному подходу в образовании для устойчивого развития.

Об отношении России к проблеме *образования для устойчивого развития* можно судить и по факту отсутствия официальных представителей России на международном обсуждении в Оттаве в марте 2017 г.

В законе «Об образовании в Российской Федерации» 2012 г. отмечается: «Создана система непрерывного экологического образования — от программ для детского сада, средней школы до подготовки специалистов — среднее и высшее образование, а также повышение квалификации специалистов и экологическое просвещение населения».

На практике в настоящее время в 12 субъектах страны действуют законы об экологическом образовании. В 60 субъектах Федерации приняты постановления администрации или правительства, касающиеся вопросов экологического образования.

В Ростовской области Минприродных ресурсов был разработан проект закона «Об экологическом просвещении, экологическом образовании и формировании экологической культуры на территории Ростовской области».

Если говорить о том, как реализуется сегодня *environment education* в Ростовском регионе, то среди множества различных рейтингов, рейтинг экологического образования отсутствует. Об этом только косвенно можно судить по общим оценкам (рейтингам) положения образования в Ростовской области среди субъектов Российской Федерации по данным на 1 января 2020 г.:

- общее образование (1–4 классы) — 11-е место;
- общее образование (5–9 классы) — 9-е место;
- общее образование (10–11 классы) — 4-е место.

Рейтинг эффективности образования по оценке РФФИ — 21-е место.

Дополнительное образование, в которое входит экологическое образование, — 33-е место.

Отсюда можно предположить, где находится экологическое образование Донского региона.

В заключение следует отметить следующее.

1. С точки зрения международных процессов, упомянутых выше, и «Образование для устойчивого развития», которое утвердилось в Европе, то можно отметить, что фокусировка лишь на экологическом аспекте может вызвать *отставание России от международных стандартов образования*.
2. Отсутствие междисциплинарного и комплексного подхода, критического мышления и формирования навыков в принятии рациональных решений, которые основываются только на экологических представлениях и не включают национальных, социальных и экономических проблем, может привести к тому, что граждане нашей страны не будут обладать теми *навыками и компетенциями, которые требуются для конкурентоспособности на рынке труда, включая международный рынок*.
3. Отсутствие подхода «Образование для устойчивого развития», будет отражаться на профессиональной и общественной деятельности населения в ряде отраслей экономики страны и *приведет к отставанию российских компаний от мировых*.
4. Отсутствие просвещения в области устойчивого развития также имеет негативные последствия, поскольку *население нашей необъятной страны исторически не сталкивалось с проблемами негативного влияния человека на мир, в котором мы жили*.
5. Нами (Л.В. Левчук) в 2014 г. был предложен межведомственный проект «*Образование в интересах устойчивого развития и национальной безопасности Юга России*». До настоящего времени его реализация оказалась невозможной.

Выводы и рекомендации

1. Необходимо усиление экспертной части политико-управленческих и общественно-политических институтов за счет более широкой представленности учеными и экспертами, придерживающимися разных концептуальных платформ и методик мониторингового инструментария. Целесообразно создание более широкой дискуссионной научной, инженерной и гуманитарной среды.

2. Важно усилить координирование выступлений СМИ, общественных активистов, отдельных публицистов через пресс-конференции и брифинги, индивидуальную работу, политический маркетинг и другие инструменты. Направленность на толерантную тональность и деbüroкратизацию в подаче на официальный уровень, в центры принятия решений по ЭП.
3. Требуется значительного усиления обстоятельный анализ образовательных, просвещенческих ресурсов и потребностей в сфере ЭП и необходимые коррекции в этой области.

Глава 9

НАУЧНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ОПЫТ И РИСКИ БОЛЬШИХ ПРОЕКТОВ

Анализ развития современного общества все отчетливее показывает значимость целенаправленного, конструктивистского начала в организации различных сфер деятельности в противоположность стихийному или, даже напротив, устоявшемуся, инерционному подходу¹. Прежде всего это отразилось в различных парадигмах модернизации и неомодернизации.

В наших представлениях присутствует опыт ряда крупных государств (СССР, Япония, Китай, Индия и др.), которым, используя в масштабном и стратегическом измерениях социально-проектный подход и конструктивистские методологии, удавалось резко ускорить темпы социального и экономического развития и занять существенные позиции политического и социального воздействия на ход мирового развития.

В современных условиях, когда быстрые социальные изменения вышли на глобальный уровень, значимость социального и инженерного проектирования на средне- и долгосрочную перспективу только возрастает. Это относится не только к организации значимых результатов в экономике, политике, социальной сфере, но и возможных последствий негативного характера, которые сказываются уже не только на локальном, но и глобальном уровне.

Что касается глобального масштабирования, то целый ряд авторитетных исследователей и организаций не только обратили внимание на все возрастающую значимость проектной деятельности, но и не менее серьезные последствия побочных прогрессу проблем и рисков. В особенности это касается неконтролируемого распространения экологически разрушительных

¹ *Леньков Р.В.* Социальное прогнозирование и проектирование. М.: Форум, 2012; Социальное проектирование в эпоху культурных трансформаций. М.: Изд-во ИФ РАН, 2008.

технологий, масштабной военно-инженерной деятельности и новых образцов оружия, причем не всегда даже оружия массового поражения (ракетно-ядерного)¹. Известна одна из значимых номинаций общества глобального развития, которую предложил известный современный ученый и мыслитель У. Бек, как «общества риска»². Наряду с тем, что контуры нового общества, глобальной цивилизации обозначают и как постиндустриальное, информационное, общество знаний и др. На возрастающие масштабы социальных и экологических последствий глобального развития уже многие десятилетия указывает «Римский клуб», включая свой юбилейный доклад 2018 г.³ По существу, здесь предлагаются и развиваются разные методологические варианты подходов к проектной деятельности, вышедшей уже на глобально-планетарный уровень.

В связи со сказанным хотелось бы обратить внимание на значимость выявления прежде всего оснований указанных процессов. Ибо эмпирическая констатация тенденций нарастания масштабов и значимости проектной деятельности еще не дает ключа к эффективному парированию ее рисков и негативных последствий. Они так и будут осуществляться экспромтом, методом «проб и ошибок». Поэтому весомую роль играют размышления и разработки, которые в свое время предложил Ю.А. Жданов, основываясь на марксистской методологии и учении В.И. Вернадского о ноосфере.

Основываясь на марксистской методологии, Ю.А. Жданов в одной из своих ранних работ обращает внимание на две формы объективного процесса: собственно природную и социальную⁴. Он подчеркивает, во-первых, их противоречивую связь и взаимопроникновение, а во-вторых, существенную связь второй

¹ *Rasmussen M.V.* The Risk Society at War. Terror, Technology and Strategy in the Twenty-First Century. N.-Y., 2006; *Осьмова М.Н., Клавдиенко В.П., Глущенко Г.И.* Глобальные вызовы устойчивому развитию мировой экономики. М.: Проспект, 2016; *Чудинов С.И.* Экстремизм в глобальном обществе риска. М.: Наука, 2016.

² *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-традиция, 2000.

³ *Weizsaecker E. von, Wjkmán A.* Come on! Capitalism, short-terminism, population and the destruction of the planet. New York: Springer, 2018.

⁴ *Жданов Ю.А.* О двух формах объективного процесса // Жданов Ю.А. Избранное. В 3 т. Т. 3. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. С. 125–140.

формы от контекста социального существования. И подчеркивает: «Развитие второй формы объективного процесса находится в прямой и ближайшей зависимости от социальных условий существования человека»¹. В связи со сказанным нужно подчеркнуть то, что в современных исследованиях проектной деятельности в глобальном масштабе значимость указанного методологического императива либо занижается, либо игнорируется за счет апелляции к некоторым глобальным целям и ценностям, минуя их конкретно-социальную обусловленность и привязку.

К сказанному в свое время Ю.А. Ждановым можно было бы добавить все возрастающую значимость третьей формы объективного процесса — информационной. Однако до сих пор мы опираемся лишь на репрезентацию информационных процессов как определенной формы отражения. Хотя реальные проектные процессы поставили в повестку дня создание искусственного интеллекта. Причем не только в простых, но и в сложных формах, обладающих свойствами саморазвития, самопроизводства, самообучения, рефлексии, в том числе и в альтернативных естественному интеллекту формах. Очевидно необходимо продвигаться в понимании информационных процессов как третьей формы объективных процессов, а не только производных от первых двух.

Предпосылки для движения в этом направлении мы также находим в ряде работ Ю.А. Жданова: «О структуре геосферы разума»; «Грядущее основание бытия»². Без этих подходов не удастся расшифровать на сущностном уровне и понять структуру концепта «ноосфера». С нашей точки зрения, здесь также не обойтись без новой информационной картины мира. Ю.А. Жданов, имея в виду грядущее становление новой реальности — ноосферы — подчеркивает: «То, что предлагает Вернадский, вписывается в характеристику гигантского фазового перехода (формирование звезд — тоже фазовый переход). Стихийные процессы антропогена в биосфере дошли до критической

¹ Жданов Ю.А. О двух формах объективного процесса // Жданов Ю.А. Избранное. В 3 т. Т. 3. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. С. 138.

² Жданов Ю.А. Избранное. В 3 т. Т. 1. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009.

точки и требуют, под угрозой самоуничтожения, формирования глобально-упорядоченной структуры»¹.

Однако, возвращаясь к мысли Ю.А. Жданова о возрастающей значимости социального контекста в проектной деятельности, в особенности с нарастанием ее масштабов, обратимся к некоторому сопоставлению эффективности в разработке больших и сверхбольших проектов в разных социальных контекстах и условиях.

Материалом для сопоставлений могут выступать ретроспективно наиболее значимые советские и современные российские проекты.

Что касается больших проектов в обозначенном сравнительном формате, то и здесь сопоставление эффективности в их реализации также не выглядит в пользу современного российского социального контекста. Приведем ряд примеров. Одни из наиболее масштабных советских больших проектов относились к освоению космоса. Так, «В работу над лунной программой включились 2000 предприятий. С 1966 по 1968 гг. по ней происходила наиболее интенсивная плодотворная работа»².

Примерно в этот же период на аналогичном уровне находилась лунная программа США. Однако мы, вскоре по соображениям финансового порядка и из-за смерти главного конструктора и координатора космических проектов, С.П. Королева, остановили свою программу фактически на полном ходу, а США, вложив в программу «Аполлон» втрое больший ресурс (нежели наш), смогли ее завершить в пилотируемом режиме, но не имея автоматизированного аналога. Впоследствии и отечественная, и американские лунные программы развития не получили. Причем, как нам думается, не только по политическим или финансовым причинам. А более всего, по причинам отсутствия стратегического видения глобального уровня и зашкаливающей конкуренции на межгосударственном уровне сверхдержав. Эти факторы являются и далее основными рисками, в случае возврата к данным проектам.

¹ Жданов Ю.А. Избранное. В 3 т. Т. 1. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. С. 372.

² Васина Т. ВПК СССР. М.: Центрполиграф, 2018. С. 178.

Второй большой проект, который СССР удалось продвинуть, правда несколько дальше, это разработка отечественного Шаттла: «Вершиной достижений ЦАГИ стала разработка авиакосмической системы «Энергия-Буран». Перед специалистами стояла сложнейшая задача — построить орбитальный космический корабль-космоплан с ракетой-носителем. Помимо ЦАГИ, в работах было задействовано 1285 советских предприятий и свыше миллиона человек»¹.

Проект был остановлен по решению М.С. Горбачева и его команды, не видевшей прежде всего дальнейших научно-технических перспектив и надеявшихся на формирующийся благоприятный военно-политический контекст развития взаимоотношений с США, не обостряя его конкурентной нагрузкой в этой, да и других областях. Хотя многие заделы, созданные в рамках этого проекта, позволяют и по сей день поддерживать приличный уровень в космической военно-технической области.

Можно указать ряд примеров больших проектов в атомной промышленности, которая более удачно вписалась в мирную жизнь². Однако причины политического, административного и хозяйственно-экономического управления и организации таких проектов по сей день выступают не только как поражающие воображение, но и как примеры выдающейся эффективности научно-технической и управленческой деятельности.

Особо подчеркнем не масштабы финансово-экономического порядка, а именно эффективность проектной и организационно-управленческой деятельности советского периода. Каждый из больших советских проектов из описываемой сферы по некоторым подсчетам мог обходиться от 5 до 10 млрд долл., что в пересчете на современный уровень дает цифру в 25–30 млрд. Такого масштаба средствами современная Россия обладает, что говорят примеры реализации больших проектов в последние 20 лет³.

¹ *Стариков Н.В.* Сталин. После войны. Книга I. 1945 – 1948. М.: Эксмо, 2019. С. 272.

² *Бэгоут Дж.* Тайная история атомной бомбы. М.: Эксмо, 2011; *Губарев В.С.* Атомная бомба. Хроника важных открытий. М.: Алгоритм, 2009.

³ *Гурова Т., Ивантер А., Скоробогатый П., Ульянов Н.* Реиндустриализация как новый консенсус // Эксперт. 2019. № 43. С. 14.

Однако эти проекты на порядок уступают большим проектам советского периода, прежде всего по параметрам социально-организационного, инженерно-инфраструктурного и управленческого, но не финансового характера. Из цифр в вышеприведенной таблице видно, что по финансовым возможностям, которые у современной России имеются, можно было бы осуществить не шесть, а более 15 проектов масштаба лунной программы или орбитальных станций. Однако это невозможно, поскольку для этого нет надлежащей производственной, кадровой и научно-технической базы, да и никто из современных видных политиков или финансистов ничего подобного и не предлагает, ибо нет у них еще и того качества, о котором писал в своих воспоминаниях Ю.А. Жданов, как «стратегическое дальновидение»: «Ныне времена изменились... Но задача геостратегического прогнозирования и дальновидения всегда будет актуальна для нашей страны»¹.

Таблица

Мегапроекты последних 20 лет

Мегапроект	Период	Оценка в валютном эквиваленте* (млрд долл.)
Модернизация электроэнергетики (ДПМ)	2006–2012	127
Госпрограмма вооружений 2011–2020 (в части закупок вооружений и НИОКР)	2011–2017	106
Магистральные экспортные газо- и нефтепроводы, включая расширение и обустройство морских портов и прочей инфраструктуры, производство ТБД	1999–2019	90
Ивент-девелопмент (АТЭС Владивосток-2012, Олимпийские игры Сочи-2014, Чемпионат мира по футболу – 2018)	2007–2018	82
Проект «Ямал-СПГ», включая затраты на инфраструктуру	2011–2018	31
ФЦП «Крым»	2015–2021	14
* В расчете по среднегодовым курсам рубля к доллару США соответствующих лет. Источник: расчеты «Эксперта» по открытым источникам		

¹ Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов н/Д: Феникс, 2004. С. 198.

Заклячая изложенное, выделим наиболее острые и значимые проблемы и риски, с которыми приходилось сталкиваться при разработке и реализации больших проектов и которые несомненно будут иметь нарастающее значение при включении в проекты глобального масштаба:

- неоднозначность и масштабность негативных последствий (катастрофы на атомных станциях и военно-ядерных реакторах), включая в том числе и переоценку значимости, завышенные ожидания;
- нечеткая привязка или ее отсутствие применительно к базовым сценариям новой волны глобального развития (секторный, социально-антропологический, космический)¹;
- идеократическая привязанность к действиям основных субъектов-носителей интересов в глобальных проектах. Массированный лоббизм этих интересов (нефтегазовый, транспортно-логистический, информационно-компьютерный, сервисно-потребительский и др.);
- управленческие разрывы: между стратегическим, оперативно-тактическим и ситуационным; в инфраструктуре и алгоритмически-процессном; между уровнями в координации отраслевых и межотраслевых направлений и др.;
- методологическая недоработанность, в особенности применительно к методологии масштабной инновационной и проектной деятельности;
- непроработанность методологических и методических аспектов антикоррупционной защиты национальных мегапроектов в условиях современной глобализации.

¹ *Старостин А.М.* Альтернативные модели глобализации и проблемы современной глобальной динамики. Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018.

Глава 10

КОНФИГУРАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИИ В ПРЕДДВЕРИИ НОВОЙ ВОЛНЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В России утверждена новая редакция Конституции. Учитывая, что число внесенных поправок превышает 100, это действительно так¹. Показательно, что изменилась и общая тональность Основного закона и присутствуют новые ключевые акценты. Прежде всего, основной акцент сделан на усиление всех аспектов *суверенизации* РФ — политического, экономического, культурного. Дело в том, что Конституция в редакции 1993 г. принималась в условиях резкого разворота от еще советского парламентаризма и с надеждой на то, что мы встали на путь, ведущий в систему «братского» Запада. Но, начиная с начала 2000-х, все увереннее зрело понимание, что Западу мы нужны как второстепенный вассал. А с 2007 г., в особенности после знаменитой мюнхенской речи В.В. Путина, обозначившего ориентир на собственный политический суверенитет, России неоднократно давали жесткие уроки и указывали на ее место.

Далее, ориентация на *приоритет международного права* и политических ценностей в условиях того, что они выстроены по западным лекалам и Россию бесконечно корректируют различными санкциями, оказалась *контрпродуктивной*. И это тоже фиксируется в новой редакции. Однако, если политический суверенитет ныне подкреплен основательной и модернизированной военно-политической базой, то в области экономики и культуры во многом сохраняется и значительная зависимость, и встроенность в систему западной цивилизации, целесообразность чего стала сомнительной не только для населения, но и значительной части нашей элиты в последние 15–20 лет. К этому подталкивали и выразительные примеры развития Китая, Индии, части исламского мира, сделавших крупные шаги и

¹ Конституция Российской Федерации. Новая редакция. М.: Проспект, 2020.

даже рывки, ориентируясь на собственные стратегические интересы. Ощущение того, что *российский мир* по своему потенциалу и духовной основе вполне *соизмерим с Западом*, укрепилось.

Важен и по-новому осмысленный пример *СССР*, который, находясь 70 лет под западным прессом, смог вырваться из-под него и показать *образец самодостаточности*. Поэтому закрепление в новой редакции Основного закона новых намерений и устремлений, часть которых уже реализуется, кажется вполне логичной. Этот документ поддержан и большей частью населения. По опубликованным данным, новая редакция Конституции одобрена более 2/3 проголосовавших и в итоге набрала *свыше 52%* квалифицированного большинства избирателей (от всех имеющих право голоса)¹.

Приведенная статистика важна в контексте общего понимания назревших проблем последующего развития страны. Оно еще усилится, если обратить внимание на то, что *из более чем 100 поправок свыше 80%* относятся к изменениям в системе государственной власти и местного самоуправления². Это позволяет создать надежную социально-политическую платформу для перспектив долговременного *развития государства-цивилизации*, каковой является Россия. И не только современная Россия, а тысячелетняя Россия³.

Нам предстоит не только вжиться в каноны новой редакции Конституции, но и во многом *пересмотреть и методологию* подхода к новой системе политического управления, контуры которой намечены. Если говорить в двух-трех словах о доктринальных подходах, то необходимо понимать, что доктрин общественного развития не так много. Можно говорить о конвергентном, трансферном и рекурсивном дискурсах.

Конвергентный дискурс был популярен в период от Хрущева до Горбачева, когда в СССР продвинутая часть интеллектуалов

¹ Скоробогатый П. Конституционный пролог к будущему // Эксперт. 2020. № 28. С. 14–15; Быков П. В поисках новой легитимности // Эксперт. 2020. № 28. С. 9.

² Конституция Российской Федерации. Новая редакция. М.: Проспект, 2020.

³ Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. М.: Весь Мир, 2017. С. 143–170; Прохоров А.П. Русская модель управления. М.: Студия Артемия Лебедева, 2017. С. 13–20.

хотела форсированно выстроить потребительское общество, опираясь на индустриальный и научно-технический потенциал Советского Союза, — так сказать выстроить «социализм с человеческим лицом». Но эту «остановку» быстро проскочили, выплеснув с «мыльной водой и ребенка».

С 1993 г. интенсивно и форсированно пошел *транзит России* в общество западнорыночного индустриального типа. Это уже доктрина глубокого социального трансфера. Она реализовывалась очень похоже на то, что происходило в России в 1917–1920 гг. Этот глубокий и радикальный социальный конструктивизм позволил в итоге выстроить за почти три десятилетия капитализм с «родимыми пятнами социализма». К тому же отечественные и западные ожидания и намерения по этому поводу уже изначально сильно различались друг от друга. Для Запада мы были побежденной страной, которая должна жить по законам и по велениям победителей (наподобие Германии и Японии). А по нашим представлениям, мы вступали на *землю обетованную*, где воплощено царство прав и свобод человека и демократии западного образца. На том и разошлись, обнаружив, что Русская Мечта и Американская Мечта зиждятся на разных цивилизационных основаниях.

Попутно начали всплывать *начала рекурсивного*, отчасти консервативного дискурса¹. В его рамках все отчетливее понималось, что российская цивилизация выстраивалась более тысячи лет, охватывая своим влиянием значительную часть мира. Многие компоненты *национально-цивилизационной идентичности* оказались утеряны в ходе великих социальных трансформаций и поисков. Но далеко не все. Кое-что, как оказалось, не только очень трудно утратить, но и нужно на это ориентироваться.

Поэтому в новый документ коллективно (а не в виде внешнего шаблона, как в Конституции 1993 г.), заложены возможности для создания условий долговременного развития, аутентичные России *как государству-цивилизации*. Думается, что в ближайшее

¹ Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М., 2000; Римский В.Л. Архаизация политических элит и государственного управления России // Власть и элиты. Т. 5. СПб.: Изд-во СИ РАН, 2018.

время обществу будет *предложен пакет реформ*, вытекающих из новой редакции Конституции. Чего он может касаться? Попробуем контурно обозначить такого рода шаги. Естественно в проблемной постановочной редакции.

Нам кажется, что это можно будет сделать, изложив тезисно ряд основных проблем, касающихся реформирования системы политического управления.

Итак:

1) прежде всего, укажем на стержень системы государственного администрирования, который еще в начале 2000-х гг. был назван *«вертикалью власти»*. Это принцип иерархического построения системы политического управления. Он порождает централизацию, систему делегирования и согласования решений снизу доверху, проецируется и на экономическое управление, порождая чрезмерную централизацию налоговой и бюджетной политики. В итоге политическая система приобретает авторитарный и порой даже чрезмерно авторитарный характер¹. Для выходцев из военной и правоохранительной службы это привычно и удобно. Но абсолютное большинство населения, да и элитных кругов — не служат, а работают, являясь наемными работниками, собственниками и организаторами производства и других видов деятельности. Готовность вписываться в «вертикаль власти» для них приемлема в переходный период, дабы сохранялся общественный порядок, или в условиях мобилизации (война, ЧС, эпидемии и т.д.).

В современной России ныне востребована не только «вертикаль власти», но и субсидиарность — разграничение ответственности и ресурсов и скоординированность действий разных уровней и ветвей власти. Можно это образно назвать — *«властный оркестр»*. Но он пока недостаточно отлажен: в нем есть явная асимметрия и перекосы. Поправки в Конституцию позволяют начать движение в направлении такой оптимальной перенастройки. Опыт решения проблем пандемии коронавируса дал некоторые образцы такого управления. Но все еще впереди.

¹ Сравнительная политология. М.: Аспект-Пресс, 2018. С. 404–406.

И еще: «властный оркестр» также должен быть тесно сопряжен с запросами и интересами населения. Речь идет о дальнейшем развитии демократии. Но не столько в западном прочтении — как конкурентной демократии, сколько в русле традиций российской модели демократии. Она называется *идентитарной* демократией и ориентирована не на конкуренцию, а на согласие, согласование интересов, коллегиальность¹. Традиции российской демократии не менее основательны и зиждутся на многовековом опыте организации политической и социальной жизни десятков и сотен народов на огромной территории². Новая система политического администрирования должна быть этому аутентична;

2) еще одна проблема реформирования политического управления касается выбора доминирующего в России принципа управления. В принципе в теории управления ориентируются на управление по целям, по результатам, по затрачиваемым ресурсам и т.п.³. Но есть очень важный принцип — *управление по ценностям*⁴. Причем нередко он бывает затратным и не всегда сразу ведет к четко намеченным целям⁵. Но в России с ее огромными и разномастными территориями и сложными климатическими условиями очень важна идейная, ценностная направляющая развития. Она задает смысл жизни и деятельности, а то и выживания в таких условиях. Несколько веков у нас не прекращаются поиски Русской идеи. Есть целый ряд ее воплощенных и апробированных вариантов. Важно то, что поиски ее вариантов, применимых в новых исторических условиях, не прекращаются. Президент страны не раз в последние годы говорил о патриотизме как новом формате Русской идеи. Но не все этим вдохновились. Пока российское общество, находясь в привычном разделении на западников и почвенников, весьма различ-

¹ Бегунов Ю.К., Лукашев А.В., Пониделко А.В. 13 теорий демократии. СПб.: Изд-во Бизнес-Пресс, 2000. С. 25–52.

² Развитие гражданского общества в регионах России. Тула: Изд-во ТулГУ, 2019. С. 36–49.

³ Бусыгин А.В. Эффективный менеджмент. М.: Финпресс, 2000. С. 786–790.

⁴ Пригожин А.И. Цели и ценности. Новые методы работы с будущим. М., 2010. С. 37–39.

⁵ Старостин А.М. Исследовательская философия. Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018. С. 590–593.

но трактует патриотизм. Но система политического управления должна настроиться прежде всего на гражданский патриотизм и обеспечение суверенитета и самодостаточности государства по основным азимутам его бытия. Иначе говоря, на сбережение территорий и населения и развитие человеческого потенциала России, поддержку многочисленных соотечественников, идентифицирующих себя с Россией. Государственное управление должно быть также направлено на поддержку развития Русского, российского мира;

3) на протяжении почти двух десятилетий система политического управления ориентируется на проектный метод в развитии прежде всего экономики и социальной сферы. В последние годы это обозначено как национальные проекты. Но за эти же годы обнаружена недостаточная эффективность в их реализации. Метод больших проектов известен со времен СССР. Но тогда он опирался на иной экономический базис и с их помощью СССР стал одной из двух сверхдержав. Нужно учесть и этот положительный опыт, и разобраться в причинах современных неудач. По нашему мнению, метод больших проектов требует дальнейшего развития. Необходимо сделать в этом новый шаг — к *системно-проектному подходу* в политическом управлении¹. Секторно-проектный подход в качестве больших национальных проектов, по-видимому, себя исчерпал, либо неэффективен в нашей современной системе хозяйствования и требуется создание каких-то новых хозяйственно-проектных укладов, госмонополий вроде ВПК или Атомпрома;

4) не одно десятилетие ведутся, причем по нарастающей, дебаты о дебиюрократизации и декоррупцировании системы политического управления. Но критикуемые процессы продолжают усугубляться: растет госаппарат и расходы на него, вместе с ними растут и ведомственно-бюрократические финансово-коррупционные пирамиды, вводится в обиход, по-существу, теневой

¹ Старостин А. М. Научные и социальные риски проектирования в эпоху глобализации: опыт и риски больших проектов // Потенциал региональной науки как ресурс повышения эффективности в реализации национальных проектов на Юге России. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2019. С. 49–56.

налог за бюрократические услуги (административная рента)¹. Проблема кажется неразрешимой. Поэтому здесь нужны прежде всего необходимые для понимания новые теоретические подходы, касающиеся политико-управленческой деятельности. Они, конечно, существуют. Но нужно поискать еще.

Например, на парадигмальном уровне система современного политического управления по ценностно-целевым и функциональным показателям опирается на два основания: институционально-ордерное и политико-менеджеральное. В политической практике в условиях рыночно-конкурентной среды все больший удельный вес приобретает политико-менеджеральный подход с его ориентацией на госуслуги и их коммерциализацию (прямую или косвенную), различные PR, GR, HR и прочие подходы и технологии. Нам думается, что следует более пристальное внимание обратить на развитие *институционально-ордерного подхода*² [16, с. 588], нацеленного на поддержание политического порядка и ответственности власти, контроль за выполнением государственных обязательств и государственных функций, расширением набора государственных некоммерческих услуг и обязательств. Иными словами, содержательного наполнения и пополнения функций социального государства;

5) значительного внимания заслуживает политическое управление системой теневой и неформальной экономики. Можно утверждать, что именно ослабление контроля за этим сектором явилось одной из важных причин распада СССР, ибо накопление огромных неконтролируемых ресурсов и их использование для политического лоббирования привело к расшатыванию советской системы. Эти механизмы и генерируемые ими ресурсы в РФ выросли кратно (по оценкам: с 8–10% ВВП до 40–50%). Чрезвычайно выросли и возможности перетекания и пополнения средств нашей теневой экономики зарубежными ресурса-

¹ Старостин А.М., Тованчова Е.Н., Шепелева Ю.Л. Девиационный аспект в управлении государственными проектами: междисциплинарный взгляд // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 5. С. 132–138.

² Ордер – лат.: ряд, разряд, порядок, строй // Новейший словарь иностранных слов и выражений. Минск: Современный литератор, 2007.

ми. Если не предпринять активных шагов по усилению этого сектора нашего политического управления, то неприятностей и даже катастроф недолго придется ждать. Выше уже говорилось о потенциале институционально-ордерной модели политического управления. В данном секторе эта модель основная;

б) в последние годы расширяется контекст обсуждений и действий и нарождаются новые проекты, связанные с *цифровизацией и сетевизацией* всех сфер жизни. Несомненно, что это путь в информационное, постиндустриальное общество. Правда этот сектор у нас пока не очень велик (всего лишь 2–3% ВВП по объему услуг), но предполагается, что за 3–4 года он может вырасти вдвое. Насущная проблема политического управления — в выработке стратегического образа этого развития. Что касается сектора бюджетного и бюджетных отраслей экономики, то важно вспомнить, что заделы по созданию общегосударственной АСУ у нас были наработаны еще в 60–70-е гг.¹ Правда речь шла об общегосударственной плановой основе. Но сейчас и сложность задач, да и возможности для их решения значительно выросли. Идут разработки в области создания «умных» видов транспорта и транспортных систем, «умных» домов и городов. Нужно выходить и на общенациональный уровень, обозначая в конце «тоннеля» благую цель, а не пугая, как делают некоторые публицисты «цифровым концлагерем». Рядовому гражданину должно быть понятно: что он получит применительно к своему образованию и развитию, к сохранению здоровья, к обеспечению работой и отдыхом, если в отечественных условиях заработает ГОС АСУ нового поколения и чем будет гарантирован ее национальный суверенитет и уход от рисков, генерируемых зарубежными конкурентами?;

7) автор долгие годы занимается проблемами элит, элитогенеза, кадровой политикой в сфере прежде всего политического управления². Главными проблемами здесь видятся не столько

¹ Контурсы цифровой реальности: гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего. М.: Ленанд, 2020. С. 79–88.

² Ашин Г.К., Понеделков А.В., Старостин А.М., Кислицын С.А. Основы политической элитологии. 4-е изд. М.: Ленанд, 2020. С. 356–381.

отбор способных и талантливых управленцев, сколько обеспечение их развития и преемственность в смене элит.

В настоящее время в ходу опора на кланы разного происхождения и «команды» как основные механизмы кадрового отбора и продвижения.

Как переходный этап это терпимо. Однако общегосударственной идентичности и нацеленности на интересы государства это не гарантирует. Нет и долгосрочной преемственности в формировании профессионализма и в особенности элит. Здесь есть другая парадигма. Назовем ее *орденской*. Ее основа прежде всего духовная (не обязательно религиозная).

К орденской модели можно отнести партийно-советскую номенклатуру. Однако она не была «заточена» на формирование элиты. Элитный уровень как высокий уровень в иерархии в ней имелся. А вот выдвигание элитных представителей и лидеров наблюдалось только в чрезвычайных ситуациях. Ныне на орденскую модель претендуют отечественные спецслужбы. Но нужна не секторная, а общегражданская база. В этом проблема на перспективу. К тому же нужно учитывать, что к формированию как в старые времена служивого *сословия* мы вряд ли когда-либо вернемся;

8) об *эффективности* политического управления нужно говорить особо. В свое время, около 20 лет тому назад, автор защитил докторскую диссертацию на этот предмет¹, где было введено понятие «коридор эффективности».

Речь идет прежде всего об известной матрице предельно-критических показателей в разных сферах деятельности общества — как минимальном пороге эффективности. В то же время — и о перспективных, стратегического уровня, показателях. На их роль ныне претендуют показатели развития человеческого потенциала. Лет семь назад известный ученый, академик С.Ю. Глазьев сделал доклад на Президиуме РАН о ПКП как инструменте политического управления. Доклад вызвал интерес, но похоже

¹ *Старостин А.М.* Эффективность деятельности административно-политических элит: критерии оценки и анализ состояния в современной России. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2003.

не стал руководством для действия Администрации Президента¹. Но нам по-прежнему нужны свои отечественные разработки, а не только ориентиры, которые предлагает Всемирный банк;

9) с системой политического управления тесно сопряжена МСУ и муниципальное управление. Ей тоже посвящены поправки в Конституцию (более десяти поправок). Но главные проблемы, с которыми мы сталкиваемся на многочисленных конференциях и в исследованиях по этой проблеме — это низкий уровень экономической базы МСУ (около 10% от потребностей) и неравномерность развития разных местных муниципальных образований. А в последние годы — растущие разрывы: транспортные, коммуникационные, производственные между разными территориями и с «Большой землей».

Самый простой путь в решении этих проблем — изменение системы налогообложения (рост возможностей местных бюджетов как минимум в 2–3 раза) и государственная политика по развитию межтерриториальных коммуникаций. Иначе единая Россия просто перестает быть единой;

10) важной, в особенности в связи с форсированным развитием цифровизации, выглядит проблема баланса и рисков транспарентности и рестриктивности в политическом управлении². С одной стороны, транспарентность разных аспектов управления значительно увеличивает доступ к нормативной базе, отчетным данным и различным характеристикам процесса принятия решений, что способствует повышению компетентности и информированности не только политической бюрократии, но и гражданского общества. Создает возможности всестороннего контроля деятельности властей.

¹ Глазьев С.Ю., Локосов В.В. Оценка предельно-критических показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Вестник РАН. 2012. Т. 82. № 7. С. 587–604.

² Рестриктивность — ограничения и даже закрытость чисто управленческой информации и введение закрытых (герметичных) лакун в общую систему информации. Либо ограничения вводятся путем этического нормирования и других форм табуирования или самоограничения. Старостин А.М., Тованцова Е.Н. Транспарентность и герметичность в современном политическом управлении: риски, балансы во взаимодействии и условия реализации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 7. С. 143–146.

Но с другой стороны, в условиях международной и глобальной конкуренции и определенной нерасторопности наших ведомств и организаций, в особенности в части продвижения инноваций, приводит к потерям и упущенной выгоде, а то и к росту рисков и угроз в сфере национальной безопасности. Словом, здесь требуется интенсивная теоретическая и практическая работа по продвижению поставленной проблемы в новых условиях тотальной цифровизации основных сфер жизни общества;

11) глобальное управление и включение в его контуры России требуют отдельного разговора.

Это сюжеты, связанные с новой волной глобализации и формированием многополярного мира на платформе государств — локальных цивилизаций. Это влечет последствия и на уровне регулирования межгосударственных отношений и реформирования Ялтинско-Потсдамской системы. Россия активно включилась в эти процессы. Но перспективы перенастройки ее международной политики и формирования ее глобальной миссии пока не вполне ясны¹. Автор ранее говорил, что эта миссия выглядит как *мирозащитная*² в глобальном мире. Но здесь нужна детализация и главное — согласование с союзниками и партнерами, и их определение.

Итак, подводя итоги анализа возможного нового образа политического управления, вытекающего из принятой новой редакции Конституции РФ, следует подчеркнуть, что по нашему мнению, предложенный список возможных направлений преобразований не является исчерпывающим. Но выступает как первоочередной.

Так или иначе, но изложенные проблемы ставились и обсуждались в документах, подготовленных властью и учеными, экспертами. Они отражены также как приоритетные во мнении гражданского общества. Новая политико-правовая база Основного закона позволяет реализовать и развить их в политико-правовой законодательной конкретике и вытекающих из нее действиях.

¹ Старостин А.М. Философия международных отношений в контексте современной глобальной динамики // Междисциплинарные проблемы международных отношений в глобальном контексте. Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2019. С. 5–16.

² Там же.

Глава 11

СОЗДАНИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК РЕСУРС ДЛЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ И ПАРИРОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ УГРОЗ (НА ПРИМЕРЕ ЮГА РОССИИ)

После принятия новой редакции Конституции РФ произошло обновление перечня стратегических задач по развитию Российской Федерации на период до 2030 г., что отражено в Указе Президента РФ «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года»¹. Здесь определены пять национальных целей для прорывного развития РФ на период до 2030 г. Среди них вторая цель — «возможность для самореализации и развития талантов». В рамках этой цели отражены ключевые показатели, среди них: «Обеспечение присутствия Российской Федерации в числе десяти ведущих стран мира по объему научных исследований и разработок, в том числе за счет «создания эффективной системы высшего образования».

Критерии эффективности системы высшего образования не имеют четкого определения, но, вместе с тем достаточно разнообразны и в настоящее время в значительной мере сориентированы и исходят из многочисленных международных и нескольких национальных рейтингов вузов. Особенности построения рейтингов вузов отражают прежде всего социально-экономическую востребованность основных продуктов высшего образования: выпускников вузов и научных результатов, по-преимуществу в экономически-рыночных и наукометрических показателях. Поскольку рыночная кадровая конъюнктура и система наукометрических показателей достаточно подвижны, а вузы как социокультурная система весьма инертны, места, занимаемые в рейтингах, порой значительно изменяются².

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года. Указ Президента РФ № 474. 21 июля 2020 г. // Российская газета. 2020. № 159.

² См.: Балацкий Е. В., Екимов Н. А. Конкуренция социально-экономических университетов России // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88. № 10. С. 897–907.

Вместе с тем существуют и другие показатели эффективности, которые можно отнести к системе показателей социально-культурного эффекта и влияния на глобальное и глокальное (национальное, региональное) развитие¹. По-преимуществу, это смешанная система экспертных оценок, социально-статистических показателей и показателей общественного мнения.

Обобщая также комплексные показатели функционирования Российской системы высшего образования (ВО), можно выстроить следующее резюмирующее заключение, содержащее оценки положительно-эффективного и стабилизирующего влияния российского ВО в сочетании с негативными и инерционными моментами, снижающими эффективность социального развития. Так сказать, ключевые моменты, pro и contra эффективность².

Итак, Pro.

1. ВО в России по сравнению с ВО в СССР, т.е. за последние 30 лет, существенно выросло и в абсолютном, и в удельном измерении (число студентов на 1000 человек населения, число лиц с ВО среди взрослого населения). Это рост примерно вдвое. И хотя в развитых странах (ОЭСР) эти показатели тоже росли динамично, но ныне Россия по ним входит в первую пятерку стран, что, несомненно, говорит об интеллектуализации и динамичном росте человеческого капитала как драйвера других сфер жизни.
2. Опережающий рост ВО по сравнению с ростом экономики, сферы услуг, строительства, транспорта и других сфер позволил кардинально переформатировать структуру экономики и преодолеть по сути вечный разрыв, существовавший в СССР между сферой производства и потребления. Наиболее значимый вклад здесь внесла сфера ВО, обеспечив компетентную, профессиональную поддержку модернизации экономиче-

¹ Качество и эффективность высшего образования / Джуринский А.Н. Высшее образование в современном мире: тренды и проблемы. М.: Прометей, 2018. С. 182.

² Старостин А.М. Философия высшего образования как инструмент междисциплинарного анализа и прогноза // Философия высшего образования в глобальном и социальном измерении. Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2019. С.10–19.

ской, политической, культурной сфер и вхождения РФ в мир рыночных отношений и демократии.

3. Реструктуризация системы ВО, появление в ее составе нового типа вузов — исследовательских, опорных, инновационного профиля университетов позволило переместить часть научно-образовательного потенциала из сферы ВПК, производственно-промышленных отраслей в другие отрасли и существенно изменить инновационный потенциал ряда непромышленных отраслей, определяющих процессы перехода к постиндустриальному, информационному обществу (СМИ, информационные технологии, медицина, фармацевтика, культура и образование, управление).
4. Отечественное ВО в ее авангардной части позволило подготовить значительную часть специалистов и ученых, которые смогли переместиться в развитые страны для работы и освоения новых технологий, продолжения образования, научных исследований в более продвинутых отраслях, нежели в России. Зарубежный обмен в сфере образования и науки увеличился многократно. Удалось восстановить и экспортный потенциал ВШ в части подготовки специалистов из зарубежья. Несмотря на вхождение в поле международной рыночной конкуренции в области профессиональной подготовки отечественная ВШ, перестраиваясь под принятые международные стандарты, входит в глобальную систему ВО, занимая во многом конкурентосопоставимые позиции в первой десятке экономик мира.
5. За счет развития научного и интеллектуального потенциала ВО, вкпе с ресурсами РАН и с опорой на него за последние 30 лет удалось во многом реконструировать реальную картину развития России в XX в., да и скорректировать в сторону большего реализма и аутентичности маркеры и образы, поддерживающие историческую память России в целом, что позволяет восстановить ее цивилизационную идентичность.

Конечно, перечисленные позиции могут быть пополнены, но в целом тенденции, раскрывающие потенциал указанной

миссии российского ВО, в его позитивном, конструктивном измерении достаточно понятен. Но необходимо сопоставить изложенные позиции в альтернативном измерении. Без этого, т.е. без анализа позиций *contra* в тех же измерениях, не будет до конца ясно: насколько достаточны, полны, эффективны шаги в данном направлении и какие здесь есть риски?

Итак, доводы *Contra*.

1. Динамичный количественный рост системы ВО, действия по принципу «разрешено все, что не запрещено» привели к резкому преобладанию частных вузов и филиалов, дающих т.н. «легкое образование», а то и простую его имитацию. Оказались сбиты, сломаны достаточно высокие по мировым стандартам прежние требования к качеству российского образования и специалистов. До 80% выпускников к началу 2010-х гг. не соответствовали требованиям ВО. Появился обширный слой функционально неграмотных специалистов. Понадобились огромные усилия, предпринятые в последние 8–10 лет для реорганизации и упорядочения системы ВО, дабы она хотя бы на уровне ведущих 15–20% вузов стала соответствовать мировым стандартам лучшего ВО. Объем «производства» специалистов с ВО многократно превышает потребности современной российской экономики.

Выпускаемые специалисты лишь на 20–25% востребованы и работают по специальности. Произошла переструктуризация и переакцентировка базовых функций ВО, когда на ведущие места выдвинулись функции общегражданской и культурной социализации студенческой молодежи вместо функций высшей профессиональной подготовки. ВО и поныне, хотя и в меньших масштабах, нежели в 90-х — начале 2000-х гг. выполняет социально-компенсаторную функцию, парирующую пагубные последствия массовых процессов социальной маргинализации.

2. Опережающий рост социально-гуманитарного, юридического и экономического образования оказался в итоге существенно избыточным и серьезно повлиял на представлен-

ность в ВО инженерно-технических и естественнонаучных специальностей и секторов образования и науки, что стало сдерживать и тормозить развитие инновационных процессов в российской экономике и повлекло существенную сдачу позиций и представленность на мировом рынке в части высокотехнологических и инновационных продуктов. Рядом энергичных шагов эти тенденции были сокращены. Но образовавшиеся разрывы между реальной экономикой, ВО и наукой пока не устранены, что не позволяет России занять свое место на мировом рынке инноваций.

3. Доля инновационного образования в системе российского ВО находится на уровне 10–15% от числа вузов и их выпускников, что недостаточно для обеспечения ускоренного перемещения специалистов новой формации согласно выдвинутых амбициозных программ экономического развития России на кратко- и среднесрочную перспективу. К тому же часть наиболее подготовленных выпускников уезжают за рубеж. Сказывается тормозящим образом и не вполне адекватная российским условиям американизированная модель взаимодействия науки и ВО. Наш позитивный опыт в этом плане отодвигается на задний план и блокируется под влиянием западно ориентированного экспертно-управленческого сообщества.
4. Экспортный потенциал современной системы ВО пока уступает советскому, ввиду существенно сократившейся высокоиндустриальной и инновационной части экономики, которая создавала и должна создавать значительные экспортно-ориентированные ниши для российской промышленности и системы высокопрофессиональной подготовки и переподготовки зарубежных студентов и специалистов.
5. Деятельность системы ВО по созданию культурно-мировоззренческого и социокультурного контекста в высокопрофессиональном образовании далека от полноты и пока значимо зависит от ценностной, нормативной, методической оснастки системы ВО западно ориентированных образовательных

норм, стандартов, учебников, методологических и методических парадигм в гуманитарной подготовке студенчества, что поддерживает состояние если не разрывов и бикультурных парадигм, то ориентаций на подходы, не соответствующие отечественной культурной идентичности, и поддерживает альтернативные механизмы гражданской и цивилизационной социализации.

Резюмируя сказанное об альтернативных проявлениях в инновационных и инерционных трендах и их балансе в системе отечественного ВО, как думается, этот баланс находится в состоянии «полупозишен» с перспективой перехода в состояние лидера, драйвера инновационных сдвигов нашего общества и с удержанием основных ориентиров и мотивов на реализацию стратегических национальных интересов и защиту национальной безопасности.

Что касается глокальной (региональной) специфики, то она детерминируется, помимо общенациональных задач и функций, региональной спецификой: геополитической, геоэкономической, социально-этической, демографической и культурной. В этом плане для региона Причерноморья (и даже чуть южнее — Южно-Российского) характерен ряд инерционных и ситуативных трендов. Прежде всего это специфика военно-политической напряженности в приграничных зонах, связанная с давлением крупнейшей мировой группировки государств НАТО, не снижающейся в последние почти 15 лет¹. На этом векторе противоречиво сказались последствия Covid-19 в 2020–2021 гг. С одной стороны, общий вектор усилился, с другой, появились эпидемические факторы, отсрочивающие действия некоторых его общих механизмов.

Однако в целом глокализационные характеристики нашего макрорегиона остаются достаточно инерционными. Вот они:

С точки зрения конфликтогенности и нестабильности в нашем регионе только в постсоветский период вспыхнуло несколько крупных военных конфликтов — две чеченские войны,

¹ Семенов В.С. Перспективы урегулирования конфликта на Юго-Востоке Украины // Международная жизнь. 2019. № 3. С. 109.

два карабахских и приднестровский конфликты, абхазо-грузинская и осетино-грузинская война с включением России, военные действия на Юге Украины. По поводу ряда из них проведено множество заседаний ООН и ее Совета Безопасности. Конфликты высокой и средней интенсивности провоцируются на Юге России террористическим подпольем, что срывает или сдерживает реализацию больших потенциальных возможностей привлечения сюда крупных инвестиций глобального уровня на развитие энергодобывающей, транспортно-логистической, рекреационной, торговой сфер. И, как следствие, не происходит ожидаемого скачкообразного развития занятости, роста уровня жизни, развития культуры и образования.

Поэтому весьма значимо обсудить проблемы стабилизации нашего региона, что, естественно, должно основываться на понимании глобального контекста, условий и возможностей встраивания в него макрорегиона. А также на выявлении непосредственных детерминант внутреннего порядка, как способствующих, так и препятствующих стабилизации и росту.

В последующий период предстоит решение задач расширения лимитрофной зоны за счет укрепления дружеских и партнерских отношений с приграничными государствами и их регионами, а также укрепления оборонительной приграничной инфраструктуры. Это сеть транспортных коммуникаций, портов, ремонтных заводов, полигонов, складов и других элементов оборонительной инфраструктуры и логистики. Направленность ее функций связана с антитеррористической деятельностью и потенциальными угрозами со стороны Ближне-Средне-Восточных макрорегионов (Южное направление) и Юго-Восточной Европы с ее новыми союзниками.

В связи с со сказанным, отдельно спроецируем основные позиции на состояние и проблемные направления развития системы ВО Юга России и, в особенности Причерноморье.

В систему ВО ЮФО входит свыше 150 вузов, а с учетом СКФО и Крыма — до 200. В российские рейтинги, выделяющие ТОП-100 помещают от 5 до 10 вузов. Наиболее крупные и из-

вестные это: ЮФУ, ДГТУ, НПИ, КубГУ, Пятигорский ГУ, Крымский ФУ, Каб.-Балк. ГУ, Сев-Кавк. ФУ. В вузах Юга России обучаются более 10% студентов России, 92% из них в государственных и муниципальных.

Следует отметить, что за год Пандемии система ВО показала себя как одна из самых устойчивых и социально эффективных систем. В ней сохранился (в некоторых вузах даже несколько вырос) контингент обучаемых и работающих, удалось в основном сохранить показатели набора в вуз. Значительно ниже среднечисленных показатели заболеваемости и смертности. Сохранились в целом и объемы и показатели научной деятельности.

Учитывая успешные шаги РФ по обеспечению населения вакцинированием и санитарно-медицинской защитой, можно прогнозировать рост числа иностранных студентов.

Вместе с тем анализ последствий пандемии показывает, что эффективность функционирования системы ВО в регионе Причерноморье может быть усилена в социокультурном и социально-политическом аспекте. Как бы в развитие функции поддержки намеченных тенденций социально-гражданской социализации.

Это касается, прежде всего, двух направлений:

- а) военно-патриотическая социализация и овладение компетенциями и навыками деятельности в мобилизационный период;
- б) расширение волонтерской деятельности и формирование, прежде всего на базе вузов, центров организации и подготовки (обучение) к волонтерской работе.

Что касается развития научной составляющей в рамках системы ВО, то, как можно видеть из формулировки национальной цели, предполагается дополнительный импульс к интеграции ВО и науки. В этом плане нужно заметить, что вряд ли удастся перевести даже самые известные вузы, по крайней мере, в регионе Причерноморья, в статус Большой науки, если не предпринять шаги для оформления главных или федеральных центров государственного заказа. Учитывая историю формирования

таких вузов, как МФТИ, МИФИ, МВТУ, МАИ, МЭИ, Военмеха, ряда уральских и сибирских вузов и ряда других, которые либо специально созданы, либо профилированы под советские большие проекты (атомный, ракетный, энергетический)¹. В современной России тоже появились большие проекты. Но их масштабы и относительная затратность пока недостаточно оптимальны. Вот что показывает в этом плане сравнительный анализ.

Масштабными финансово-экономическими средствами современная Россия обладает, что говорят примеры реализации больших проектов в последние 20 лет². Однако эти проекты все же на порядок уступают большим проектам советского периода, прежде всего по параметрам социально-организационного, инженерно-инфраструктурного и управленческого характера.

Из цифр в вышеприведенной таблице (см. с. 143 монографии) видно, что по финансовым возможностям, которые у современной России имеются, можно было бы осуществить не шесть, а более 15 проектов масштаба лунной программы или орбитальных станций. Однако это вряд ли возможно, поскольку для этого нет надлежащей производственной, кадровой и научно-технической базы, да и никто из современных видных политиков или финансистов ничего подобного и не предлагает, ибо нет у них еще и того качества, о котором писал в своих воспоминаниях Ю.А. Жданов, как «стратегическое дальновидение»: «Ныне времена изменились... Но задача геостратегического прогнозирования и дальновидения всегда будет актуальна для нашей страны»³.

Что касается профилей таких возможных генеральных заказчиков и доли вузовских подрядчиков из Причерноморского региона, то можно обозначить, если не перечень проектов, то основные направления и кластеры больших государственных

¹ *Васина Т.* ВПК СССР. М.: Центрполиграф, 2018.

² *Гурова Т., Ивантер А., Скоробогатый П., Ульянов Н.* Реиндустриализация как новый консенсус // Эксперт. 2019. № 43. С. 14.

³ *Жданов Ю.А.* Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов н/Д: Феникс, 2004. С. 148.

ных научно-практических проектов. К ним относятся: портовое строительство и развитие портового хозяйства; кораблестроение; сельхозмашиностроение и его обслуживание; сельскохозяйственная переработка и пищевая промышленность; спортивно-туристический и курортный кластер; медицинско-оздоровительные центры; международная и транспортная инфраструктура; производство, поставки и экспорт пресной воды.

Соответственно и вузовско-научная инфраструктура будет эволюционировать под «навесом» таких крупных организационно-проектных центров и вузы станут входить в ведущие группы международных и отечественных рейтингов, как произошло это с вузами физтеховского профиля, обслуживавших когда-то Минсредмаш и развивавшихся под его «Навесом», а ныне входящих в группы отечественных и мировых лидеров современного высшего образования.

Существует несколько моделей административно-политической координации и экспертизы больших научно-прикладных региональных проектов. Один — всем известный ждановский Северо-Кавказский научный центр высшей школы, существовавший и в советский, и в постсоветский период, но требующий коррекции и развития.

Другой вариант — формирование региональных отделений Минэкономразвития окружного уровня. Это проект, в направлении создания, которого обозначилось движение несколько лет назад, но затем было отложено. Существуют и другие варианты. Речь только идет о том, чтобы данные проекты работали на реальную инновационную экономику, а не ограничивались монетарными маневрами.

В настоящее время формируются научно-образовательные вузовские холдинги с участием НИИ и производственных структур по проблемно-проектному принципу. Очевидно, что такие новые объединения должны быть привязаны к представителю Генерального заказчика, типа тех, о которых отмечалось выше.

В масштабах страны идет ряд экспериментов в вузах, вроде эксперимента в МГУ, связанного с переходом к структуре научно-образовательных школ, вместо факультетов и институтов.

Вполне возможно, что в итоге сформируется адекватная инфраструктура в вузах, и в рамках институтов со стороны государства и крупных корпораций, дабы обеспечить реализацию крупных научно-производственных и инфраструктурных заказов; в рамках которых масштабно заработает вузовская фундаментальная и прикладная наука. К тому же предстоит большая работа по ее существенному усилению и по численности научных работников, и по числу научных организаций, и по опытно-лабораторной и конструкторской базе. Ведь на сегодняшний день основные ресурсы такого рода размещены не в вузах, а в академических и отраслевых НИИ (более чем на 80% от всего научного потенциала России)¹. Вот тогда национальная задача, поставленная Президентом страны в области науки и образования будет реализована.

¹ Константинов А. Удвоение русского Хирша // Эксперт. 2021. № 14. С. 54.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая анализ новых подходов к «Философии глобального мира», логично вновь вернуться к основополагающему документу, где такая проблема была впервые поставлена — юбилейному докладу Римскому клубу (2018 г.). Необходимо подчеркнуть, что постановка вопроса о «новой философии» и «новом Просвещении» в данном докладе является знаковой на долгосрочный период. Авторы-учредители Клуба дали конспективное изложение тех необходимых новаций, которые ожидаются в общеметодологическом подходе к современной глобальной проблематике, и, соответственно, о важности общемировоззренческой перенастройки («Новое Просвещение»).

Что касается предлагаемых новых методологических подходов Римского клуба, то они впитали опыт научных и научно-технических революций XX в. По-существу, это методологический подытог общенаучного опыта завершающейся эпохи индустриализма (как бы мы не разбивали его во множестве современных работ на этапы, вроде: классический, неклассический, постнеклассический и т.п.).

Но вместе с тем следует подчеркнуть, что это методологическое предвестие новой науки. Ее конкретика пока не вполне прояснена¹, об этом много спорят: то ли она будет развертываться в глобально-информационную картину мира, то ли будет сориентирована на неоноосферные глобальные образы, то ли это новая редакция образов Космического мира в контексте антропного принципа. Но не исключено, что здесь просвечивает и более сложная, нежели современная, мегакогнитивная конструкция, которая может сменить доминирующую в современной науке и рациональном знании и познании аналитико-дисциплинарную матрицу на системно-междисциплинарные интегративные подходы и методы. Обращаясь к суждениям авторов из Римского клуба и суммируя намечаемые ими философско-методологиче-

¹ См.: Будущее фундаментальной науки: концептуальные, философские и социальные аспекты проблемы. М.: КРАСАНД, 2011.

ские и мировоззренческие альтернативы, содержащиеся в «Новой философии», можно предложить следующую матрицу:

«полный мир»	vs	«пределы роста» суммы глобальных сегментов современного мира
холизм	vs	прогрессиизм
интегративный подход и междисциплинарность	vs	аналитика и редукционизм
гармония, принцип У-Вэй	vs	«осевое время»
комплементарность и козволюция	vs	антропоцентризм
интегральный интеллект и новая субъектность	vs	научный опыт, объективизм, логика тождественных преобразований
глобальный экологизм, сохранение социально-культурного разнообразия	vs	индустриализм и капитализм
разумный аскетизм, биоэтика	vs	избыточное потребление
«Новое Просвещение»	vs	Просвещение как мировоззрение эпохи индустриального роста

Нужно подчеркнуть, что перед нами не только конспект новой философии, на которую следует опираться в глобальном «стеклянном доме», но и своеобразный свод заповедей *глобального общежития*, дабы наша цивилизация в ближайшее время, продолжая культивировать повышенную конкуренцию в социальных взаимоотношениях, ориентируясь на культ достижений, силы и социальную агрессию, не ввергла человеческий мир в состояние «цивилизации Потопа».

Что касается нового мировоззренческого формата «эпохи развернутой глобализации», который учредители Римского клуба обозначили как «Новое Просвещение», то здесь следует сделать одно немаловажное примечание по поводу самого термина. Конечно же это в существенной мере метафора, ориентирующая на поиск новых идеалов культуры, образования, повышающая их удельный вес и значимость в глобальной социализации. Но мы не можем не обратить внимание, что вместе с глобальной трансформацией индустриализма и капитализма как его основной формации-носителя, модифицировалось и само Просвеще-

ние вместе с принципами и установками породившей его эпохи — эпохи Модерна. Зрелый и перезрелый капитализм на рубеже посткапитализма породил эпоху Постмодерна, где прежние ценности, идеалы, поведенческие образцы и установки оказались перенормированы: «По крайней мере, можно назвать один общий объект критики Постмодернизма — Просвещение... Следовательно, основная цель Постмодернизма — смещение, «деконструкция» проекта Просвещения посредством различных риторических стратегий. Имена и дискурсы, традиционные в Постмодернизме, — Ницше, Фуко, Деррида, Делёз и Гваттари, Мютар, Рорти и др., а также психоанализ, постструктурализм, деконструкция, шизоанализ, номадология и др. Основные темы, критикуемые Постмодернизмом — реальность, истина, язык, человек, история, знание, философия»¹. Посему важно не столько предлагать проект «Нового Просвещения», сколько учесть в теоретическом и прикладном аспекте богатый опыт модернизма и Постмодернизма применительно к новой эпохе, в рамках которой ни тот, ни другой не являются аутентичными.

Речь нужно вести о мировоззрении, которое выстраивается в процессе перехода от сегментного глобализма и глобального капитализма к новому глобальному *некапиталистическому обществу*. Схема мировоззренческих составляющих, намеченных Римским клубом, достаточно определена, и авторы-учредители Клуба и ранее обращались к ним². Однако нужно отметить, что и ранее, и теперь данная мировоззренческая схема на целостность не тянет из-за ухода от наиболее важных ценностных проблем нового *глобального социума* — прежде всего посткапиталистического, на первых порах глобально-полицентричного с соответствующими мировоззренческими проекциями и попытками выстроить систему культурных универсалий, впитывающих многообразный историко-эволюционный опыт.

¹ Постмодерн. Современный философский словарь / под ред. В.Е. Кемерова. М.: Бишкек—Екатеринбург, 1996. С. 373–374.

² Печчи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980; Печчи А. Архитекторы мира. Записки Римского клуба. М.: Родина, 2020.

Философская платформа Римского клуба, явно высказанная в Юбилейном докладе, вызвала целый ряд серьезных, глубоких ответов: и критических, и оформленных как альтернатива подхода к современным философским и мировоззренческим проблемам развития глобального мира. Конечно, такого рода авторские взгляды и концепции выдвигались и много ранее, нежели вышел обобщающий доклад Римскому клубу. Назовем несколько авторов, чьи идеи не менее глубоки и масштабны, нежели идеи клуба.

Прежде всего, сконцентрированный и целевой подход, ориентированный на разработку начал новой философии глобального мира, был присущ многие десятилетия академику А.Д. Урсулу (1936–2020). В его работах еще 60–70-х гг. XX в. были сформированы начала философии современного российского космизма¹. Мы это отметили в соответствующей главе нашей монографии. Последовательно, шаг за шагом углубляет свою авторскую концепцию философии глобализации А.Н. Чумаков², следуя от концепта «философия глобальных проблем» к концепту «философия глобализации».

Безвременно покинувший этот мир известный философ и антрополог А.П. Назаретян, создавший оригинальную концепцию цивилизационных кризисов в контексте Универсальной истории³, успел критически отреагировать на глобально-философские претензии юбилейного доклада Римскому клубу⁴, показав его сильные и слабые стороны.

Большие усилия прилагает к разработке новых алгоритмов постижения глобального мира и его социально-глобального фокуса известный отечественный философ и исследователь русского и мирового космизма Ф.И. Гиренок. Он вплотную по-

¹ См.: Урсул А.Д. Освоение Космоса (философско-методологические и социологические проблемы). М., 1967; Урсул А.Д. Человечество. Земля. Вселенная. Философские проблемы космонавтики. М., 1977.

² Чумаков А.Н. Философия глобальных проблем. М., 1994; Его же. Глобалистика в системе современного научного знания // Вопросы философии. 2012. № 7.

³ Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. М.: Мир, 2004.

⁴ Назаретян А.П. XXI век и «устаревшая философия» (По поводу юбилейного доклада Римскому клубу) // Общественные науки и современность. 2018. № 4.

дошел к переосмыслению философских подходов к пониманию мира в глобально-неравновесных, переходно-критических состояниях¹, что позволяет говорить о формировании метафилософских начал глобалистики.

Мы привели имена и работы отечественных философов, которых, вправе считать первооткрывателями или наиболее оригинальными авторами в разработке темы «новой философии глобального мира». К ним следует добавить и зарубежных авторов, о чьих работах мы упоминали в обзорной части введения к этой монографии. Эти публикации свидетельствуют о наличии определенной традиции в разработке проблемы, к которой было обращено массовое общественное внимание в юбилейном докладе Римскому клубу.

Что касается нашего подхода (для чего, собственно и написана данная монография), то, резюмируя сказанное, обратим внимание на следующие моменты:

1. Мы можем обозначить предложенный материал *глобально-философской инноватикой*. Он базируется на нашей концепции *исследовательской философии*², которая не направлена на сциентизацию новых философских подходов и разработок, а обобщает те методологически-исследовательские и аксиологически-исследовательские результаты, которые репрезентированы прежде всего в XX — начале XXI в. и в науке, и в морально-этических изысканиях, и в искусстве, и в теологии, и в политической теории и практике, и в социальном проектировании, и в других сферах человеческой деятельности, где стремление к инновационности стало всеобщим, отражая сущностные мотивы и устремления человека к творчеству и самореализации.

Отметим, что для исследовательской философии основными направлениями развития и разработок на современном этапе выступают: философская диатропика, философская альтернативистика и философская инноватика как прикладная фило-

¹ Гиренок Ф.И. Введение в сингулярную философию. М.: Проспект, 2021.

² Старостин А.М. Исследовательская философия. Ростов н/Д: РГЭУ (РИНХ), 2018. С. 46–68.

софия¹. Как раз «новую философию современного глобального мира» следует по-преимуществу отнести к области философской инноватики как прикладной философии.

2. Современная социально-глобальная динамика, репрезентированная с позиций философской инноватики может рассматриваться как определенная версия, вариант «философии глобализации», где мы старались уйти от «глобальной теории черт», «философии глобальных проблем» — к системно-целостному формату репрезентации глобализации.

Существо философско-инновационного подхода к глобализации заключается, во-первых, в выявлении основных альтернативных моделей глобализации (аспектно-секторной, эволюционно-антропологической, космической) и осмыслении вариантов их сочетания или преобладания; во-вторых, в обозначении и структурировании основных аспектов глобальной динамики (локально-цивилизационный полицентризм; ключевые стратегии глобального развития и социальных трансформаций; глобально-ролевое взаимодействие и глобальное управление; философия международных отношений и безопасность в полицентричном глобальном мире; взаимопроекция глобализации и антропологизации; репрезентация интенций русской философии как философии глобального мира; репрезентация и осмысление перспективных направлений развития России как государства-цивилизации).

3. Представленные в монографии материалы, по нашему мнению, отражают более объемное философское видение глобализации по сравнению с очерком, данным нами в 2012 г. и в соответствующих публикациях этого периода², что связано не только с исследовательской активностью, но и значительной динамикой в развитии самой глобализации.

К тому же в последние четыре года мы работаем, уже создав специализированную структуру — Институт междисциплинар-

¹ См.: *Старостин А.М.* Исследовательская философия. Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018. С. 46–68.

² См.: *Старостин А.М.* (науч. редактор и автор). Философские проблемы глобализации в контексте философской инноватики / Сб. научн. трудов. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2012.

ных исследований глобальных процессов и глокализации РГЭУ (РИНХ). И, как кажется, изначально правильно ее назвали и обозначили ее стратегию.

И последнее. К монографии дан ряд приложений, отражающих организационные и содержательные моменты авторской исследовательской деятельности, что дает представление о том, как мы следовали на практике предъявленным нами же канонам исследовательской философии, претендуя на обозначение, вынесенное в название: «Новая философия современного глобального мира».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. 50/50. Опыт словаря нового мышления. — М.: Прогресс, 1989.
2. СЕТИ (связь с внеземными цивилизациями). — М., 1975.
3. *Акаев А.А.* О новой методологии долгосрочного циклического прогнозирования динамики развития мировой системы и России / А.А. Акаев, В.А. Садовничий // Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики. — М., 2012.
4. Альтернативные модели глобализации и проблемы современной глобальной динамики. — Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018.
5. Альтернативные пути к цивилизации. — М.: Логос, 2000.
6. *Анопченко Т.Ю.* Структура социально-экономических и экологических составляющих системы комплексного развития территорий / Т.Ю. Анопченко, А.Д. Мурзин // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2012. — № 1. — С. 22–29.
7. *Анопченко Т.Ю.* Состояние экологической сферы и векторы повышения эффективности рационального природопользования в Ростовской области / Т.Ю. Анопченко, А.Д. Мурзин, Р.В. Ревунов // Экономика и экология территориальных образований. — 2019. — Т. 3. — № 2. — С. 57–64.
8. *Афанасьев В.В.* Циклы цивилизаций / В.В. Афанасьев, Г.Н. Качура. — М.: Канон+, 2010.
9. *Ашин Г.К.* Основы политической элитологии / Г.К. Ашин, А.В. Понеделков, А.М. Старостин, С.А. Кислицын. — 4-е изд. — М.: Ленанд, 2020.
10. *Бадалян Л.Г.* История. Кризисы. Перспективы / Л.Г. Бадалян, В.Ф. Криворотов. — М.: ЛИБРОКОМ, 2010.
11. *Байков А.А.* Большие тренды мирового развития: экспертный взгляд через двадцатилетие / А.А. Байков, А.С. Дундич // МЭиМО. — Т. 62. — № 5.
12. *Балацкий Е.В.* Конкуренция социально-экономических университетов России / Е.В. Балацкий, Н.А. Екимова //

- Вестник Российской академии наук. — 2018. — Т. 88. — № 10. — С. 897–907.
13. *Барановский В.Г.* Система международных отношений: формирование новых реалий / В.Г. Барановский // Глобальная перестройка. — М.: Весь мир, 2014.
 14. *Бегунов Ю.К.* 13 теорий демократии / Ю.К. Бегунов, А.В. Лукашев, А.В. Пониделко. — СПб.: Бизнес-Пресса, 2002.
 15. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. — М.: Прогресс-традиция, 2000.
 16. *Бердяев Н.А.* Душа России. Русская идея / Н.А. Бердяев. — М., 1992.
 17. *Бердяев Н.А.* Русская идея / Н.А. Бердяев. — СПб., 2008.
 18. *Блэквилл Р.* Война иными средствами. Геоэкономика и искусство управлять государством / Р. Блэквилл, Дж. Харрис. — М.: АСТ, 2017.
 19. *Богомолов О.Т.* Социально-гуманитарные аспекты модернизации России / О.Т. Богомолов // Вестник РАН. — 2012. — № 1.
 20. *Бранский В.П.* Философия физики XX в. / В.П. Бранский. — СПб., 2003.
 21. *Бранский В.П.* Философские основания проблемы синтеза релятивистских и квантовых принципов / В.П. Бранский. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1973.
 22. Будущее фундаментальной науки: концептуальные, философские и социальные аспекты проблемы. — М.: КРА-САНД, 2011. — 288 с.
 23. *Бусыгин А.В.* Эффективный менеджмент / А.В. Бусыгин. — М.: Финпресс, 2000.
 24. *Быков П.* В поисках новой легитимности / П. Быков // Эксперт. — 2020. — № 28.
 25. *Бэгоут Дж.* Тайная история атомной бомбы / Дж. Бэгоут. — М.: Эксмо, 2011.
 26. *Васина Т.* ВПК СССР / Т. Васина. — М.: Центрополиграф, 2018.

27. *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление / В.И. Вернадский. — М.: Наука, 1991.
28. *Вернадский В.И.* Пережитое и передуманное / В.И. Вернадский. — М.: Вагриус, 2007. — С. 282–304.
29. *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста / В.И. Вернадский. — М.: Наука, 1988.
30. *Владимирский Б.М.* Солнечная активность и общественная жизнь. Космическая историометрия: от первых российских космистов до наших дней / Б.М. Владимирский. — М.: ЛИ-БРОКОМ, 2017.
31. Возраст демократии // Наука и жизнь. — 2012. — № 10. — С. 53–54.
32. *Гаджиев К.С.* О фрагментации миропорядка в эпоху глобализации / К.С. Гаджиев // МЭиМО. — 2019. — Т. 63. — № 8.
33. *Гайденко П.П.* Прорыв к трансцендентному. Новая онтология XX века / П.П. Гайденко. — М.: Республика, 1997.
34. *Гарднер Г.* Мышление будущего: Пять стратегий, ведущих к успеху / Г. Гарднер. — М.: Альпина Паблишер, 2015. — 168 с.
35. *Гарднер Г.* Структура разума: теория множественного интеллекта / Г. Гарднер. — М.: Вильямс, 2007. — 512 с.
36. *Гемавит П.* Мир 3.0: Глобальная интеграция без барьеров / П. Гемавит. — М.: Альпина Паблишер, 2013.
37. *Гидденс Э.* Социология / Э. Гидденс. — М., 2005.
38. *Гиренок Ф.И.* Введение в сингулярную философию / Ф.И. Гиренок. — М.: Проспект, 2021.
39. *Гиренок Ф.И.* Удовольствие мыслить иначе / Ф.И. Гиренок. — М., 2008.
40. *Глазьев С.Ю.* Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах / С.Ю. Глазьев. — М.: Книжный мир, 2018.
41. *Глазьев С.Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С.Ю. Глазьев. — М.: Экономика, 2010.
42. *Глазьев С.Ю.* Оценка предельно-критических показателей состояния российского общества и их использова-

- ние в управлении социально-экономическим развитием / С.Ю. Глазьев, В.В. Локосов // Вестник РАН. — 2012. — Т. 82. — № 7. — С. 587–604.
43. Глобалистика. — М.—СПб.—Н.-Й.: Елима, Питер, 2006.
 44. Глобальная перестройка / отв. ред. А.А. Дынкин, Н.И. Иванова; Институт мировой экономики и международных отношений РАН. — М.: Весь мир, 2014.
 45. *Глушенкова Е.И.* Экополитология / Е.И. Глушенкова. — М.: МНЭПУ, 2010. — 210 с.
 46. *Горбачев В.Г.* Философская антропология. Движение к своему статусу в советской и постсоветской философии / В.Г. Горбачев. — М.: Либроком, 2011.
 47. *Городницкий А.М.* Тайны и мифы науки. В поисках истины / А.М. Городницкий. — М.: Эксмо, 2014. — С. 137–238.
 48. *Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ / Д. Гоулман. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018.
 49. *Гройс Б.* Русский космизм. Антология / Б. Гройс. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
 50. *Губарев В.С.* Атомная бомба. Хроника важных открытий / В.С. Губарев. — М.: Алгоритм, 2009.
 51. *Губарев П.Ю.* Государствообразующие процессы в современном геополитическом пространстве / П.Ю. Губарев, И.А. Медяник, С.И. Самыгин, А.М. Старостин. — М.: РУСАЙНС, 2017.
 52. *Губачев В.А.* Некоторые аспекты классификации сельскохозяйственных районов Ростовской области по уровню антропогенного воздействия / В.А. Губачев // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Серия «Социально-экономические науки». — 2012. — № 2. — С. 154–161.
 53. *Губин В.Д.* Философия / В.Д. Губин. — М.: Проспект, 2014.
 54. *Губин В.Д.* Человек в трех измерениях / В.Д. Губин, Е.Н. Некрасова. — М.: Изд-во РГГУ, 2010.

55. *Гудков Л.В.* Абортивная модернизация / Л.В. Гудков. — М.: РОССПЭН, 2011.
56. *Гуревич П.С.* Идентичность как социальный и антропологический феномен / П.С. Гуревич, Э.М. Спирина. — М.: Канон+, 2015.
57. *Гурова Т.* Реиндустриализация как новый консенсус / Т. Гурова, А. Ивантер, П. Скоробогатый, Н. Ульянов // Эксперт. — 2019. — № 43.
58. *Дейл К.* Физический интеллект. Как слышать свое тело и управлять эмоциями / К. Дейл, П. Пейтон. — М.: Альпина Паблишер, 2020. — 532 с.
59. *Делягин М.Г.* Конец эпохи: осторожно, двери открываются! Т. I. Общая теория глобализации / М.Г. Делягин. — М.: Книжный мир, 2019.
60. *Делягин М.Г.* Русский космос: победы и поражения / М.Г. Делягин, В.В. Шеянов. — М., 2011.
61. *Джуринский А.Н.* Высшее образование в современном мире: тренды и проблемы / А.Н. Джуринский. — М.: Прометей, 2018.
62. *Дин М.* Правительственность: власть и правление в современных обществах / М. Дин. — М.: Дело, 2016. — С. 456–459.
63. *Добреньков В.И.* Глобализация духовности / В.И. Добреньков. — М.: Академический проект, 2019.
64. *Жданов Ю.А.* Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца / Ю.А. Жданов. — Ростов н/Д: Феникс, 2004.
65. *Жданов Ю.А.* Избранное / Ю.А. Жданов: В 3 т. — Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009.
66. *Жданов Ю.А.* О двух формах объективного процесса / Ю.А. Жданов // Жданов Ю.А. Избранное. В 3 т. Т. 3. — Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009.
67. *Золотухина-Аболина Е.В.* Поиск систем философских знаний (размышление над книгой А.М. Старостина «Исследовательская философия») / Е.В. Золотухина-Аболина // Экономические науки современной России. — 2019. — № 3. С. 152–157.

68. *Ивин А.А.* Философия истории / А.А. Ивин. — М.: Гардарики, 2000.
69. *Ивин А.А.* Философские исследования науки / А.А. Ивин. — М.: Проспект, 2016.
70. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. — М.: Весь Мир, 2017.
71. *Ильенков Э.В.* Космология духа / Э.В. Ильенков // Наука и религия. — 1988. — № 8, 9.
72. *Ильин И.В.* Политическая глобалистика / И.В. Ильин, О.Г. Леонова. — М.: Юрист, 2019.
73. *Ильин И.В.* Глобальный эволюционизм. Идеи, проблемы, гипотезы / И.В. Ильин, А.Д. Урсул, Т.А. Урсул. — М.: Изд-во МГУ, 2012.
74. Интервью с С.Г. Кордонским // Русский репортер. — 2019. — № 5.
75. Искусственный интеллект. Что стоит знать о наступающей эпохе разумных машин. — М.: АСТ, 2019. — 352 с.
76. Исследование экологических проблем городов Ростовской области и пути их решения: монография / Л.З. Ганичева [и др.]. — Ростов н/Д: Изд-во РГСУ, 2014. — 156 с.
77. История и синергетика. Методология исследования. — М.: Либроком, 2009.
78. История философии в СССР. — Т. 5. — Кн. 1. — М., 1985. — С. 782–797.
79. *Казначеев В.П.* Космопланетарный феномен человека / В.П. Казначеев, Е.А. Спиринов. — Новосибирск, 1991.
80. *Казютинский В.В.* Эпистемологические проблемы универсального эволюционизма / В.В. Казютинский // Универсальный эволюционизм и глобальные проблемы. — М., 2007.
81. *Кардашев Н.С.* Астрофизический аспект проблемы поиска внеземных цивилизаций / Н.С. Кардашев // Внеземные цивилизации. — М., 1969.
82. *Катасонов В.Ю.* Империализм: метаморфозы века / В.Ю. Катасонов. — М., 2019.

83. *Князева Е.Н.* Синергетика: нелинейность времени и ландшафты коэволюции / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. — М.: КомКнига, 2007.
84. *Койре А.* Очерки истории философской мысли / А. Койре. — М.: Изд-во УРСС, 2004.
85. *Кокошин А.А.* О системном и ментальном подходах к мирополитическим исследованиям / А.А. Кокошин. — М.: ЛЕНАНД, 2008.
86. *Колодко Г.В.* Глобализация, трансформация, кризис — что дальше? / Г.В. Колодко. — М.: Магистр, 2015.
87. *Кондратьев В.Б.* Новый этап глобализации: особенности и перспективы / В.Б. Кондратьев // МЭиМО. — Т. 62. — № 6. — С. 5–17.
88. *Кондратьев Н.Д.* Кризисы и периоды в свете теории длинных волн. Взгляд из современности / Н.Д. Кондратьев. — М.: Учитель, 2017.
89. Кондратьевские волны: к 125-летию со дня рождения Н.Д. Кондратьева. Ежегодник. — Волгоград: Учитель, 2018.
90. *Константинов А.* Удвоение русского Хирша / А. Константинов // Эксперт. — 2021. — № 14.
91. Конституция Российской Федерации. Новая редакция. — М.: Проспект, 2020.
92. Контуры цифровой реальности: гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего. — М.: Ленанд, 2020. — С. 79–88.
93. Концепция «Общества знания» в современной социальной теории. — М., 2010.
94. *Кордонский С.Г.* Россия. Поместная Федерация / С.Г. Кордонский. — М.: Европа, 2010.
95. *Кордонский С.Г.* Сословная структура постсоветской России / С.Г. Кордонский. — М., 2000.
96. Космическая философия К.Э. Циолковского. — М., 2001.
97. *Красиков В.И.* Русская философия today / В.И. Красиков. — М., 2008.
98. *Крол А.* Теория каст и ролей / А. Крол. — М.: Э, 2018.

99. *Кулаков Ю.И.* Введение в теорию физических структур и бинарную геометрофизику / Ю.И. Кулаков, Ю.С. Владимиров, А.В. Карнаухов. — М.: Архимед, 1992.
100. *Куракина О.Д.* Русский космизм как социокультурный феномен / О.Д. Куракина. — М., 1993.
101. *Лапкин А.И.* Основания физики. Взгляд из теоретической физики / А.И. Лапкин. — М.: URSS, 2014.
102. *Лебедева М.М.* Современные мегатренды мировой политики / М.М. Лебедева // МЭиМО. — Т. 63. — № 9.
103. *Леньков Р.В.* Социальное прогнозирование и проектирование / Р.В. Леньков. — М.: Форум, 2012.
104. *Лефевр В.А.* Рефлексия / В.А. Лефевр. — М.: Когито-Центр, 2003. — 496 с.
105. *Линдси Б.* Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма / Б. Линдси. — М.: ИРИСЭН, 2008.
106. *Маслобоева О.Д.* Российский органицизм и космизм XIX–XX вв.: эволюция и актуальность / О.Д. Маслобоева. — М., 2007.
107. Материалы к заседанию Российского комитета по программе ЮНЕСКО «Управление социальными преобразованиями — МОСТ» при Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО 11.12.2019.
108. *Медоуз Д.* Пределы роста: 30 лет спустя / Д. Медоуз, Й. Рандерс, Д. Медоуз. — М., 2012.
109. Междисциплинарный синтез в изучении мировой экономики и политики / под ред. Ф.Г. Войтоловского, А.В. Кузнецова. — М.: Крафт+, 2012.
110. Метафизика. Век XXI. Альманах. — Вып. 2. — М.: Бином, Лаборатория знаний, 2007.
111. *Мигдал А.Б.* Физика и философия / А.Б. Мигдал // Вопросы философии. 1990. № 1.
112. Мировоззренческие вопросы исторического образования и воспитания в глобальном контексте. — Ростов н/Д: Мини-Тайп, 2019.

113. Мировойна. Все против всех. Новейшие концепции боевых действий англосаксов. — М.: Книжный мир, 2015.
114. *Мирский Э.М.* Междисциплинарные исследования / Э.М. Мирский // Новая философская энциклопедия в 4 т. — Т. 2. — М.: Мысль, 2010.
115. *Мирский Э.М.* Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки / Э.М. Мирский. — М.: Наука, 1980.
116. Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке. — М.: Прогресс-Традиция, 2007.
117. *Назаретян А.П.* XXI век и «устаревшая философия» (по поводу юбилейного доклада Римскому клубу) / А.П. Назаретян // Общественные науки и современность. — 2018. — № 4. — С. 160–175.
118. *Назаретян А.П.* Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории / А.П. Назаретян. — М.: Мир, 2004.
119. *Налимов В.В.* Разбрасываю мысли / В.В. Налимов. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 344 с.
120. *Нейсбит Р.Э.* География мысли / Р.Э. Нейсбит. — М.: Астрель, 2011.
121. *Николаенко Н.М.* Космизм в контексте отечественной философской культуры / Н.М. Николаенко. — Омск, 2006.
122. Новейший словарь иностранных слов и выражений. — Минск: Современный литератор, 2007.
123. Новое понимание субъектности и проблемы философской инноватики. Материалы круглого стола. — М.—Ростов н/Д—Нижегород, 2012.
124. Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России. — М.: Международные отношения, 2018.
125. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года. Указ Президента РФ № 474. 21 июля 2020 г. // Российская газета. — 2020. — № 159.
126. О состоянии окружающей среды и природных ресурсов Ростовской области в 2017 г. // Экологический вестник Дона. — Ростов н/Д: Альгаир, 2018. — 364 с.

127. *Олейников Ю.В.* Ноосферный проект социоприродной эволюции / Ю.В. Олейников, А.А. Оносов. — М.: Изд-во ИФАН, 1999.
128. Основы общей теории международных отношений / под ред. А.С. Маныкина. — М.: Изд-во МГУ, 2009.
129. *Осьмова М.Н.* Глобальные вызовы устойчивому развитию мировой экономики / М.Н. Осьмова, В.П. Клавдиенко, Г.И. Глущенко. — М.: Проспект, 2016.
130. *Пантин В.И.* Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении / В.И. Пантин. — М.: Новый век, 2003.
131. *Параг Х.* Коннектография. Будущее глобальной цивилизации / Х. Параг. — М., 2019.
132. *Парсонс Т.* Система современных обществ / Т. Парсонс. — М.: Аспект-Пресс, 1998.
133. *Переслегин С.* Скрытая история Второй мировой. Новый взгляд на Войну между Реальностями / С. Переслегин. — М.: Эксмо, 2012.
134. *Петров М.К.* Язык, знак. Культура / М.К. Петров. — М.: УРСС, 2004. 388 с.
135. *Печчеи А.* Архитекторы мира. Записки Римского клуба / А. Печчеи. — М.: Родина, 2020.
136. *Печчеи А.* Человеческие качества / А. Печчеи. — М.: Прогресс, 1980.
137. *Поликарпов В.С.* Прикладная философия / В.С. Поликарпов, Е.В. Поликарпова, В.А. Поликарпов. — Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2017.
138. *Польре Б.* Когнитивный капитализм на марше / Б. Польре // Политический журнал. — 2008. — № 2.
139. *Понделков А.В.* Элита / А.В. Понделков. — Ростов н/Д, 1995.
140. *Попкова Н.В.* Философская экология / Н.В. Попкова. — М.: Либроком, 2018.
141. Постмодерн. Современный философский словарь / под ред. В.Е. Кемерова. — М.: Бишкек—Екатеринбург, 1996.

142. *Потемкин А.В.* Метафилософские диатрибы на берегах Кизитеринки / А.В. Потемкин. — Ростов н/Д: Ростиздат, 2003.
143. Практическая философия / под ред. А.Н. Чумакова. — М.: Проспект, 2017.
144. *Пржиленский В.И.* Современная философия. Интеллектуальные технологии XXI века / В.И. Пржиленский. — М.: Проспект, 2017.
145. *Пригожин А.И.* Цели и ценности. Новые методы работы с будущим / А.И. Пригожин. — М., 2010.
146. Проблема совершенствования человека в свете новых технологий. — М.: Ленанд, 2015.
147. *Прохоров А.П.* Русская модель управления / А.П. Прохоров. — М.: Студия Артемия Лебедева, 2017.
148. *Радкау Й.* Природа и власть / Й Радкау. — М.: Изд-во ВШЭ, 2014. — С. 329–336.
149. Развитие гражданского общества в регионах России. — Тула: Изд-во ТулГУ, 2019.
150. *Рассел Б.* История западной философии / Б. Рассел. — М.: МИФ, 1993.
151. *Ревунов Р.В.* Актуальные проблемы природопользования на мезоэкономическом уровне (на примере Ростовской области) / Р.В. Ревунов, В.А. Губачев, Л.А. Новосельская, В.Н. Чумакова // Финансовая экономика. — 2018. — № 6. — С. 228–230.
152. Рефлексивный подход: от методики к практике. — М.: Когито-Центр, 2009. — 417 с.
153. *Римский В.Л.* Архаизация политических элит и государственного управления России / В.Л. Римский // Власть и элиты. — Т. 5. — СПб.: Изд-во СИ РАН, 2018.
154. Российская наука международных отношений: новые направления / под ред. А.П. Цыганкова, П.А. Цыганкова. — М.: ПерСэ, 2005.
155. Российская наука международных отношений: новые направления / под ред. А.П. Цыганова, П.А. Цыганкова. — М.: ПерСэ, 2005.

156. *Рубцов В.В.* Проблема внеземных цивилизаций / В.В. Рубцов, А.Д. Урсул. — Кишинев, 1986.
157. Русская философия. Энциклопедия. — М., 2007.
158. Русский космизм: Антология философской мысли. — М., 1993.
159. *Сапронов П.А.* Русская философия. Проблема своеобразия и основные линии развития / П.А. Сапронов. — СПб., 2008.
160. *Свендсен Л.* Философия философии / Л. Свендсен. — М.: Прогресс-Традиция, 2018.
161. *Севастьянов В.И.* Космонавтика и научный эксперимент (проблемы методологии) / В.И. Севастьянов, А.М. Старостин, А.Д. Урсул. — М., 1979.
162. *Севастьянов В.И.* Эра космоса: общество и природа / В.И. Севастьянов, А.Д. Урсул. — М., 1972.
163. *Семенов В.С.* Перспективы урегулирования конфликта на Юго-Востоке Украины / В.С. Семенов // Международная жизнь. — 2019. — № 3.
164. *Скоробогатый П.* Конституционный пролог к будущему / П. Скоробогатый // Эксперт. — 2020. — № 28. — С. 14–15.
165. *Следзевский Н.В.* Цивилизационное измерение современного мирового развития: проблемы и подходы / Н.В. Следзевский // МЭиМО. — 2020. — Т. 64. — № 1.
166. *Смирнов А.В.* Всечеловеческое VS общечеловеческое / А.В. Смирнов. — М.: Садра, 2019.
167. *Смирнов И.И.* Тропы истории. Криптоаналитика глубинной власти / И.И. Смирнов. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2020.
168. *Смыслов Д.В.* Эволюция глобализации мировой экономики: современные тенденции / Д.В. Смыслов // МЭиМО. — Т. 63. — № 2. — С. 5–12.
169. *Сноу Ч.П.* Две культуры / Ч.П. Сноу. — М.: Прогресс, 1973. — 144 с.
170. Современная политическая наука. Методология. — М.: Аспект пресс, 2019.
171. Социальное проектирование в эпоху культурных трансформаций. — М.: Изд-во ИФ РАН, 2008.

172. Сравнительная политология. — М.: Аспект-Пресс, 2018.
173. *Стариков Н.В.* Сталин. После войны / Н.В. Стариков. — Книга 1. 1945–1948. — М.: Эксмо, 2019.
174. *Сунгуров А.Ю.* Как возникают политические инновации. Фабрики мысли и другие институты-медиаторы / А.Ю. Сунгуров. — М.: РОССПЭН, 2015.
175. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека / П. Тейяр де Шарден. — М.: Мысль, 1965.
176. *Торчинов Е.А.* Пути философии Востока и Запада: познание запредельного / Е.А. Торчинов. — СПб: Азбука-Классика, 2007. — 480 с.
177. *Тощенко Ж.Т.* Социология / Ж.Т. Тощенко. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
178. *Турчин А.В.* Футурология. XXI век: бессмертие или глобальная катастрофа? / А.В. Турчин, М.А. Батин. — М.: БИНОМ, 2013.
179. *Турчин П.В.* Историческая динамика. На пути к теоретической истории / П.В. Турчин. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
180. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года».
181. Универсальный эволюционизм и глобальные проблемы. — М., 2007.
182. *Урсул А.Д.* Освоение Космоса (философско-методологические и социологические проблемы) / А.Д. Урсул. — М., 1967.
183. *Урсул А.Д.* Феномен ноосферы: глобальная эволюция и ноосферогенез / А.Д. Урсул. — М., 2015.
184. *Урсул А.Д.* Человечество. Земля. Вселенная. Философские проблемы космонавтики / А.Д. Урсул. — М., 1977.
185. *Урсул А.Д.* Космонавтика и социальная деятельность / А.Д. Урсул, А.И. Дронов. — Кишинев, 1985.
186. *Урсул А.Д.* Эволюция, космос, человек / А.Д. Урсул, Т.А. Урсул. — Кишинев, 1986.
187. Устойчивое развитие // Эксперт. — 2019. — № 51. — С. 31–53.
188. *Федотова К.Е.* Россия и ЮНЕСКО: культурные аспекты внешней политики / К.Е. Федотова. — М.: Канон+, 2019.

189. *Философия образования в глобальном и национальном измерении: монография.* — Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018.
190. *Философия русского космизма.* — М., 1996.
191. *Философская инноватика и русский космизм.* — Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2011.
192. *Финн В.К.* К структурной когнитологии: феноменология сознания с точки зрения искусственного интеллекта / В.К. Финн // *Вопросы философии.* — 2009. — № 1.
193. *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее / Ф. Фукуяма. — М., 2008.
194. *Хайруллин К.Х.* Философия космизма / К.Х. Хайруллин. — Казань, 2003.
195. *Хархордин О.* Основные понятия российской политики / О. Хархордин. — М.: Новое литературное обозрение, 2011.
196. *Хейфец Б.А.* Глобализация не кончается, она становится другой / Б.А. Хейфец // *Контурь глобальных трансформаций.* — 2018. — Т. 11. — № 1.
197. *Холодковский К.Г.* Глобализация vs национальное государство — попятное движение? / К.Г. Холодковский // *МЭиМО.* — 2019. — Т. 63. — № 2.
198. *Храмкова Е.Л.* Разработка инновационного продукта: семь поводов задуматься о будущем / Е.Л. Храмкова // *Инновации.* — 2009. — № 9. — С. 118 — 120.
199. *Циолковский К.Э.* Воля вселенной. Космическая философия / К.Э. Циолковский. — М.: Эксмо, 2015.
200. *Чайковский Ю.В.* Активный связный мир / Ю.В. Чайковский. — М., 2008.
201. *Чайковский Ю.В.* Познавательные модели, плюрализм и выживание / Ю.В. Чайковский // *Путь. Международный философский журнал.* — 1992. — № 1
202. *Черникова И.В.* Глобальный эволюционизм: философско-методологический анализ / И.В. Черникова. — Томск, 1987.
203. *Чижевский А.Л.* Космический пульс жизни / А.Л. Чижевский. — М.: Мысль, 1995.

204. *Чудинов С.И.* Экстремизм в глобальном обществе риска / С.И. Чудинов. — М.: Наука, 2016.
205. *Чумаков А.Н.* Глобалистика в системе современного научного знания / А.Н. Чумаков // Вопросы философии. — 2012. — № 7.
206. *Чумаков А.Н.* Глобальный мир: столкновение интересов: монография / А.Н. Чумаков // Институт философии РАН. — М.: Проспект, 2018.
207. *Чумаков А.Н.* Философия глобальных проблем / А.Н. Чумаков. — М., 1994.
208. *Шаститко Е.А.* Модели человека в экономической теории / Е.А. Шаститко. — М.: ИНФРА-М, 2006.
209. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция / К. Шваб. — М.: Э, 2017.
210. *Швец Л.Г.* Справедливость в гендерном измерении / Л.Г. Швец // Социальная справедливость в современном мире. — М.: Ключ-С, 2017.
211. *Шкловский И.С.* Вселенная, жизнь, разум / И.С. Шкловский. — 3-е изд. — М., 1973.
212. *Шляпентох В.* Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры / В. Шляпентох. — Нью-Йорк, 2007.
213. *Шрейдер Ю.А.* Загадочная притягательность философии (субъективные заметки) / Ю.А. Шрейдер // Как это было: воспоминания и размышления. — М.: РОССПЭН, 2010.
214. *Югай Г.А.* Голография Вселенной и новая универсальная философия. Возрождение метафизики и новая революция в философии / Г.А. Югай. — М.: Крафт+, 2007.
215. *Яницкий О.Н.* Биосфера и социосфера: как совместить их исследование? / О.Н. Яницкий // Общественные науки и современность. — 2019. — № 1. — С. 178–188.
216. *Rasmussen M.V.* The Risk Society at War. Terror, Technology and Strategy in the Twenty-First Century. N.-Y., 2006.

217. *Wijkman A., Weizsäcker E. von.* Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. New York, Springer, 2018. 220 p.

**Авторская библиография
по глобалистике и прикладной философии**

1. *Старостин А.М.* Новая философия глобального мира: проблемная репрезентация: монография / А.М. Старостин. — Ростов н/Д: Мини-Тайп, 2021.
2. Мировоззренческие вопросы исторического образования и воспитания в глобальном контексте: коллективная монография / отв. ред. А.М. Старостин. — Ростов н/Д: Мини-Тайп, 2019.
3. *Старостин А.М.* Философия в академической, диатропической и исследовательской проекциях / А.М. Старостин // CRITIC. A Journal of the Centre of Russian Studies. New Delhi — 110002 (IN DJA). — 2019. — № 16. — С. 102–109.
4. *Старостин А.М.* Когнитивный аспект репрезентации социальных трансформаций в координатах современной глобальной динамики / А.М. Старостин // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2021. — № 1. — С. 141–146.
5. *Старостин А.М.* Новая философия глобального полицентричного мира / А.М. Старостин // Век глобализации. 2020. № 1. С. 28–44.
6. *Старостин А.М.* Современные энвайроментальные проблемы в глобальном и локальном контексте / А.М. Старостин, Г.А. Урбан, Е.Н. Тованцова, Л.В. Левчук // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2020. — № 4. — С. 130–136.
7. *Старостин А.М.* Новое измерение глобализации: антивирусная глобализация / А.М. Старостин // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2020. — № 8.
8. *Старостин А.М.* Контуры политического управления в условиях нового российского конституционного порядка:

- национальный и глобальный аспекты / А.М. Старостин // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2020. — № 9.
9. *Старостин А.М.* Альтернативные модели глобализации в контексте современной глобальной динамики / А.М. Старостин // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2020. — № 10.
 10. *Старостин А.М.* Мироззренческие вопросы современного исторического образования в глобальном контексте / А.М. Старостин // в колл. моногр. «Мироззренческие вопросы исторического образования и воспитания в глобальном контексте». — Ростов н/Д: Мини Тайп, 2019 (план 2020 г.).
 11. *Старостин А.М.* Антикоррупционное обеспечение национальных проектов: междисциплинарный взгляд / А.М. Старостин, Е.Н. Тованчова, Ю.Л. Шепелева // В сб. «Проблемы борьбы с коррупцией в современных условиях. Материалы круглого стола 28 мая 2020 г. — Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2020. — С. 568–575.
 12. *Старостин А.М.,* Урбан Г.А., Тованчова Е.Н., Левчук Л.В. Энвайроментальные проблемы Донского региона в глобальном и локальном контексте / А.М. Старостин, Г.А. Урбан, Е.Н. Тованчова, Л.В. Левчук // В сб. материалов XIII международной научно-практической конференции «Состояние и перспективы развития агропромышленного комплекса». — Ростов н/Д: Изд-во ДГТУ, 2020.
 13. *Старостин А.М.* Глобальные социальные трансформации в координатах концепции социальных инноваций / А.М. Старостин // В сб. трудов VI Международного Конгресса «Глобалистика-2020». Глобальные проблемы и будущее человечества». 19–22 мая 2020 г. — М.: Изд-во МГУ, 2020.
 14. *Старостин А.М.* Рефлексивное управление в глобальных координатах / А.М. Старостин, Е.Н. Тованчова, Л.А. Лобова // Интеллектуальные ресурсы — региональному развитию. — 2020. — № 2.

15. *Старостин А.М.* Новая философия глобального мира: проблемная репрезентация / А.М. Старостин // В сб. трудов VI Международного Конгресса «Глобалистика-2020». Глобальные проблемы и будущее человечества». 19–22 мая 2020 г. М.: Изд-во МГУ, 2020.
16. *Старостин А.М.* Новая волна глобализации: «План В» — антивирусная глобализация / А.М. Старостин // В сб. трудов VI Международного Конгресса «Глобалистика-2020». Глобальные проблемы и будущее человечества». ИФ АН РФ, 19–22 мая 2020 г. — М.: Изд-во МГУ, 2020.
17. *Старостин А.М.* Социально-проектные идеи Ю.А. Жданова в контексте программы ЮНЕСКО МОСТ (управление социальными преобразованиями) / А.М. Старостин // В сб. материалов Ждановских Чтений — 2020. — Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2020.
18. *Старостин А.М.* Концепция множественного интеллекта и ее репрезентация в цифровом мире / А.М. Старостин // В сб. материалов V Международной научной конференции «Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании — 2020». — Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2020.
19. *Старостин А.М.* Дискурсивный анализ социальных трансформаций в координатах современной глобальной динамики / А.М. Старостин // В сб. трудов «Новый вектор развития экономики» под ред. Н.Г. Кузнецова. — Ростов н/Д, РГЭУ (РИНХ), 2020.
20. *Старостин А.М.* Стратегии социальных трансформаций в координатах глобальных изменений / А.М. Старостин // В сб. материалов VIII Международной научно-практической конференции «Многополярная глобализация в России». — Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2021.
21. *Старостин А.М.* Междисциплинарные проблемы международных отношений в глобальном контексте: колл. монография / А.М. Старостин [и др.]. — Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2019. — 324 с.

22. *Старостин А.М.* Философия международных отношений: введение в проблему / А.М. Старостин // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2019. — № 5. — С. 107–114.
23. *Старостин А.М., Швец Л.Г.* Местное самоуправление в условиях глобализации: проблема релевантности трансфера гуманитарных инноваций / А.М. Старостин, Л.Г. Швец // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2019. — № 4. — С. 140–146.
24. *Старостин А.М.* Стратегические направления современной глобальной динамики в контексте политической философии / А.М. Старостин // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2019. — № 9. — С. 133–137.
25. *Старостин А.М.* Инновационные социально-гуманитарные технологии политического влияния в процессе современной глобализации / А.М. Старостин, Е.Н. Тованчова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2019. — № 11. — С. 140–145.
26. *Старостин А.М.* Национальные элиты и глобальное управление / А.М. Старостин // В сб.: IX Южно-Российский политологический конвент «Лидеры, группы, массы: российская полития и вызовы современности». Материалы Всероссийской конференции с международным участием. — 2019. — С. 43–45.
27. *Старостин А.М.* Глобальный кватернион и стратегии мировой динамики / А.М. Старостин // В сборнике: Современная архитектура мировой экономики (4I's): инвестиции, инновации, индустрия, интеграция. Материалы международной научно-практической конференции. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). — 2019. — С. 72–80.
28. *Старостин А.М.* Глобальный кватернион и стратегии мировой динамики / А.М. Старостин // В сб.: IX Южно-Россий-

- ский политологический конвент «Лидеры, группы, массы: российская политика и вызовы современности». Материалы Всероссийской конференции с международным участием. — 2019. — С. 111–118.
29. *Старостин А.М.* Глобальные волны инновационного развития и возможные перспективы России в XXI веке: междисциплинарный взгляд / А.М. Старостин // В сб. «Новая экономическая политика для России и мира». Сборник научных трудов участников Международной научной конференции. XXVII Кондратьевские чтения. под редакцией В.М. Бондаренко. — 2019. С. 183–190.
30. *Старостин А.М.* Научные и социальные риски проектирования в эпоху глобализации: опыт и риски больших проектов / А.М. Старостин // В сб. «Потенциал региональной науки как ресурс повышения эффективности в реализации национальных проектов на Юге России». — Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2019. — С. 49–56.
31. *Старостин А.М., Швец Л.Г.* Факторы пространственной глобализации на Юге России в контексте концепции альтернативных моделей глобализации / А.М. Старостин, Л.Г. Швец // В сб. «Пространственный потенциал развития России: невыученные уроки и задачи на будущее. Сб. трудов XXVI Международных Кондратьевских чтений». — М.: Изд-во ИЭ РАН, МООСИПНН Н.Д. Кондратьева. 2019. — С. 364–372.
32. *Старостин А.М.* Философия международных отношений в контексте современной глобальной динамики / А.М. Старостин // В сб. научн. Трудов VI Всероссийской научно-практической конференции МГУ 4–6 июня 2019 г. — М.: Изд-во МГУ, 2019. — С. 328–335.
33. *Старостин А.М.* Стратегические направления современной глобальной динамики и их глокальная проекция (на примере Южно-Российского макрорегиона) / А.М. Старостин // В сб. «Кавказ в орбите международных отношений. Материалы научно-практического форума 11–14 ноября 2019 г. — Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2019.

34. *Старостин А.М.* Философия международных отношений в контексте современной глобальной динамики / А.М. Старостин // В колл. моногр. «Междисциплинарные проблемы международных отношений в глобальном контексте». — Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2019. — С. 5–16.
35. *Старостин А.М.* Философия безопасности в современном глобальном обществе / А.М. Старостин // В сб. «Многополярная глобализация и Россия. Материалы VII Международной научно-практической конференции». — Т. 1. — Ростов н/Д, 2019. — С. 59–66.
36. *Старостин А.М.* Soft-power и sharp-power — новые технологии влияния в процессе современной глобализации / А.М. Старостин, Е.Н. Тованчова, И.Ф. Денисенко // В сб. «Управление государственное, муниципальное и корпоративное: теория и лучшие практики. Материалы четвертой международной научно-практической конференции». — Ростов н/Д: Изд-во РГУПС, 2019. — С. 245–254.
37. *Старостин А.М.* Глобальный кватернион и новые стратегии развития / А.М. Старостин // В сб. «Современная архитектура мировой экономики: инвестиции, инновации, индустрия, интеграция». Материалы международной научно-практической конференции. 6–7 декабря 2019 г. — Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2019. — С. 72–80.
38. *Старостин А.М.* Стратегические направления современной глобальной динамики: междисциплинарный ракурс / А.М. Старостин // Глава в колл. монографии «Глобальные вызовы современного развития экономических систем: новые риски и приоритеты (научн. ред. Н.Г. Кузнецов). — Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2019. С. 174–186.
39. Альтернативные модели глобализации и проблемы современной глобальной динамики: колл. моногр. (научн. ред. А.У. Альбеков, Г.Г. Матишов, А.М. Старостин). — Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018.
40. *Старостин А.М.* Исследовательская философия в системном и инструментальном измерении: монография / А.М. Старостин. — Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018.

41. *Старостин А.М.* Глобализация современного мира: Концептуальная репрезентация: монография / А.М. Старостин. — Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018.
42. *Старостин А.М.* Философия образования в глобальном и национальном измерении: колл. монография (науч. ред. А.У. Альбеков, А.М. Старостин, А.Ю. Голобородько) / А.М. Старостин. — Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018.
43. Старостин. А.М. Этика как прикладная философия: инновационный взгляд / А.М. Старостин // Critic. — A journal of the Centre of Russian Studies. Jawaharin Nehru University. 2017–2018. — № 14. — P. 119–125
44. *Старостин А.М., Тованцова Е.Н., Шенелева Ю.Л.* Gathers the proceedings of the 6th ISC Conference “The Future of the Global Financial System: Downfall of Harmony”, “An Individual in the Contemporary Public Administration” Held in Larnaca, Cyprus on April 13–14, 2018.
45. *Старостин А.М., Швец Л.Г.* Философия безопасности в глобальном обществе в контексте современной прикладной философии / А.М. Старостин, Л.Г. Швец // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2018. — № 6. — С. 120–125.
46. *Старостин А.М.* Философия в диатрибической и исследовательской проекции (на материале кейс-стади «Политическая философия») / А.М. Старостин // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2018. — № 10. — С. 102–107.
47. *Старостин А.М.* Современная глобализация: аскрептивный, дескриптивный, эссенциальный дискурсы / А.М. Старостин // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2018. — № 12. — С. 119–126.
48. *Старостин А.М.* Альтернативная когнитология как фактор формирования новой волны глобализации / А.М. Старостин // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2018. — № 8. — С. 135–140.

49. *Старостин А.М.* Философия безопасности в современных глобальных процессах / А.М. Старостин, Л.Г. Швец, Л.А. Лобова // В ст. «Актуальные проблемы глобальных исследований: ценности глобального мира». Сб. научных трудов участников V международной научно-практической конференции в МГУ им. М.В. Ломоносова. — М., 2018. — С. 170–174.
50. *Старостин А.М.* Смена парадигмы в современной глобалистике: социальные и когнитивные детерминанты / А.М. Старостин // *Caucasian Science Bridge*. — 2018. — № 1. — С. 25–35.
51. *Старостин А.М.* Философия безопасности в обществе риска / А.М. Старостин // *А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки)*. — 2018. — № 2. — С. 6.
52. *Старостин А.М.* Альтернативная когнитология для цифрового мира / А.М. Старостин // В сб. трудов III Международной конференции «Академический мир и проблемы становления цифрового общества». — Ростов н/Д, 2018.
53. *Старостин А.М.* Исследовательская философия как инструментарий междисциплинарного фрейминга / А.М. Старостин // В сб. Молодежные научные чтения «Наука и техника, общество и культура». — Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2018
54. *Старостин А.М.*, Альбеков А.У. Глобальная динамика современного мира в контексте смены парадигмы в глобалистике / А.М. Старостин // *Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)*. — 2017. — № 3.
55. *Старостин А.М.* Современные исследования в глобалистике: поиск путей междисциплинарного синтеза / А.М. Старостин // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. — 2017. — № 9.
56. *Старостин А.М.* Проблема человека в современной глобалистике / А.М. Старостин // *А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки)*. — 2017. — № 2.

57. *Старостин А.М.* Глобальная и глокальная данджерология как междисциплинарное направление / А.М. Старостин // В сб.: «Защита окружающей среды как фактор социально-экономического развития территорий муниципальных образований: опыт и проблемы». — Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2017.
58. *Старостин А.М.* Альтернативные модели глобалистики и реалии современного глобального мира / А.М. Старостин // В сб. материалов V Международного конгресса «Глобалистика, глобальная экология и устойчивое развитие». — М.: Изд-во МГУ, 2017.
59. *Старостин А.М.* Современная глобалистика на пути к междисциплинарности / А.М. Старостин // В сб. материалов 2-й Всерос. научной конф. «Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании». — Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2017.
60. *Старостин А.М.* Идеи Ю.А. Жданова и современные проблемы глобальной экологии / А.М. Старостин // В сб. материалов «Ю.А. Жданов и проблемы экологии». — Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2017.
61. *Старостин А.М.* Государствообразующие процессы в современном геополитическом пространстве: колл. монография / А.М. Старостин, С.И. Самыгин, П.Ю. Губарев. — М., 2017.
62. *Старостин А.М.* Русский космизм в контексте современной философской деятельности / А.М. Старостин // Век глобализации. — 2016. — № 1–2.
63. *Старостин А.М.* Новая «матрица науки» для информационного общества / А.М. Старостин // В сб. трудов II Международной научной конференции «Философские проблемы естествознания и технических наук». — Ростов н/Д–Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2016.
64. *Старостин А.М., Швец Л.Г., Понеделков А.В.* Российский путь к политической устойчивости и сбалансированности / А.М. Старостин, Л.Г. Швец, А.В. Понеделков // ПОЛИТЭК. — 2016. — Т. 12. — № 1.

65. *Старостин А.М.* (науч. ред. и автор). Современная прикладная философия: проблемы и перспективы развития / А.М. Старостин // В колл. моногр. «Проблемы операционализации и интерпретации междисциплинарного знания в контексте современной прикладной философии». — Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2016.
66. *Старостин А.М.* Прикладная философия как философская инноватика: монография / А.М. Старостин. — Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015.
67. *Старостин А.М.,* Понеделков А.В., Атоян Ш.М. Трансформация регистров эффективности государства: от социально-экономической к цивилизационной / А.М. Старостин // Власть. — 2015. — № 6.
68. *Старостин А.М.* Мировоззренческий опыт в системе социальной практики: цивилизационный контекст / А.М. Старостин // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2015. — № 9.
69. *Старостин А.М.* (научный ред. и автор). Сборник научных трудов «Цивилизационная парадигма в философии и смысло-жизненная рефлексия» / А.М. Старостин. — Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015.
70. *Старостин А.М.* (научный ред. и автор). Сборник научных трудов «Философская инноватика: проблемы, поиски, решения. Ежегодник-2015» / А.М. Старостин. — Ростов н/Д: ЮРИУ РАНХиГС, 2015.
71. *Старостин А.М.* Summa Philosophiae в прикладном измерении: монография / А.М. Старостин. — Ростов н/Д: Дониздат, 2014.
72. *Старостин А.М.* (научный ред. и автор). Сборник научных трудов «Компаративное измерение философской инноватики» / А.М. Старостин. — Ростов н/Д: Дониздат, 2014.
73. *Старостин А.М.* (научный ред. и автор). Сборник научных трудов «Современная когнитология и когнитивная аналитика в контексте философской инноватики» / А.М. Старостин. — Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2014.

74. *Старостин А.М.* Концепт SOFT POWER в современной политической философии / А.М. Старостин // Дискурс-Пи. — 2014. — Т. 11. — № 1.
75. *Старостин А.М.* Философия конфликтологии: статус направления научного поиска и базовые проблемы / А.М. Старостин // Конфликтология. — 2014. — № 5S.
76. *Старостин А.М.* Когнитология и когнитивная аналитика в социально-гуманитарных исследованиях: состояние и перспективы развития / А.М. Старостин // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. — 2014. — № 2.
77. *Старостин А.М.* Философия политики: статус направления, решаемые задачи, перспективы исследований / А.М. Старостин // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. — 2014. — № 4.
78. *Старостин А.М.* Философская инноватика в контексте системно-компаративной модели философской деятельности / А.М. Старостин // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. — 2014. — № 3.
79. *Старостин А.М.* Когнитивная аналитика в системе государственного и корпоративного управления (к постановке проблемы) / А.М. Старостин // Научная мысль Кавказа. — 2014. — № 1.
80. *Старостин А.М.* Философская инноватика как инструментальный междисциплинарного синтеза / А.М. Старостин // В сборнике: Философские вопросы естествознания и технических наук. Материалы международной научной конференции. — 2014.
81. *Старостин А.М.* (научный ред. и автор). Сборник научных трудов «Философская инноватика: проблемы, поиски, решения. Ежегодник-2012» / А.М. Старостин. — Ростов н/Д: Дониздат, 2013.
82. *Старостин А.М.* (научный ред. и автор). Сборник научных трудов «Социально-гуманитарное познание в контексте философской инноватики» / А.М. Старостин. — Ростов н/Д: Дониздат, 2013.

83. *Старостин А.М.* (научный ред. и автор). Сборник научных трудов «Философия элитологии» / А.М. Старостин. — Ростов н/Д: Дониздат, 2013.
84. *Старостин А.М.,* Понеделков А.В., Швец Л.Г. Современная элитология: когнитивный дискурс / А.М. Старостин, А.В. Понеделков, Л.Г. Швец // Гуманитарий Юга России. — 2013. — № 4.
85. *Старостин А.М.* Концепты эффективности государственного управления в контексте различных кратических моделей / А.М. Старостин // Научные труды Северо-Западного института управления. — 2013. — Т. 4. — № 5.
86. *Старостин А.М.* Политологические инновации в контексте социально-гуманитарной инноватики / А.М. Старостин // Конфликтология. — 2013. — Т. 3.
87. *Старостин А.М.* Стратегическое управление в многосоставном обществе: российский контекст (к постановке проблемы) / А.М. Старостин // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2013. — № 3.
88. *Старостин А.М.* Философия местного самоуправления / А.М. Старостин // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. — 2013. — № 3.
89. *Старостин А.М.* Философская инноватика как вид философского дискурса / А.М. Старостин // Новые идеи в философии. — 2013. — Т. 1. — № 21.
90. *Старостин А.М.* Нужна ли наука в постиндустриальном обществе (о социальном сциентизме Ю.А. Жданова и современном социальном антисциентизме) / А.М. Старостин // Государственная служба. — 2013. — № 5.
91. *Старостин А.М.* Философия элитологии: новое направление философских исследований / А.М. Старостин // Государственная служба. — 2013. — № 4.
92. *Старостин А.М.* Социально-гуманитарные инновации: проблемы философского осмысления / А.М. Старостин // Государственная служба. — 2012. — № 5.
93. *Старостин А.М.* Социально-гуманитарные инновации: проблемы философского осмысления (окончание, начало

- в № 5 2012 г.) / А.М. Старостин // Государственная служба. — 2012. — № 6.
94. *Старостин А.М.* (научный ред. и автор). Сборник научных трудов «Философская инноватика и междисциплинарные проблемы современного образования» / А.М. Старостин. — Ростов н/Д: Дониздат, 2012.
95. *Старостин А.М.* (научный ред. и автор). Сборник научных трудов «Новое понимание субъектности и проблемы философской инноватики» / А.М. Старостин. — Ростов н/Д: Дониздат, 2012.
96. Философские проблемы глобализации в контексте философской инноватики. Сб. научн. трудов (науч. ред. А.М. Старостин). — Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2012.
97. *Старостин А.М.* (научный ред. и автор). Сборник научных трудов «Философская инноватика и глобальные проблемы современного общества» / А.М. Старостин. — Ростов н/Д: Дониздат, 2012.
98. *Старостин А.М.* Ю.А. Жданов и современные проблемы глобалистики / А.М. Старостин // В сб. «Ю.А. Жданов и проблемы системного моделирования». — Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ–СКНЦ ВШ, 2012.
99. *Старостин А.М.* Философские инновации в когнитивном и праксологическом контексте: монография / А.М. Старостин. — М.: URSS, 2012.
100. *Старостин А.М.* Социально-гуманитарные инновации в контексте философской прагматики: монография / А.М. Старостин. — Ростов н/Д: Дониздат, 2012.
101. *Старостин А.М.* Философия социально-гуманитарных инноваций / А.М. Старостин. — Ростов н/Д: ЮРИФ РАН-ХиГС, 2012.
102. *Старостин А.М.* Русская философия в контексте философской инноватики / А.М. Старостин // Ориентиры. 2011.
103. *Старостин А.М.* Русская философия в контексте философской инноватики / А.М. Старостин // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. — 2011. — № 4.

104. *Старостин А.М.* Современная философская деятельность в системе социально-гуманитарной инноватики / А.М. Старостин // Научная мысль Кавказа. — 2011. — № 4.
105. *Старостин А.М.* (научный редактор и автор). Сборник научных трудов «Философская инноватика и русский космизм» / А.М. Старостин. — Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2011.
106. *Старостин А.М.* (научный редактор и автор). Сборник научных трудов «Философская инноватика: поиски, проблемы, решения. Ежегодник-2011» / А.М. Старостин. — Ростов н/Д: СКАГС, 2011.
107. *Старостин А.М.* (научный редактор и автор). Сборник научных трудов «Философская инноватика и междисциплинарные проблемы современной конфликтологии» / А.М. Старостин. — Ростов н/Д: СКАГС, 2011.
108. *Старостин А.М.* (научный редактор и автор). Сборник научных трудов «Новое понимание субъектности в различных контекстуальных полях» / А.М. Старостин. — Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2011.
109. *Старостин А.М.* Философские инновации: когнитивная и аксиологическая репрезентации: монография / А.М. Старостин. — Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2011.
110. *Старостин А.М.* Философские инновации: когнитивная и аксиологическая репрезентации: монография / А.М. Старостин // Lambert Academic Publishing (ФРГ), 2011.
111. *Старостин А.М.* Русский космизм в образно-художественном измерении / А.М. Старостин, Е.В. Золотухина-Аболина, Н.В. Чемерисова, Н.Е. Ерохин. — Ростов н/Д: СКАГС, 2011.
112. *Старостин А.М.* (научный редактор и автор). Сборник научных трудов «Философская инноватика и современная геополитика» / А.М. Старостин. — Ростов н/Д: СКАГС, 2010.
113. *Старостин А.М.* (научный редактор и автор). Сборник научных трудов «Философская инноватика и междисциплинарные проблемы государственного управления в совре-

- менной России» / А.М. Старостин. — Ростов н/Д: СКАГС, 2010.
114. *Старостин А.М.* Семь «смертных грехов» современной бюрократии и проблемы повышения эффективности государственной и муниципальной власти / А.М. Старостин // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. — 2010. — № 3.
115. *Старостин А.М.* Новые подходы к методологии социального управления / А.М. Старостин // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. — 2009. — № 2. — С. 6–20.
116. *Старостин А.М.* (научный редактор и автор). Сборник научных трудов «Философия и наука. Проблемы развития и преподавания» / А.М. Старостин. — Ростов н/Д: СКАГС, 2009.
117. *Старостин А.М.* (научный редактор и автор). Сборник научных трудов «Русская философия и российская государственность» / А.М. Старостин. — Ростов н/Д: СКАГС, 2009.
118. *Старостин А.М.* Философские инновации: концепция и основные сферы проявлений: монография / А.М. Старостин. — Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2009.
119. *Старостин А.М.* и др. Социальное управление: вопросы теории и методологии: колл. монография / А.М. Старостин. — Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2009.
120. *Старостин А.М.* Русский космизм: эволюция парадигмы / А.М. Старостин // Труды V Всероссийского философского конгресса. Секция «Философия науки». — Новосибирск, 2009.
121. *Старостин А.М.* Русский космизм: перспективы развития / А.М. Старостин // Философия права. — 2008. — № 6.
122. *Старостин А.М.* Космизм: прошлое, настоящее, будущее / А.М. Старостин. — Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2007.
123. *Старостин А.М.* Эффективность деятельности государственной власти и управления: монография / А.М. Старостин. — Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2006.

124. *Старостин А.М.* Актуальные мировоззренческие вопросы астрономии и космических исследований: монография / А.М. Старостин. — Ростов н/Д: Изд-во РГПИ, 1991.
125. *Старостин А.М.* Космонавтика: парадигмы развития и парадоксы общественного восприятия / А.М. Старостин // В кн. «Космонавтика и перспективы человечества». — М., 1991.
126. *Старостин А.М.* Наблюдение и эксперимент в глобальной экологии / А.М. Старостин // В кн. «Философские проблемы глобальной экологии». — М.: Наука, 1984.
127. *Старостин А.М.* Освоение космоса как глобальная проблема / А.М. Старостин // В кн.: «Человек и космос». — М., 1981.
128. *Старостин А.М.* Некоторые методологические проблемы астросоциологии / А.М. Старостин // В кн. «Проблемы внеземных цивилизаций и некоторые тенденции космизации». — М., 1980.
129. *Старостин А.М.* Космонавтика и научный эксперимент. Проблемы методологии / А.М. Старостин, В.И. Севастьянов, А.Д. Урсул. — М.: Знание, 1979.
130. *Старостин А.М.* Экологические границы космического эксперимента / А.М. Старостин // В кн. «Труды 12-х Чтений К.Э. Циолковского». — М.: Изд-во ИИЕиТ, 1979.

**ПРЕЗЕНТАЦИЯ ИНСТИТУТА
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И ГЛОКАЛИЗАЦИИ
РГЭУ (РИНХ)¹**

В конце декабря 2017 г. в РГЭУ (РИНХ) наблюдалось большое оживление, связанное с приездом и выступлением перед профессорско-преподавательским составом известного эксперта в области глобальных проблем профессора, доктора экономических наук М.Г. Деягина.

С ним было заключено соглашение: между возглавляемым им Институтом проблем глобализации (г. Москва) и недавно утвержденным Институтом междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации РГЭУ (РИНХ).

ИМИГПИГ РГЭУ (РИНХ) учрежден решением Ученого совета и начал работу по приказу ректора РГЭУ (РИНХ) проф. А.У. Альбекова от 15.05.2017 г. В настоящее время в штате института — директор, доктор политических наук, профессор и три младших научных сотрудника (два кандидата наук и один магистр политологии).

¹ Материал подготовлен в книгу, посвященную 90-летию РГЭУ (РИНХ), отмечаемого в 2021 г.

**Слева направо: Н.М. Печерская, А.М. Старостин, Е.Н. Тованцова,
Л.А. Лобова (2021 г.)**

В 2018 г. по решению Ученого совета и в соответствии с приказом ректора и договором о сотрудничестве учреждена сетевая кафедра ЮНЕСКО как филиал головной кафедры ЮНЕСКО факультета глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова. В составе сетевой кафедры работает шесть экспертов. В настоящее время на базе ИМИГПИГ также организовано региональное отделение РОГИС (Российское общество глобальных исследований, функционирующее с апреля 2020 г.).

Основная цель Института: разработка новых подходов (моделей) к глобализации и организация на этой основе научно-экспертной и консультационной работы в области оценки рисков, диагностики процессов и прогнозированию перспектив глобализации и ее глокальных проекций на развитие нашей страны и регионов Юга России.

Институт и вышеупомянутые структуры при нем возглавляет доктор политических наук, профессор А.М. Старостин: известный ученый, почетный работник высшего профессионального образования РФ, автор около 900 научных публикаций, подготовивший около 80 кандидатов и докторов наук. Несмотря на сравнительно небольшой промежуток времени работы ИМИГ-ПиГ по признанию руководителей факультета глобальных процессов МГУ и РОГИС стал одним из ведущих исследовательских и экспертных центров страны, координирующих профильную работу на Юге России.

**Профессор Ю.Н. Саямов, заведующий кафедрой ЮНЕСКО факультета глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова и ректор РГЭУ (РИНХ) профессор А.У. Альбеков.
Соглашение с кафедрой и факультетом МГУ и ИМИГПиГ РГЭУ (РИНХ) заключено в мае 2018 г.**

Директор ИМИГПиГ был награжден ведомственной наградой — орденом В.И. Вернадского (учредитель — Независимый экологический фонд РФ им. В.И. Вернадского) в июне 2019 г.

Вручение проф. А.М. Старостину ордена В.И. Вернадского на Международной конференции в МГУ им. М.В. Ломоносова деканом факультета глобальных процессов проф. И.В. Ильиным в 2019 г.

Институт работает в настоящее время по общей теме: «Современная мировая социально-политическая динамика: альтернативные модели глобализации и их глокальные проекции», координируя свою деятельность с работой основных партнеров — факультетом глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова (декан — проф. В.И. Ильин), Институтом проблем глобализации (научный директор проф. М.Г. Делягин), кафедрой ЮНЕСКО МГУ (заведующий проф. Ю.Н. Саямов) и Российским обществом глобальных исследований (Президент — академик РАН В.А. Садовничий). Директор ИМИГПиГ, проф. А.М. Старостин включен в Президиум РОГИС и является членом Российского комитета по программе ЮНЕСКО «Управление социальными преобразованиями» при МИД РФ.

Заседание Российского комитета по программе ЮНЕСКО «Управление социальными преобразованиями — МОСТ» (11 декабря 2019 г., Москва МИД РФ) с участием профессора А.М. Старостина.

В составе Института работают 3 младших научных сотрудника: Е.Н. Тованцова, кандидат политических наук, доцент, автор более 50 научных публикаций, включая 10 монографий; Л.А. Лобова, магистр политологии, автор около 30 публикаций, в том числе 3 монографий, ученый секретарь регионального отделения РОГИС; Н.М. Печерская, кандидат психологических

наук, автор около 40 публикаций, региональный представитель Мемориального общества А.И. Печерского при РГЭУ (РИНХ).

Работники Института активно организуют конференции и «круглые столы» с международным участием по проблемам глобализации и актуальной социально-политической проблематике. На базе Института организовано шесть научных конференций с международным участием и публикацией коллективных монографий и сборников, представленных в РИНЦ. Среди них: «Альтернативные модели глобализации и проблемы современной глобальной динамики» (2017 г.); «Философия образования в глобальном и национальном измерении» (2018); «Междисциплинарные проблемы международных отношений в глобальном контексте» (2019); «Мировоззренческие вопросы исторического образования и воспитания в глобальном контексте» (2020).

Открытие конференции «Междисциплинарные проблемы международных отношений в глобальном контексте» 5 декабря 2019 г., РГЭУ (РИНХ)

Члены коллектива Института активно выступают на пленарных и секционных заседаниях международных и всероссийских конгрессов и конференций. В целом за 2017–2020 гг. на различных форумах было представлено более 70 докладов. В их числе международные конгрессы по глобалистике на базе МГУ, которые собирали ученых более чем из 70 стран мира — «Глобалистика-2017» и «Глобалистика-2020». А также на V, VI и VII международных научных конференциях по глобалистике на базе МГУ.

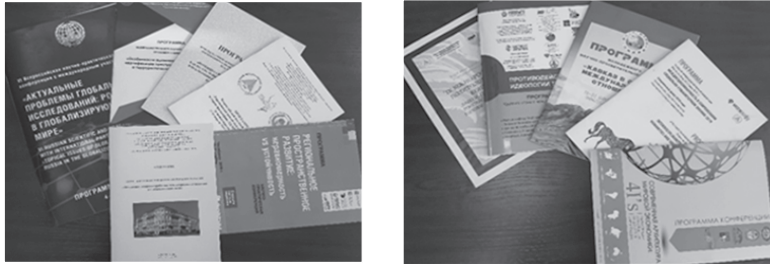
С приветственным словом на торжественном открытии в МГУ им. М.В. Ломоносова VI Международного конгресса «Глобалистика 2020» выступила ректор РГЭУ (РИНХ) проф. Е.Н. Макаренко

Институт активно сотрудничает с кафедрами РГЭУ (РИНХ) — «Исторических и политических наук», «Международной экономики», «Мировой политики и глобализации», профессорским клубом Таганрогского института им. А.П. Чехова по использованию наработанных научных знаний в учебном процессе. Совместно с кафедрой «Мировой политики и глобализации» подготовлен новый учебный план по направлению «Политическая регионалистика и глобалистика» с ориентацией на подготовку специалистов в области международных отношений. Сделано уже два набора на ступень бакалавриата и несколько выпусков магистратуры. Сотрудниками Института разработано и читается около 10 учебных курсов.

Работниками Института ведется активная публикационная работа. Всего за четыре года опубликовано около 15 монографий, более 120 научных статей, в том числе около 50 статей в журналах из списка ВАК и зарубежных изданиях. Укажем на такие публикации, как:

Старостин А.М. Глобализация современного мира: концептуальная репрезентация: монография (Ростов н/Д, 2018. 15 п.л.); *Старостин А.М.* Исследовательская философия в системном и инструментальном измерении: монография (Ростов н/Д, 2018. 44 п.л.); *Тованчова Е.Н.* Политика национальной безопасности

России в контексте транспарентности власти: монография (Ростов н/Д, 2018. 7 п.л.); *Старостин А.М., Тованчова Е.Н., Лобова Л.А., Печерская Н.М.* «Междисциплинарные проблемы международных отношений в глобальном контексте»: колл. монография (Ростов н/Д, 2019. 20 п.л.); *Старостин А.М., Тованчова Е.Н., Денисенко И.Ф.* Повестка дня для современной российской административно-политической элиты: монография (Ростов н/Д, 2020. 12 п.л.); *Старостин А.М.* Новая философия глобального полицентричного мира // *Век глобализации.* 2020. № 1; *Старостин А.М.* Новая философия глобального мира: проблемная репрезентация (Ростов н/Д, 2021).

Панорама изданий трудов ИМИГПиГ РГЭУ (РИНХ)

Две книги, представленные сотрудниками Института на Всероссийский конкурс на лучшую научную книгу, стали лауреатами. Это: *Старостин А.М.* Исследовательская философия (2019 г.) и «Мировоззренческие вопросы исторического образования и воспитания в глобальном контексте» (научный ред. Старостин А.М., Узнародов И.М.) (2020 г.).

ИМИГПиГ активно сотрудничает с новой Российской общественно-научной организацией «Российское общество глобальных исследований» (РОГИС), открывшей в 2020 г. в Интернете портал Globalistika.ru. Здесь представлены записи шести публичных лекций по современным проблемам глобализации (Старостин А.М., Тованчова Е.Н., Лобова Л.А.) и монографические работы сотрудников Института.

Институт ведет активную заявочную работу на гранты РФФИ, РНФ и других фондов. Всего сделано более 10 заявок, получивших положительные отзывы по актуальности и новизне.

Деятельность ИМИГПиГ обстоятельно освещается в СМИ на сайте Globalistika.ru, сайте РГЭУ (РИНХ), в газетах «Академия», «Экономист», на страницах журнала «Донской регион».

В качестве основных научных результатов работы коллектива ИМИГПиГ следует указать на разработку и обоснование новой модели глобализации, репрезентированной в идее «Альтернативных моделей глобализации», где в качестве таковых исследованы возможности суперпозиции в рамках эволюционной диатропики секторной, антропологической и космической направленности глобализации.

Проведен анализ феноменологических проявлений современной глобальной динамики и обращено внимание на такие значимые ее проявления, как формирование многополюсного мира локальных цивилизаций и подготовка третьей волны глобализации с новой глобальной коннектографией, сочетаемой с третьей волной государствообразования на рубеже XX и XXI вв.; переход к новому формату глобального управления (глобально-ролевому) и регулирование международных отношений в системе локально-цивилизационной и государствообразующей диатропики.

Предложены новые алгоритмы междисциплинарного фрейминга в современной глобалистике на основе авторской версии исследовательской философии и современной прикладной философии (философской инноватики).

Разработаны и апробированы новые концепты, применимые в современной репрезентации глобальных процессов: философия глобального полицентричного мира; философия международных отношений; волны глобализации; глобальная коннектография; глобальный фрейминг; глобальный кватернион; глобально-ролевая модель управления; локально-цивилизационная диатропика; глобальная субсидиарность; глобальная демократия; антивирусная глобализация; альтернативные модели

глобализации; государствообразующий трансфер в глобальном мире; стратегии глобального развития; транспарентность и рестриктивность в государственном и глобальном управлении.

Отмеченные результаты нашли развернутое отражение в монографических и иных публикациях, докладах и лекциях сотрудников ИМИГПиГ РГЭУ (РИНХ) в 2017–2021 гг.

Приложение 2

Золотухина-Аболина Е.В. Поиск системы философских знаний (размышление над книгой А.М. Старостина «Исследовательская философия») // Экономическая наука современной России. 2019. № 86 (3). С. 152–157.

URL: [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2019-3\(86\)-152-157](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2019-3(86)-152-157)

Аннотация

В научно-учебном издании профессора А.М. Старостина вводятся и апробируются понятия «философские инновации» и «исследовательская философия». Автор разделяет весь массив философских исследований на фундаментальные и прикладные — сферу философских инноваций. Фундаментальные философские исследования направлены на изучение проблем бытия, мышления, познания, истины, свободы и других основополагающих категорий. Сфера фундаментальных исследований меняется медленно и отмечена в своем развитии выдающимися именами (Платон, Декарт, Кант, Шопенгауэр, Гуссерль, Хайдеггер и др.). Что касается сферы философских инноваций, то ее появление и развитие связаны с приложением методов философской рефлексии к осмыслению междисциплинарных проблем науки, развития политических, религиозных, художественных, этических течений, которые не могут быть исследованы только посредством собственных методов. Сфера философских инноваций развивается динамично и по своим масштабам на два порядка объемнее сферы фундаментальной философии. Автор, исходя из данного видения фундаментальной и инновационной проекции философского знания и философских методов, анализирует в своем издании современные проблемы политики, образования, культуры, науки, управления и др.

Ключевые слова: исследовательская философия, философская инноватика, фундаментальные философские исследования, прикладные философские исследования, операциональный подход к философии, парадигмальные модели философии, философская альтернативистика.

В 2018 г. в Ростове-на-Дону вышла примечательная книга под названием «Исследовательская философия» (изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018). Это объемный том, насчитывающий 704 страницы, серьезный труд, который создавался автором не один год. Автор книги — Александр Михайлович Старостин, доктор политических и кандидат философских наук, профессор, написавший более 850 научных работ, в настоящее время руководит Институтом междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации Ростовского государственного экономического университета, является действительным членом Академии политической науки. Впрочем, о прочих регалиях автора, которых у него немало, можно узнать, открыв саму книгу, моя же задача, как я вижу ее, дать читателям хотя бы конспективное представление о главных темах этого неординарного исследования и поделиться своими соображениями относительно высказанных А.М. Старостиным идей.

Хотя А.М. Старостин много лет занимается политологией и философией управления, а также вопросами глобализации, главной его любовью была и остается философия. В работе, представляемой здесь вниманию читателя, автором ставится важная амбициозная задача — увидеть философию как целое, рассмотреть ее в ее системном качестве, в единстве ее фундаментальных и прикладных форм. А.М. Старостин, по сути, с первых же строк включается в бесконечную открытую полемику о том, что такое философия, каков ее практический, житейский потенциал, каким образом она способна служить людям, не оставаясь прерогативой отдельных мудрецов и теоретиков, поселившихся в метафизической «башне из слоновой кости». Важность, востребованность философского знания, его способность принимать участие в решении самых разных проблем — вот что волнует А.М. Старостина, и здесь его погруженность в иные пласты социально-гуманитарного знания дает свои благие плоды и служит ему верную службу. Не имея возможности, обратиться ко всем частям огромного исследования, я выделю моменты, которые видятся мне главными и наиболее интересными в рецензируемом тексте.

Книга содержит шесть частей. В первом разделе философия рассматривается в академической, диатрибической и исследовательской проекциях. Второй раздел посвящен фундаментальной и прикладной философии, инновационным механизмам операционализации фундаментальной философии. Третий раздел освещает прикладную философию через фигуры конкретных авторов. Четвертый — дает исследовательские примеры прикладной философии как философской инноватики. Пятый рассматривает философско-прикладные аспекты и проблемы российского государственно-цивилизационного развития. Шестой содержит интервью, которые давались автором разным изданиям в 2000-х гг. Однако все рассматриваемые сюжеты являются разверткой главной идеи, данной в первых частях работы — идеи о прикладном и инновационном характере философского познания.

Рассматривая философию как исследование различных взаимоотношений человека и мира, автор уверен в том, что ее способ мышления и полученные знания можно использовать операционально. «Мы придерживаемся, — пишет он, — концепции возможности операционализации философии с фундаментального ее уровня на прикладной, называя эту концепцию «философской инноватикой» (указ. соч. С. 14). Возможность полезного «приземления» философии автор видит в возникновении целого спектра дисциплин, таких, к примеру, как «философия науки», «философия политики», «философия образования». Кроме того, философская инноватика для него — это интеллектуальные и практические разработки междисциплинарного вида, в создании которых активно участвует философская рефлексия. Автор выделяет этапы основных революций в философии, показывая, как в ходе европейской истории изменялся ее практический прикладной характер: философия как инструментарий метафизики; как теория богословия; как логика и методология научного познания; как процесс становления разных парадигмальных моделей прикладной философии, как инструментарий формирования глобальных идеологий; наконец, как инстру-

ментарий когнитивной коммуникации и диффузии инноваций. На наш взгляд, это весьма интересный и продуктивный подход, позволяющий выявить те роли, которые играла философия в культуре разных эпох, лучше выяснить ее значимость для конкретно-исторического менталитета.

Обсуждая тему философии как фундаментального самодостаточного дискурса, области преподавания и области исследования, автор делает акцент на ее исследовательской функции. Здесь он указывает не только на расширение поля приложений философских знаний, но также на появление новых фундаментальных философских систем, создание в XIX–XX вв. не существовавших прежде направлений, таких как марксизм, прагматизм, феноменология, герменевтика и т.д. «Все это, — пишет автор, — укладывается в нелинейно развивающееся многообразие философских систем, которые эволюционируют по принципу гомологических рядов, образуя диатропический мир философии» (указ. соч. С. 46). Под диатропикой автор понимает учение о разнообразии и его закономерностях. Весьма интересными являются также размышления А.М. Старостина о философской альтернативистике — появлении альтернативной онтологии, когнитологии, аксиологии, социальной философии и философии истории. Источники альтернативной онтологии автор видит в открытиях физики, альтернативной аксиологии — в разнообразии культурных кодов, аксиологии — в противоположных установках элитаризма и эгалитаризма. Быть может, можно поспорить с автором о том, что эти альтернативы — плоды лишь сегодняшней исторической ситуации, но сам ракурс анализа, несомненно эвристически ценен. Рассматривая альтернативные аксиологические проекты, автор анализирует фашизм и новые гендерные установки, характерные для современности. Источником альтернативной когнитологии, по его мнению, является новая информационная картина мира, когда натуральный объект становится одним из частных случаев объектов виртуальных.

Стоит заметить, что автор, для которого характерна строгость и системность мышления, активно прибегает в своем ис-

следовании к пояснительным схемам, позволяющим наглядно увидеть и сравнить разные подходы, описанные на предыдущих страницах.

Обращаясь к теме взаимодействия фундаментальной и прикладной философии, А.М. Старостин отдает себе отчет в сложности адаптации «высокого» философского знания к конкретным предметам. Он пишет: «Речь идет о необходимости перевода сложного гуманитарного дискурса из неявно принимаемого философски-методологического и философски-мировоззренческого контекста в отрефлектированный контекст и даже текст, системно совмещенный с междисциплинарным и дисциплинарным знанием» (указ соч. С. 79). Тем не менее он полагает этот процесс не только возможным, но реально идущим в культуре, чему и посвящена львиная доля конкретных примеров (кейсов), составляющих основное содержание книги.

Процесс идет как «вертикально», так и «горизонтально»: знания и методы, рождающиеся в «метафилософии», «абсолютной философии» и разделяющиеся на различные философские парадигмы, образно говоря, спускаются в сферу практики сообразно особенностям той культуры, к которой принадлежат, а там внедряются в качестве важного момента и составной в разные виды знания и духовных практик: экономику, политику, науку, право, мораль, искусство, управление, религию. «Объем прикладного философского знания и философских инноваций, — пишет автор, — сейчас намного превышает приращение фундаментального философского знания. Это факт, и от него не уйдешь, речь только о том, насколько профессионально и осознанно мы применяем прикладной философский инструментарий и насколько точно квалифицируем решаемые задачи» (указ. соч. С. 87).

В контексте размышления о теме субъективности автор дает интересный очерк, посвященный понятию философского опыта. Не сводя опыт, как это порой выглядит в традиции, к багажу чувственного восприятия, А.М. Старостин рассматривает философский опыт в качестве сложного интеллектуально-чувственного и эмоционально-ценностного комплекса знаний и умений,

который выступает как метод практического и познавательного движения вперед. Философский опыт для него это: инструмент пополнения знания; само знание определенного качества и уровня; ценность, с которой соотносится значимость явлений и предметов база проблематизации знаний; критерий достоверности и релевантности знаний; инструмент внешнего целеполагания и внутренней регуляции чувственно-эмоциональных состояний; база обобщений, движение к моделям предметов; система вхождения в измененные состояния сознания. Можно согласиться с автором в том, что дальнейший список возможностей философского опыта должен быть далее развернут, но это, конечно, особая задача. Примечательно, что по пространственному охвату автор выделяет такие виды философского опыта как геоцентрический, космоизированный и космический.

В то же время вне авторского внимания не остаются культурно-цивилизационные и национальные различия философии и философского опыта, поэтому он размышляет о западноцентристском универсализме и цивилизационном подходе, позволяющем учесть специфику разных культур, в частности, российской культуры.

Третий раздел книги посвящен прикладной философии в персоналиях. Автор выполнил здесь весьма ценную историко-философскую и историко-культурную работу, так как он обращается не только к знаменитым именам столичных философов, но рассматривает целую когорту философов донских, профессоров Ростова-на-Дону, которые внесли свой немалый вклад в ту практическую, влияющую на жизнь философию, о которой в книге идет речь.

А.М. Старостин обращается к фигуре Э.В. Ильенкова, подчеркивая не только его вклад в философский марксизм своего времени, но и его влияние на идеи в сфере образования, психологии и педагогики. Г.П. Щедровицкий отмечен им как поистине философский инноватор, создавший новую организационную форму коллективного рефлексирования и совершенствовавший инструменты методологической рефлексии. Большой

раздел работы посвящен М.К. Петрову как историку и философу науки. А имя Ю.А. Жданова связано с прикладной философией в области образования и борьбой против антисциентизма, а также с рассмотрением культурного кода цивилизации и вопросами экологии.

В.Е. Давидович увиден автором как автор инновационной деятельности концепции культуры и как теоретик современного космизма, а также как человек, обладавший живой образной остроумной речью и способный доносить философские идеи в форме шуток, анекдотов и тостов, но идеи, тем не менее, не теряли при этом своей глубины.

Е.Я. Режабек рассмотрен в монографии А.М. Старостина как зачинатель на Дону когнитологических исследований, проблем научного познания, мифомышления и других проблем при опоре на синтез предметно-дисциплинарного материала. Не была обойдена вниманием и разработка диалектической логики А.М. Минасяном, весьма значимой для своего времени. Данный автором обзор демонстрирует, что практически каждый значимый философ-исследователь прямо касается практических жизненных проблем и вносит свой вклад в практику жизни как «новатор и инноватор».

Если в первой части книги А.М. Старостин излагает свою методологическую и теоретическую платформу, то вторая содержательная часть, составляющая, пожалуй, две трети всего текста — это предметное раскрытие философской инноватики на конкретных примерах прикладных исследований с активным участием философской рефлексии. Здесь присутствуют следующие сюжеты: «Философия науки и эпистемологическая инноватика»; «Философия космизма»; «Философия глобализма»; «Философия социально-гуманитарных наук и инноваций»; «Философия управления»; «Философия политики и политологическая инноватика»; «Философия образования и философско-образовательная инноватика»; «Философия когнитологии»; «Философия конфликтологии»; «Философия элитологии»; «Философия гендера»; «Философские проблемы геополитики»; «Этика как

прикладная философия»; «Философия безопасности»; «Философия местного самоуправления»; «Философия и демография»; «Философия исторического образования»; «Философия социальных патологий». Я намеренно не воспроизвожу полных и достаточно развернутых названий глав, стремясь показать читателю основную проблематику этого раздела. Совершенно очевидно, что автор осуществляет огромный охват разных сторон жизни, которые он рассматривает как предмет прикладных философских исследований. В каждой главке содержится множество интересных мыслей относительно возможностей философской рефлексии на стыке разных дисциплин, о реальном взаимодействии философии с другими социально-гуманитарными подходами. Изложение иллюстрируется доходчивыми схемами.

Пятый раздел книги содержит рассмотрение философско-прикладных аспектов российского государственно-цивилизационного развития. Речь здесь идет о власти, бизнесе и гражданском обществе; об эффективности государственного управления, о межнациональных отношениях и т.д. И все эти вопросы А.М. Старостин рассматривает как представитель философской инноватики — с позиций философа, который погружен в современный мир с его проблемами и включает для их понимания и разрешения весь арсенал мировой философской мысли.

Разумеется, в огромной работе Александра Михайловича можно найти и спорные моменты, что весьма положительно характеризует анализируемый текст. Лично мне как философскому антропологу представляется, что прикладной момент философии не обязательно получать, «спуская идеи с метафизических небес». Мне кажется, что сами онтологические или гносеологические конструкции философии работают практически просто потому, что они попадают в умы людей и формируют их мышление и их мировоззренческие установки. Философия максимально практична, так как она предлагает людям на выбор идейные и ценностные ориентиры. Тогда она не «прилагается» к какой-то отдельной сфере, а становится той компонентой сознания, которая дает возможность совершать и внутренний,

и практический выбор, хотя конкретного выбора она, конечно, не гарантирует, здесь включается ответственность самого человека.

Второй момент, по которому можно поспорить, это признание тотальной полезности прикладных аспектов гуманитарного знания, в частности, философии. Философию с ее представлениями о сознании, также как психологию, можно использовать во зло, например, для манипулятивных практик. К сожалению, в большинстве своем все «социальные технологии», основанные в том числе на прикладных аспектах философии — это манипуляции. Происходит манипуляция даже с такой «священной коровой» философии как свобода, которая нередко становится стереотипом и «мемом», в результате чего собственно философский смысл из нее выветривается.

Третий спорный для меня сюжет — это перспектива успешной междисциплинарности. Междисциплинарность предполагает разные языки, и даже ученые-гуманитарии, не говоря уже о других, должны блестяще владеть языками своих «инодисциплинарных коллег», чтобы синтез идей и подходов удался. Но, поскольку сами нынешние науки нередко глубоко дифференцированы, то исследователи не владеют даже языками своего предмета, не говоря уже о языке философии, которую, кстати, стали в высшем образовании сильно потеснять. Ученые, не владеющие философским языком, не смогут воспользоваться работами философской инноватики.

Впрочем, мои возражения — это момент естественного и необходимого профессионального спора, который говорит о живости и востребованности тех проблем, которые так хорошо представлены в обширной монографии А.М. Старостина. Он — оптимист, он верит в великое будущее философской инноватики, и вся его работа обосновывает его оптимистическую позицию. Думаю, что стоит пожелать ему новых творческих свершений, которые расширят наш кругозор и дадут пищу современным философским умам.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Исследовательская философия как методологическая и аксиологическая база анализа процесса глобализации и инструментарий междисциплинарного фрейминга в глобалистике	12
Глава 2. Альтернативные модели глобализации в контексте современных глобальных трансформаций.....	37
Глава 3. Русская философия глобального мира	54
Глава 4. Глобальный кватернион и стратегии мировой динамики	71
Глава 5. Новые измерения глобализации: антивирусная глобализация.....	82
Глава 6. Когнитивно-дискурсивный анализ социальных трансформаций в координатах современной глобальной динамики (российский кластер).....	91
Глава 7. Философия международных отношений в контексте современной глобальной динамики. Глобально-ролевой дискурс	104
Глава 8. Глокальная репрезентация цивилизационных и энвайронментальных проблем Южно-Российского региона.....	128
Глава 9. Научное и социальное проектирование в эпоху глобализации: опыт и риски больших проектов	147
Глава 10. Конфигурация социально-политического управления России в преддверии новой волны глобализации	154
Глава 11. Создание эффективной системы высшего образования как ресурс для инновационного развития и парирования глобальных угроз (на примере Юга России)..	165

Заключение	176
Библиография	183
<i>Авторская библиография по глобалистике и прикладной философии</i>	198
Приложение 1. Презентация Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации РГЭУ (РИНХ)	214
Приложение 2. Золотухина-Аболина Е.В. Поиск системы философских знаний (размышление над книгой А.М. Старостина «Исследовательская философия») // Экономическая наука современной России. 2019. № 86 (3). С. 152–157	223

Научное издание

Александр Михайлович Старостин

**НОВАЯ ФИЛОСОФИЯ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА:
ПРОБЛЕМНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ**

Монография

Издается в авторской редакции

Ответственный за выпуск *Л. Е. Григорьева*
Технический редактор *Я. С. Лавелин*
Художественный редактор *Е. Н. Максименко*
Компьютерная верстка *И. А. Елисеев*

Подписано в печать 07.06.2021.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Уч.-изд. л. 13,25.
Гарнитура NewtonС. Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ №

ООО «Мини Тайп»
344002, г. Ростов-на-Дону, Серафимовича 53/60,
тел. (опт.) (863) 282-63-63, 299-91-97

Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии».
109316, Москва, Волгоградский пр., д. 42, корп. 5.
Тел.: 8 (499) 322-38-30.